

**БОХТАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ НОСИРА ХУСРАВА**

На правах рукописи

САИДОВА МАРХАБО ШОХОЛМАХМАДОВНА

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ГУМИЛЁВА НА
ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК**

Специальность 5.9.2. Литературы народов мира

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **Имомзода М.С.**

Душанбе-2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ГУМИЛЁВА НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК	
1.1. Художественный перевод: история вопроса.....	17
1.2. История художественного перевода на таджикский язык.....	45
1.3. Историко-типологическое значение творчества Н.С. Гумилёва для таджикской литературы.....	54
1.4. История и особенности перевода произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык.....	63
Выводы по первой главе.....	82
ГЛАВА II. ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ Н.С. ГУМИЛЁВА: СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
2.1. Стилистическая характеристика художественного перевода прозы Н.С. Гумилёва на таджикский язык.....	85
2.2. Семантико-стилистические характеристики перевода поэзии Н.С. Гумилёва на таджикский язык.....	117
2.3. Воспроизведение восточного колорита поэзии Гумилёва в таджикских переводах.....	126
Выводы по II главе.....	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	160
ПРИЛОЖЕНИЯ	

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования заключается в неотъемлемой связи художественной литературы с мировым литературным процессом, который преодолевает ограничения национальных рамок и находится под воздействием различных культур. История мировой литературы подтверждает постоянное взаимодействие литератур разных народов, что способствует их взаимному художественному обогащению.

В основе этого взаимодействия лежит объективная общность мирового литературного процесса, который обуславливает взаимозависимость национальных литератур и культур Востока и Запада. Это проявляется в неразрывном контакте, взаимовлиянии, типологической общности и преемственности традиций, формируя общие закономерности художественного мышления. Поэтому изучение культуры логично проводить через призму межкультурного диалога, позволяющего раскрыть глубину и полноту каждой культуры в глазах другой.

Особенно актуальной становится эта проблема в контексте исследования художественной культуры в XX столетии, когда возникает потребность в возрождении межкультурных коммуникативных связей на новом уровне. Этот уровень предоставляет основу для взаимостановления и взаимообогащения культур внутри художественного пространства.

Примером такого взаимодействия в мировой литературе являются историко-культурные отношения между русским и таджикским народами, протекающие на протяжении столетий. Влияние одной литературы на другую осуществляется различными способами, включая перевод, который играет значительную роль в реализации литературных связей.

В области таджикской литературной науки активно проводятся исследования, посвященные проблемам перевода и восприятия творений различных авторов на таджикский язык. Например, проведены анализы особенностей перевода произведений М. Цветаевой на таджикский язык,

исследования истории переводов и творчества Н.В. Гоголя, рассмотрение истории и сложностей перевода лирических стихов и прозы А.С. Пушкина на таджикский и персидский языки, анализ трудностей передачи стиля в переводах поэзии А.А. Ахматовой на таджикский язык, изучение особенностей перевода творчества М.Ю. Лермонтова на таджикский язык, а также художественно-стилистическая оценка перевода произведений И. Бунина на таджикский язык и др.

В последнее время стали появляться работы, рассматривающие проблематику переводов произведений таджикских авторов на русский язык. Так, в исследовании Н.Ш. Хамидовой посвящено вопросам художественного перевода поэзии в современной таджикской литературе на примере переводческой деятельности Лоика Шерали и переводов его поэзии на русский язык [195; 167]. В диссертации М.Н. Саидходжаевой изучается с лингвистической точки зрения русский перевод романа Рахима Джалила «Шураб» [180].

Однако на наш взгляд, все еще существует множество пробелов в данной проблематике, при том, что общественно-политическая ситуация и культурно-социальный контекст предполагают более глубокое изучение историко-сопоставительных литературных связей. Отметим также важность таджикско-русского межкультурного диалога в современной обстановке.

Существуют две основные стороны взаимодействия между русской и таджикской литературой. Первая сторона заключается в воздействии литературы Востока, включая таджикскую, на русскую литературу. Вторая сторона включает в себя влияние русской литературы на таджикскую литературу в XX веке, особенно в период советской эпохи.

Научная литература, посвященная изучению русско-таджикских литературных связей, в настоящее время обширна. Ученые уделяют пристальное внимание культурным и литературным взаимосвязям между русским и таджикским народами на протяжении веков. В работе обсуждаются такие известные литературные фигуры, как А.С. Пушкин [233;

1907-1915], М.Ю. Лермонтов [232; 335], А. Фет [234], С. Есенин [231], которые имеют тесные связи с персидско-таджикской литературой, а также выделяется вклад Н.С. Гумилёва [226; 5-31].

Данная диссертация впервые осуществляет сравнительный анализ таджикских переводов произведений Н.С. Гумилёва и их оригиналов. Кроме того, представлен сопоставительно-типологический анализ творчества этого писателя с целью определения теоретического и практического значения данной проблемы, которое ранее не исследовалось в отечественном литературоведении. Особое внимание уделяется влиянию русского писателя на творчество классиков персидско-таджикской литературы, особенно на произведения Фирдоуси, Саади и Хафиза.

Степень разработанности темы исследования. В таджикском литературоведении особое внимание уделяется исследованиям истории поэтического перевода, а также литературным связям литературы разных народов, в частности связи с современной русской литературой, которые и сейчас не теряют своей актуальности.

История художественного перевода в Таджикистане все еще мало исследована в таджикской науке, несмотря на то, что можно отметить благоприятную тенденцию в активизации появления в последнее время работ, посвященных данному вопросу. Связанная с художественным переводом проблематика также заслуживает внимания исследователей: Взаимодействие между литературами, будь то родственные или разнонациональные, становится предметом все более глубокого исследования, особенно в контексте долговременных взаимосвязей таджикской и русской литератур. В предыдущем обзоре был выделен ряд работ современных таджикских ученых, посвященных проблемам перевода произведений русских писателей на таджикский язык. Эти исследования не только раскрывают технические аспекты перевода, но и затрагивают вопросы культурного адаптирования и взаимопонимания.

Однако важно отметить, что взаимодействие между этими двумя литературными традициями не ограничивается лишь аспектами перевода. Исследователи также обращают внимание на усилия таджикских писателей, направленные на активное включение элементов русской литературы в свои произведения. Этот двусторонний поток воздействия не только обогащает литературное наследие обеих культур, но и создает уникальные литературные синтезы, отражающие многообразие и обогащение творческого опыта.

Выше мы отмечали некоторое количество работ современных таджикских ученых, посвященных проблемам перевода русских писателей на таджикский язык и работ таджикских писателей в этом направлении. Так, С.С. Холботурова описывает связи А. Блока с такими таджикскими писателями как Х. Юсуфи и К. Кироми, переводившими произведения русского поэта и отмечавшими влияние его творчества на свои работы [201, с. 200]. Также интересно замечание С.А. Мирзоевой, отмечавшей близость творчества поэтесс М. Цветаевой и Ф. Худжанди и влияние поэзии русской поэтессы на таджикской [143; 140]. Однако аналогичных исследований творчества Н. Гумилева на данный момент в таджикском литературоведении не существует.

Проблема взаимодействия литературных течений, взглядов и творчества отдельных писателей является краеугольным камнем для таджикских исследователей. Особое внимание уделяется анализу влияния русских литераторов на формирование национальных литературных традиций. В частности, проблема воздействия творчества Н.С. Гумилёва на развитие реалистической прозы и поэзии в литературе других народов становится объектом всеобщего интереса и научных исследований [72; 750].

Многочисленные статьи и труды современных литературоведов предоставляют нам обширное представление о Н.С. Гумилёве, его многогранном творчестве и влиянии на литературные течения в различных культурах. Как отмечает А.М. Горький, лишив русскую литературу творений

Гумилёва, она утратит яркий цвет, и звездное сияние его уникальной страннической души [66; 21].

В Республике Таджикистан уделено значительное внимание личности и творчеству Н.С. Гумилёва, что отражено в научных и научно-популярных публикациях. Особо следует выделить статью М.А. Бобоева под названием «Гумилёв и восточная литература» [35; 68-70], в которой рассматривается влияние восточных тем в творчестве этого выдающегося русского писателя.

Н.С. Гумилёв, стоявший вне литературных группировок и политических партий, представляет собой уникальную творческую личность конца XIX - XX веков в русской литературе. Важным вкладом в исследование стал труд М.А. Бобоева, единственного, где рассматриваются аспекты перевода произведений Гумилёва на таджикский язык и влияние Востока на его творчество.

Диссертация Г.В. Килгановой под заголовком «Ориентализм в прозе Н.С. Гумилёва» предоставляет глубокое определение ориентального творчества этого выдающегося русского писателя. Автор подчеркивает, что поэзия и проза Гумилёва на восточные темы становятся неотъемлемой частью художественного осмысления духовной истории человечества и поиска скрытого смысла исторических событий [107; 17].

Сложно переоценить значение художественного перевода в становлении и развитии культурных связей. Литературные судьбы различных народов тесно переплетаются с этим искусством, создавая непрерывный поток взаимного вдохновения и культурного обогащения.

В контексте таджикской литературной дискуссии, статья М.А. Бобоева, посвященная Гумилёву и восточной литературе, выступает как единое произведение, освещающее не только творчество самого писателя, но и важные аспекты перевода его произведений на таджикский язык. Взгляд на влияние Востока на Гумилёва представляется в этой работе как неотъемлемая часть его художественной и духовной эволюции.

Ориентализм в прозе Н.С. Гумилёва, рассмотренный в диссертации Г.В. Килгановой, предоставляет углубленное исследование тем востока в творчестве писателя. Автор подчеркивает, что произведения Гумилёва, освещающие восточные темы, являются важной составной частью художественного осмысления духовной истории человечества, а также поиска скрытого смысла исторических событий.

В этом контексте, роль художественного перевода становится ключевой. Он не только обеспечивает доступ к произведениям Гумилёва для таджикской аудитории, но и акцентирует важность культурного обмена через линзу литературных переводов. Такие переводы, будучи мостом между культурами, формируют богатый диалог и способствуют глубокому пониманию разнообразных исторических, философских и эстетических аспектов.

В свете высказанного неизбежно приходится выделить первую докторскую диссертацию в Республике Таджикистан от Ф.М. Турсунова, посвященную теме «Сопоставительное исследование». В ее основе лежит всеобъемлющий и достоверно выверенный анализ деятельности таджикских переводчиков за многие годы, предоставляя теоретически обоснованные рекомендации по улучшению качества переводов, особенно с фрагментов высококачественных художественных произведений Зарубежной литературы, с акцентом на русскую.

По мнению выдающегося литературоведа и критика Г. Ломидзе, «соприкосновение культуры любого народа с национальными культурами других народов, применение их опыта, трансформация этого опыта в соответствующую форму и связана с его общенациональными традициями» [133; 254]. В связи с этим, исключительно значимым становится изучение литературных взаимосвязей, влияния и обогащения таджикской литературы через взаимодействие с литературой других народов, прежде всего, с русской литературой.

Объектом исследования являются многие произведения Н.С. Гумилёва, которые переведены на таджикский язык такими переводчиками как Хакназар Гоиб [252], Эмануэл Муллокандов [146; 143], Гулназар Келди [238] и др.

Предметом исследования являются различные переводы русского писателя XX века Н.С. Гумилёва на другие языки народов мира, в частности на таджикский язык. Научные материалы помогают найти новые аспекты в трудах писателей-переводчиков Таджикистана, а также способствуют раскрытию значения поэтического перевода, которое является основным фактором литературных связей.

Цель исследования данной диссертации заключается в основательном изучении переводов произведений Н.С. Гумилева на таджикский язык, а также в выявлении влияния творчества Н.С. Гумилёва на формирование современной таджикской литературы. Долгое время таджикские поэты проявляли значительный интерес к творчеству Н.С. Гумилёва, что стало исходным пунктом для данного исследования. Основные цели включают проведение сравнительного анализа переводов поэзии Н.С. Гумилёва на таджикский язык с целью выявления особенностей, таких как воспроизведение национальной окраски, соблюдение грамматических особенностей оригинала и передача национального колорита.

Кроме того, в рамках данной работы ставится задача обобщения результатов опытов перевода произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык, что может служить полезным ресурсом для будущих переводчиков, не только в контексте творчества Н.С. Гумилёва, но и для других русских поэтов и писателей. Это предоставляет возможность внести значительный вклад в теорию и практику художественного перевода.

Диссертация также проявляет интерес к восприятию творчества русского поэта в Таджикистане, а также к переводческим публикациям ведущих литераторов-переводчиков, в которых отражены их взгляды на иноязычные тексты.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, включающих в себя, в частности, детальное изучение роли поэтического перевода в обогащении литературного наследия, сравнительный анализ переводов произведений Н.С. Гумилёва, уточнение путей и периодов распространения его произведений в Таджикистане, а также оценку вклада отдельных переводчиков в популяризацию творчества русского поэта. Важной задачей также является выявление понятийной единицы перевода, объединяющей проблемы различных уровней текста и выделяющей особенности авторского стиля.

Для реализации изложенной цели, необходимо решение следующих задач:

1. Обратить особое внимание на центральную роль поэтического перевода, как взаимообогащение литератур народов, и поэтому диссертант ставит перед собой задачу исследовать различные вопросы художественных переводов произведений великого русского писателя Н.С. Гумилёва на таджикский язык, рассмотреть данный вопрос в плане сопоставления, с точки зрения адекватного воспроизведения образной системы ряда прозаических и поэтических произведений Н.С. Гумилёва в их переводах на таджикский язык.

2. Другой важной задачей исследования является изучение творческого наследия Н.С. Гумилёва с учетом специфики таджикского контекста. Это включает в себя анализ путей и периодов распространения произведений Гумилёва в Таджикистане, систематизацию работ по их переводам на таджикский язык и оценку вклада отдельных переводчиков в распространение, и понимание творчества этого русского классика в таджикском обществе.

3. Для более глубокого понимания процесса перевода необходимо обратить особое внимание на центральную роль поэтического перевода. Исследование должно затронуть вопросы взаимообогащения литератур народов через художественный перевод и подчеркнуть важность адекватного

воспроизведения образной системы как прозаических, так и поэтических произведений Н.С. Гумилёва в их переводах на таджикский язык.

4. Также одной из задач исследования является выявление и систематизация недостатков и проблем, с которыми сталкиваются переводчики при передаче творчества Н.С. Гумилёва на таджикский язык. Это включает в себя анализ и оценку сложностей, возникающих на лингвистическом и культурном уровне, а также выявление специфических особенностей, которые могут влиять на качество перевода.

5. Учитывая не разработанность концепции «понятийной единицы перевода», задачей исследования является выявление такой единицы, которая удовлетворяла бы требованиям, как лингвистов, так и литературоведов. Эта задача направлена на улучшение теоретических основ художественного перевода и введение более четких и понятных понятий в переводоведение.

Исследование этих задач позволит более понять особенности перевода произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык, а также внести вклад в развитие теории и практики художественного перевода, открыв новые перспективы для будущих переводчиков и исследователей в данной области.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые в таджикском литературоведении проанализированы переводы прозаических и поэтических произведений Н.С. Гумилёва, которые дают возможность сделать ряд оригинальных выводов относительно полученных переводчиками результатов с точки зрения адекватности воссоздания произведений.

В данной работе впервые предложено выделение ряда этапов в развитии переводческого искусства в республике с 1934 года по настоящее время. В диссертации особо выделена одна из возможных единиц перевода, которые объединяют интересы и лингвистов, и литераторов – сопоставление художественного текста. Прослежены способы воссоздания специфической разновидности стилистически достаточных единиц художественного текста - диалектизм, слов-реалий, фразеологических единиц.

Надо отметить, что в современной литературе творчество Н.С. Гумилёва уже достаточно в полном объеме было изучено российскими учеными, которые отмечают, что в современной русской литературе проза и поэзия этого великого русского поэта XX века занимают особое место среди других писателей мировой литературы, потому что великий русский поэт исследовал различные проблемы современной русской действительности.

Следует подчеркнуть, что в диссертации исследуются вопросы перевода различных образов и художественных произведений, которые показывают различные вопросы художественного перевода произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык.

Научная новизна данной работы проявляется в ряде ключевых аспектов, которые вносят значительный вклад в таджикское литературоведение. Впервые в данной области предпринята попытка осуществления многостороннего комплексного исследования произведений выдающегося русского поэта Н.С. Гумилёва в контексте их таджикских переводов.

Работа не только предоставляет систематический обзор творчества Гумилёва в таджикских переводах, но также включает в себя анализ, который ранее не подвергался детальному исследованию. Реальный материал, использованный в данной научной работе, в значительной степени остается неизученным или анализируется лишь фрагментарно в предшествующих исследованиях.

Одним из ключевых аспектов научной новизны является сопоставление оригинальных произведений Гумилёва с их таджикскими аналогами. В рамках диссертации проведен анализ родственности и созвучности между творчеством русского классика и различными жанровыми произведениями таджикских литераторов. Этот подход обогащает наше понимание влияния и адаптации творчества Гумилёва в таджикской литературной традиции.

Теоретическая значимость работы заключается в исследовании существующих переводов произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык,

обладающих глубоким культурологическим содержанием, определяющих внеязыковые смыслы, отражающие особенности языки оригинала и переведённого на другой язык произведения. Их анализ позволяет выявить глубинные смыслы и значимость отдельных слов и выражений, способствующих боли достоверному пониманию национально-культурной специфики русской литературы на материале творчества Н.С. Гумилева. Данное исследование является своего рода импульсом для активизации дальнейшего изучения переводов других великих русских писателей на таджикский язык и также теоретических вопросов переводоведения.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты и выводы по изучению таджикских переводов творчества Н.С. Гумилёва не имеют прямой выход в практику перевода, осуществляемого современными таджикскими переводчиками. Материалы исследования могут найти применение при производстве лекционных курсов и семинарских занятий по теории перевода, а также литературных взаимосвязей на филологическом факультете высших учебных заведений.

Методы исследования. В целях выявления особенностей художественного перевода произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык мы опираемся на аналитический, исторический, сравнительно-сопоставительный и статический методов. В процессе исследования за основу взяты труды таджикских и зарубежных ученых по проблемам теории и практике художественного перевода, привлечена литература, посвящённая творчеству Н.С. Гумилёва.

Основные положения, выносимые на защиту: Существуют базовые черты художественного перевода, которые включают: а) взаимодействие не только языковых систем, но и культурных ценностей; б) взаимодействие личностей автора текста и переводчика текста; в) интерпретационный характер, при этом число интерпретаций практически неограниченно; г) особый подход в передаче образности лексики и общего стиля текста; д) особый подход в передаче культурных реалий; е) выражение национально-

культурной окраски, авторского стиля, смысловая емкость; ё) разработка стратегии переводческих трансформаций, исходя из целей перевода.

- Главная цель переводчика художественных текстов – создать новый текст, который будет эквиваленте первого, включающий все его качества, но преобразованный для другого языкового сообщества. Он должен уловить культурные особенности оригинального текста и найти соответствующие терминалы для перевода. Кроме того, он может столкнуться с необходимостью изменить структуру текста или даже стиль написания, чтобы достичь более высокого уровня искусства.

- Таджикские переводчики достигли определенных успехов в переводе прозы и поэзии Н.С. Гумилева. Наиболее удачными можно считать переводы прозы переводчиками Р. Хошимом, Р. Джалилом и Ш. Собиром; переводы поэзии переводчиками Х. Гоибом и Г. Келди.

Этапы перевода поэзии Н.С. Гумилёва на таджикский язык. Традиции переводческой школы в Таджикистане, заложенные ещё в древности, в значительной мере определили развитие современной теории художественного перевода.

По словам известного литературоведа из Таджикистана, Хамрокула Шодикулова: «Поэзия Н.С. Гумилёва в таджикском переводе впервые появилась в 50-е годы». С тех пор началась активная заинтересованность таджикских литераторов к творчеству Гумилёва, и этот процесс условно подразделяется на три этапа [215; 250].

Первый этап, приходящийся на 1950-1960 годы, отмечен узким интересом к русской литературе со стороны определенной аудитории. Как подчеркивает А. Сайфуллоев, «В литературной жизни 50-х годов особое место занимал художественный перевод, который впервые так близко переплетался с творческим процессом писателей, выполняя воспитательную и просветительскую функцию» [181; 194].

Второй этап, охватывающий период с 1970-1990 годов, связан с активной переводческой деятельностью, возглавляемой Шамси Собиром и

Э. Муллокандовым, что привело к формированию поколения профессиональных переводчиков.

Третий этап таджикских переводов поэзии Н.С. Гумилёва начинается в начале XXI века. Улучшение издательской культуры способствовало более качественному и обоснованному изданию переводов таджикских поэтов. Таким образом, перевод и публикация шедевров русской поэзии на таджикском языке достигли высокого уровня качества.

На текущий момент мы отмечаем более ста переводов стихотворений Н.С. Гумилёва, выполненных 15 переводчиками. В рамках нашего исследования мы проанализировали тексты более 30 переводов, представив результаты работ 10 переводчиков.

Художественные переводы играют важную роль в литературных связях и культурном развитии двух стран. Значение перевода в сплочении народов и обогащении многонациональной культуры подтверждают программные положения партийных документов. Резолюция ЦК КП (б) Таджикистана от 10 июля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций Союза советских писателей Таджикистана» сыграла ключевую роль в объединении творческих усилий литераторов.

Первый съезд советских писателей в 1934 году, в Москве, с участием Садриддина Айни, А. Лахути и молодых писателей Таджикистана, также оказал влияние на формирование таджикской литературы. В своем выступлении на съезде М. Горький подчеркнул важность переводческой деятельности литераторов национальных республик.

Создание специальной группы переводчиков в Таджикистане под руководством А. Лахути в 1933 году стимулировало молодых талантливых поэтов, таких как Х. Юсуфи, к переводу произведений «Пушкина» и «Лермонтова» на таджикский язык.

На данный момент актуальным вопросом является исследование перевода различных жанров из творчества Н.С. Гумилёва. Учитывая, что его поэзия и её перевод на таджикский язык являются объектом данного

исследования, необходимо провести краткое обзор истории изучения этого вопроса. Это обеспечит более глубокое научное понимание специфики периода творчества Н.С. Гумилёва, форм и принципов перевода, таланта переводчика, а также сравнительного анализа языковых гармоний оригинала и перевода.

Апробация работы. Работа обсуждена на заседании кафедры русского языка и литературы Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава, протокол № 3 от 26. 10. 2022 года.

Научные результаты исследования последовательно освещались в сборниках научных трудов ТГПУ им. С. Айни: «Проблемы жанра и взаимодействие литератур» – 2015 г.; «Проблемы стиля и взаимодействие литератур» - 2017г.; «Художественный образ и взаимодействие литератур» – 2017г. Содержание диссертации заслушивалось на конференции «Перестройка и совершенствование межнациональных отношений» – 2019 г.; на конференции молодых ученых и специалистов ТГПУ им. С. Айни - 2015-2019 гг.

Всего по теме диссертации опубликовано 20 статей, в том числе 6 статей в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, остальные статьи в других изданиях. Общий объем работ, опубликованных автором по данной проблеме, составляет более 2,9 п. л.

Структура работы. Цель и задача исследования обусловили его структуру: диссертация изложена на 197 страницах компьютерного текста и состоит из введения, двух глав и списка литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ГУМИЛЁВА НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

1. 1. Художественный перевод: история вопроса

В исследовании, посвященном художественному переводу, мы обращаем внимание на историю данного вопроса, раскрывая его эволюцию и влияние на мир литературы. Художественный перевод является искусством, которое пронизывает культуры и периоды времени, создавая мосты между различными языками и позволяя читателям погружаться в многогранный мир литературных произведений.

Начиная с ранних периодов истории, художественный перевод становится отражением культурного обмена и взаимодействия. Влияние переводчиков на формирование литературного канона и формулирование литературных стандартов трудно переоценить. Мы рассмотрим ключевые этапы развития художественного перевода, начиная с древности и заканчивая современностью, подчеркивая важность каждого этапа в формировании современной литературной панорамы.

Кроме того, в исследовании будет уделено внимание роли художественного перевода в распространении идей, ценностей и культурных особенностей. Мы проанализируем, как переводчики стремятся сохранить эстетику и оригинальность произведений при переносе их на другие языки, и какие вызовы стоят перед ними в этом процессе.

В своей совокупности, это исследование предоставляет углубленный обзор истории художественного перевода, помогая нам лучше понять его роль в формировании литературного наследия и обогащении культурного диалога между различными народами.

Область, охватываемая термином «перевод», включает в себя широкий спектр деятельности. В нее входит перевод как поэтических, так и прозаических произведений художественной литературы, а также текстов из различных областей знаний, таких как публицистика, научные труды и

научно-популярные материалы. Дипломатические документы, деловая переписка, статьи и выступления политиков, речи ораторов, газетная информация, а также беседы между людьми, говорящими на разных языках и требующими посредничества устного переводчика - «толмача», также подвергаются переводу. Даже кинематографические фильмы дублируются.

Термин «перевод» широко известен и понятен, однако его использование для обозначения специфической человеческой деятельности и ее результатов требует уточнения и терминологического определения. Этот термин охватывает два важных аспекта: во-первых, процесс, представляющий собой психический акт, заключающийся в том, что речевое произведение, возникшее на исходном языке, интерпретируется на целевом языке; и во-вторых, результат этого процесса, то есть новое речевое произведение на целевом языке.

Оба аспекта, выражаемые двумя терминологическими значениями слова «перевод», взаимосвязаны и взаимопонятны, где первый всегда предполагает второй. Понимание процесса перевода, особенностей его этапов или отдельных моментов, может объяснить особенности результирующего речевого произведения, а также наоборот - на основе особенностей перевода можно делать предположения относительно процесса перевода в целом.

Важно различать два понятия, выражаемые двумя значениями термина «перевод». В современных исследованиях перевода интересы и точки зрения исследователей распределились: одни продолжают анализировать взаимосвязь между переводом и оригиналом как двух связанных речевых произведений, рассматривая их как два разных аспекта с учетом их специфики и решаемых задач; в то время как другие в основном занимаются процессом перевода и его моделированием, представляя возможные варианты реализации с учетом различных языковых и внеязыковых условий. Это направление изучения перевода преимущественно развивается в последние два десятилетия.

Сфера деятельности, охватываемая термином «перевод», представляет собой обширную область. В ее рамках осуществляется перевод различных жанров литературы, включая поэтические и прозаические произведения, публицистику, научные и популярные книги из различных областей знания, дипломатические документы, деловую переписку, статьи и выступления политиков, речи ораторов, газетные материалы, а также дубляж кинокартин.

Термин «перевод» широко известен, но его использование для обозначения специфического вида человеческой деятельности и ее результатов требует уточнения и терминологического определения. Этот термин охватывает два основных аспекта: во-первых, процесс, который представляет собой психический акт, в результате которого речевое произведение на одном языке воссоздается на другом; и во-вторых, результат этого процесса, то есть новое речевое произведение на втором языке.

Эти два аспекта взаимосвязаны, причем характер процесса перевода может объяснить особенности результата, и наоборот. Однако необходимо также различать понятия, выраженные этими двумя значениями слова «перевод». Современные исследования в этой области разделяются на два направления: одни анализируют соотношение перевода и оригинала, рассматривая их как два взаимосвязанных речевых произведения, другие сосредотачиваются на процессе перевода и его моделировании.

Оба эти направления важны и взаимосвязаны. Изучение перевода как психического акта требует психологического подхода, используя результаты экспериментов и наблюдений переводчиков. С другой стороны, рассмотрение перевода как речевого произведения в контексте оригинала и особенностей языков и жанровых категорий также необходимо.

В данной работе перевод рассматривается в связи с оригиналом, с учетом особенностей языков и жанров, а также с использованием данных книжно-письменной формы языка. Это позволяет выявить возможности перевода, его средства и приемы, а также закономерности, связанные с различиями между исходным и переводящим языками, а также с

особенностями материала. Вопросы устного перевода представляют собой отдельную область и требуют специальных методов исследования.

Вне зависимости от разнообразия требований к переводчику и различий в материале, для всех видов перевода общими являются два положения: первое - цель перевода - приблизить читателя к тексту на неизвестном ему языке, и второе - максимально верно и полно передать содержание исходного текста на целевом языке. Перевод, как вид деятельности, имеет долгую историю и сыграл значительную роль в истории культуры различных народов. В настоящее время, благодаря увеличивающимся международным контактам, переводческая деятельность приобретает еще большее значение, и некоторые исследователи называют наш век «веком перевода».

Вопросы, связанные с процессом перевода, всегда привлекали внимание как писателей, так и ученых, вызывая разнообразные осмысленные рассуждения и приводя к формированию различных концепций в области перевода. В наше время, характеризующееся невиданным расширением масштабов переводческой деятельности, интерес к этой теме не только усилился, но и стал актуальным в свете необходимости научной систематизации и обобщения множества результатов практической мысли как представителей прошлого, так и современных авторов.

С учетом глобализации и увеличения объемов переводческой работы в современном обществе, вопросы, связанные с процессом перевода, приобретают особую важность. Интерес к этой теме не только сохраняется, но и усиливается, требуя научного анализа и систематизации результатов практического опыта, накопленного как представителями прошлых поколений, так и современными исследователями.

Современная эпоха, характеризующаяся интенсивными процессами глобализации и увеличением объемов переводческой деятельности, подчеркивает важность вопросов, связанных с процессом перевода. Интерес к этой теме не только сохраняется, но и становится более актуальным,

необходимым для научного анализа и систематизации практических результатов, полученных как представителями прошлых поколений, так и современными исследователями.

Современная филология активно разрабатывает и уже закрепляет как специальную дисциплину теоретическую науку о переводе, известную как теория перевода или, более широко, «переводоведение».

Процесс перевода может иметь различные направления: 1) между неродственными (иносистемными), родственными или близкородственными языками, причем последние представляют основной объект изучения в данной работе; 2) между литературным языком и его диалектом, диалектом и литературным языком, или между диалектами разных языков (при этом обратное направление является нереальным); 3) из языка древнего периода на современный язык (например, с древнерусского языка старших периодов или XIV-XV веков на современный русский, с древнего французского на современный французский и так далее).

Роль языка в процессе перевода аналогична его роли в общественной жизни, где он выступает как «важнейшее средство человеческого общения». Отсюда вытекает необходимость передачи мысли оригинала на другом языке таким образом, чтобы она достигала читателя с полной ясностью, отчетливостью и эффективностью, присущей ей в оригинале. Также возникает требование соответствия перевода нормам языка, на который он переведен. Это является основным условием для понимания перевода и его доступности для читателя.

Переводчик, как профессионал, обычно обладает особым уровнем владения иностранным языком, тем, кто уже, по выражению Маркса, освоил «дух нового языка» и может обойтись без «мысленного перевода». Вне зависимости от уровня владения иностранным языком, переводчик в творческом процессе постоянно переключается между разными языками.

Процесс перевода, несмотря на свою скорость в отдельных благоприятных случаях, всегда разделяется на два ключевых момента. В

первую очередь, для успешного перевода необходимо полностью осознать и тщательно интерпретировать текст, используя языковые образы и элементы перевода. Это включает в себя внутренний анализ текста (особенно в случае оригинала с высокой степенью сложности), а также критическую оценку его содержания.

Далее, для завершения перевода, необходимо аккуратно выбрать соответствующие средства выражения в целевом языке (слова, фразы, грамматические конструкции). Таким образом, перевод предполагает активное установление связей между данными из исходного и целевого языков. Это является фундаментальным условием для успешного перевода.

Всякое толкование оригинала, будь то правильное или нет, и отношение к нему со стороны переводчика, будь то положительное или отрицательное, приводит к отбору лексических и грамматических средств из целевого языка в процессе перевода. В истории перевода существует множество примеров, когда переводчики переосмысливали оригинал или даже сознательно искажали его, особенно в художественной и общественно-политической литературе.

Вместе с тем, существует ряд случаев, как в истории, так и в современной практике, когда оригинал объективно истолковывается и передается на другом языке. Возможность объективного понимания и интерпретации оригинала обусловлена тем, что его идеи и художественное содержание выражены общепонятными средствами языка, на котором он был создан.

Сознательно работающий переводчик заинтересован в тщательном выборе языковых средств, чтобы объективно передать оригинал. Эта задача требует от переводчика активного отбора средств целевого языка, необходимых для точной интерпретации оригинала.

В опыте выдающихся переводов существует множество случаев, когда оригинал успешно и объективно истолковывается на другом языке. Возможность объективного понимания и интерпретации оригинала

обусловлена использованием общепонятных средств языка, на котором он был создан.

В научной литературе, посвящённой проблемам переводчика первыми провели эту параллель И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг [177], которые предложили от рассмотренного случая отграничивать другой – тот, когда при переходе от высказывания на ИЯ к его передаче средствами ПЯ для нахождения верных языковых соответствий необходимо обращаться к внеязыковой действительности, нашедшей свое отражение в памяти, во всем предшествующем опыте переводчика, или также прибегать к помощи словарей, справочников, всякого рода литературных данных, что и позволяет найти требуемый ответ. Соответствия в этом случае устанавливаются не прямо, а опосредованно – через память и опыт человека, хранящие в себе и обзоры действительности, и их языковые обозначения во всем множестве их вариантов, дающих материал для необходимого выбора. Первый случай И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг предложили называть собственно переводом, а второй – интерпретацией [177].

Сами авторы отмечают, что случаи чистого решения переводческих задач человеком «в чистом виде вряд ли встречаются на практике». Это замечание ученых является существенным, поскольку в переводе, выполняемом мыслящим человеком, оба случая переплетаются тесным образом. Практически может речь идти о разграничении моментов, когда соответствия между двумя языками находятся быстро и прямолинейно, механически, и, наоборот, моментов, когда требуется интенсивная работа мысли и использование предшествующего опыта. Поскольку перевод рассматривается как сложное явление, затрагивающее каждый раз целый комплекс элементов в обоих языках, в данном исследовании не используется понятие интерпретации как вида перевода, и ко всем рассматриваемым случаям применяется понятие перевода в общепринятом смысле слова.

Интересно отметить, что в 1918 году было основано издательство «Всемирная литература», объединившее известных ученых, писателей и

переводчиков. Ученые ставили перед собой одновременно практические и теоретические задачи, включая отбор лучших произведений мировой литературы, их перевод и научное осмысление переводческой практики прошлого. Этот период требовал теории художественного перевода, которая вооружала бы переводчика ясными принципами для усовершенствования мастерства. Первый шаг в направлении создания такой теории сделал М. Горький, подготовив предисловие к «Каталогу издательства «Всемирная литература»[66; 21], а затем поручив К.И. Чуковскому составить первое описание принципов художественного перевода в отечественной филологии.

Таким образом, истоки теории и практики отечественной переводческой школы оказались общими. Брошюра «Принципы художественного перевода», включающая статьи К.И. Чуковского и Н.С. Гумилева, была издана для служебного пользования в 1919 году [210; 583]. Затем в 1930 году появилась книга «Искусство перевода», включающая дополненную работу К.И. Чуковского и исследование А.В. Федорова «Приемы и задачи художественного перевода» [210]. В 1931 году М.П. Алексеев опубликовал статью «Проблемы художественного перевода». Несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны были изданы две книги, сыгравшие важную роль в развитии переводоведения: «Высокое искусство» К.И. Чуковского и «О художественном переводе» А.В. Федорова [191; 334].

Рассмотрим состояние переводоведения в родственной для нас литературе на фарси. Расцвет переводческой деятельности в средневековом Иране приходится на V-VII вв. В этот период перевод на фарси способствовал становлению литературного языка сохранению и развитию давних иранских традиций, переносу ряда литературных языковых форм из арабского языка в персидский и оформлению персидской литературы в одну из самых развитых литератур Средневековья. Некоторые исследователи даже склонны считать, что вплоть до XVI-XVII вв. не было двух литератур, а была литература на двух языках-нечто подобное мы наблюдали в период VII-IX

вв., когда иранская литература существовала в арабском обличье. Именно в 16 в. персоязычный перевод, под которым мы подразумеваем как перевод на персидский язык, так и перевод с персидского языка, достиг своего наивысшего расцвета. Персоязычный перевод развивался как следствие распространения мусульманской культуры. Функцию главного посредника в этом обоюдном усвоении выполняя перевод. Надо вообще отметить, что искусство художественного перевода стояло на очень высоком уровне и то, что несмотря на все трудности перевода с языка, резко отличающегося по строю от языка, на который переводили поэты старой Бухары благодаря совершеннейшему владению обоими языками и громадному техническому мастерству достигли в этом отношении больших успехов Е.Э. Бертельса. Использование поэтами более поздних эпох ранних переводов было явлением достаточно распространённым. Трудно сказать, почему меценатами перевода оказались Саманиды и почему именно в Мавераннахре в Бухаре переводом занимались особо активно. Другим возможным катализатором было многоязычие местных учёных и литераторов – достаточно вспомнить хотя бы Бируни. Знание нескольких языков пусть и относительно небольшой группой лиц уже может явиться достаточной предпосылкой и необходимой основой для занятий переводами. Е.Э. Бертельс поэтому повсюду пишет следующее: «В то время в литературе, видимо, было принято пользоваться двумя языками». Правдивость моих слов узнаёт тот, кто рассмотрит какую-нибудь научную книгу, переложенную на персидский, и увидит, как исчез блеск её, затмился смысл и потемнел лик, польза от неё исчезла. Здесь следует обратить внимание не столько на пренебрежительное отношение к языку, сколько на оценку результатов переводческой деятельности вообще, при переводе исчезает даже всякая польза-ведь искажен смысл. Из этих замечаний можно сделать вывод о том, что, вероятно, уровень ранних переводов на фарси был невысок, и не имел потребителя. Как видим, переводческая деятельность одного человека может способствовать возникновению целого нового пласта культуры. В области художественной

литературы первым известным нам переводчиком может быть назван один из крупнейших персоязычных поэтов Рудаки (конец 9 в). Имеются сведения, что Рудаки делал блестящие переводы произведений из классики арабской поэзии в творчестве Рудаки перевод присутствовал и косвенным образом. Сохранились сведения о том, что крупнейший поэт – 13 в. Саади переводил некоторые свои философские сентенции и притчи и на персидский язык, так как изначально он создавал их на арабском. Следует отметить, что автоперевод – явление, не часто встречающееся в мировой литературе, надо считать, однако, что в условиях двуязычия оно не было столь уж редким. Всё это никак не могло способствовать не только развитию, но и просто существованию переводов. Истина возрожденческой личностью был Гияс ад-дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям, едва ли не самый читаемый в переводах поэт. Известно, что перевёл с арабского на форси философское произведение Ибн-Сино «обращение», которое было посвящено некоторым вопросам философии. Однако можно утверждать, что в творчестве Хайяма перевод занимал лишь незначительное место, хотя он свидетельствовал о высоком уровне верификационной техники, распространении навыков перевода и состоянии культуры того времени. Но можно предположить, что книга Джами были далеко не единственным случаем его соприкосновения с переводами. Заметный след в персоязычной литературе оставил Алишер Навои. По просьбе Навои, Джами перевёл книгу «Дуновения дружбы из чертогов святости». У Е.Э. Бертельса имеется одно указание, важность которого весьма велика для истории перевода» На Ближнем Востоке стихи переводили лишь в исключительных случаях, а по большей части создавали так называемые «назира» (ответы), авторы которых не только старались повторить сюжет того произведения, на которое они писали ответ, а, напротив, стремились дать свою, совершенно оригинальную его трактовку». Из этой, пусть и не очень обширной информации, можно предположить, что писатели и поэты средних веков достаточно активно занимались переводами.

Заметный след в персоязычной литературе оставили первые переводчики активисты. Сразу после завершения Великой Отечественной Войны начали появляться публикации, посвященные темам перевода, и их количество стало постепенно расти с годами. Эти публикации включали не только статьи и монографии, касающиеся искусства перевода, но также учебные материалы и глубокие исследования, затрагивающие основные аспекты переводоведения.

В последующие годы заметно увеличилось внимание к «малым исследовательским жанрам». Статьи, заметки и рецензии, охватывающие различные аспекты переводческой деятельности, стали регулярно публиковаться в различных изданиях, таких как журналы, газеты, учебники и тематические сборники, вроде «Мастерства перевода» и «Тетрадей переводчика». Теоретические аспекты перевода также активно обсуждались в защищенных диссертациях на уровне кандидата и доктора наук.

С появлением новых исследовательских работ стало очевидным, что переводоведение входит в новую фазу, и можно ожидать появления обобщающих трудов, отражающих нарабатанный теоретический и практический опыт. Это предвидение сбылось, и в короткий период с 1971 по 1974 годы было опубликовано столько монографий по теории перевода, сколько за всю предыдущую историю отечественного переводоведения.

В дальнейшем исследования в области переводоведения в бывшем СССР стали обычным явлением. Публиковались работы, углубляющие знания о переводе и переводческой деятельности на примерах различных языков, предлагались новые теоретические подходы, анализировались способы преодоления трудностей в переводе и т.д. В процессе развития переводоведения выделяются три основных направления: лингвистическое, литературоведческое и машинное (инженерное, прикладное).

Лингвисты фокусируют внимание на изучении процесса перевода, разработке гипотетических моделей перевода, анализе текстов оригинала и перевода для установления лексических, грамматических и текстовых

соответствий. Они также стремятся выявить закономерности в переводоведении, критерии эквивалентности и эффективные методы обучения переводу.

Литературоведы подходят к оценке перевода с аксиологической точки зрения, особенно в контексте художественных текстов. Их исследования направлены на оценку перевода с точки зрения эстетической эквивалентности оригиналу, а также на изучение роли языка перевода в развитии духовной культуры и соответствия нравственным потребностям эпохи. Литературоведы также проводят анализ профессиональной стороны переводческого ремесла и обмен опытом.

Машинное направление в переводоведении связано с разработкой проблем моделирования машинного перевода и его прикладными аспектами. Это включает в себя формализацию переводческой деятельности, поиск эффективных методов обработки лингвистической информации, выявление синтаксических структур языка, описание смысла лексических единиц, а также разработку алгоритмов и программ для перевода с одного языка на другой с использованием электронной аппаратуры.

Важно отметить, что лингвистическое и литературоведческое направления в переводоведении тесно взаимосвязаны. При анализе переводов часто требуется обращаться к эстетическим оценкам и литературоведческим подходам. Таким образом, целесообразно рассматривать эти два направления в рамках единого филологического подхода.

В области филологии наблюдается, как определения термина «перевод» могут зависеть от исследовательских целей, взглядов ученого и его принадлежности к определенной научной школе.

В области филологии часто можно заметить, что определения термина «перевод» подвергаются воздействию исследовательских задач, а также точек зрения ученого и его принадлежности к конкретной научной школе. Например, А.В. Федоров, один из основателей российской науки о переводе,

рассматривает материал анализа в рамках «только тексты служат как речевые произведения» [191; 334]. Адепт структурных методов исследования, Л.А. Черняховская, формулирует концепцию перевода как «замена одного языка другим» [207]. Сторонники денотативных взглядов на перевод рассматривают его процесс как «описание при помощи языка перевода денотатов, описанных на языке оригинала». Поклонники методов трансформации считают, что перевод представляет собой «преобразование единиц и структур ИЯ (исходного языка - В.В.) в единицы и структуры ПЯ (переводящего языка - В.В.)», в то время как сторонники семантических теорий утверждают, что суть перевода «заключается в раскрытии сущности эквивалентных отношений между содержанием оригинала и перевода».

Разумно предложить в данной диссертации изначальное рабочее определение перевода как процесса и результата передачи информации (содержания), вызванного общественной необходимостью. Этот процесс осуществляется через письменный или устный текст на одном языке, который затем передается с использованием эквивалентного (адекватного) текста на другом языке.

Необходимо добавить пояснения к данному определению:

Во-первых, следует уточнить, что термин «информация» в данном контексте охватывает все аспекты содержания, включая смысловой, стилистический, эмоционально-экспрессивный, функциональный, оценочный, жанровый и эстетический характеры, закрепленные в оригинальном тексте. В процессе перевода на другой язык передается весь этот многообразный спектр аспектов. Таким образом, термин «информация» здесь охватывает нечто более обширное, чем то, что может быть изучено в рамках кибернетики, а скорее представляет собой комплексный и многогранный набор данных.

Согласно мнению, Ирины Винер «информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приобщения к нему и приспособления к нему наших чувств». Иными словами, правильно

подчеркивается, что информация представляет собой отражение внешнего мира, освоенное и приспособленное нашими чувствами. Эта концепция подчеркивает важность восприятия и взаимодействия с окружающей средой для формирования знаний и адаптации к ней. Таким образом, область, являющаяся основным объектом наших исследований, остается вне внимания в рамках кибернетики.

Во-вторых, важно пояснить, что под эквивалентностью (адекватностью) мы подразумеваем наиболее полное и идентичное сохранение жанровой специфики оригинала и всей многообразной информации, содержащейся в тексте оригинала. Лишь служебная внутриязыковая информация (о которой будет рассказано в разделе об информативном объеме слова) не передается, поскольку она относится к так называемым «пустым» грамматическим категориям (род неодушевленных существительных и глаголов, род, число и падеж прилагательных, некоторые категории местоимений и прочее), присущим различным языковым системам. Уровень и специфика эквивалентности перевода относительны и зависят от жанра и способа переводимого текста; требования к эквивалентности в переводе научных, деловых и художественных текстов могут значительно различаться.

Теория перевода, или переводоведение, обычно рассматривается как научная дисциплина, направленная на изучение процесса перевода и выявление его закономерностей. Основная цель этой дисциплины заключается в раскрытии сущности, характера и регулярностей межъязыковых переводческих соответствий различных уровней. Это достигается путем обобщения и систематизации наблюдений над конкретными текстами оригинала и их переводами. Также в центре внимания находится анализ методов и приемов перевода, исследование истории переводческой практики, а также определение роли переводов в развитии отечественной культуры.

Объектом изучения теории перевода является сам процесс перевода во всех его проявлениях, а также разнообразные переводные тексты и их оригиналы. Сравнение этих текстов предоставляет исследователям объективные данные для развития теории перевода.

Принято выделять несколько основных разделов в теории перевода. Общая теория перевода занимается универсальными закономерностями процесса перевода в общем. В зависимости от жанра переводимых текстов, она определяет теоретические основы межъязыковых, стилистических, функциональных соответствий и так далее. Как отмечал А.В. Федоров, общая теория перевода представляет собой «систему обобщения, применимых к переводу разных видов материала с разных языков на разные языки» [191; 334].

Частные теории перевода выделяют особенности перевода с одного конкретного языка на другой, анализируя типы соответствий между конкретными языковыми единицами и явлениями, выявляя виды окказиональных речевых соответствий, раскрывая индивидуальные стилистические приемы переводчиков и другие аспекты. Иными словами, частные теории перевода представляют собой «итоги работы по исследованию перевода с одного конкретного языка на другой и перевода конкретных видов материала». Они обогащают общую теорию, предоставляя более детальные и конкретные анализы на основе обширного эмпирического материала, что придает общей теории большую достоверность и доказательность.

Специальные теории перевода занимаются исследованием особенностей различных видов переводческой деятельности, таких как устный перевод, письменный синхронный и последовательный перевод, а также обзацно-фразовый перевод и другие. Они также рассматривают характеристики, свойственные разным жанрам переводимых произведений, включая художественную, научную, техническую, публицистическую литературу и другие.

История практики и теории перевода включает в себя изучение исторических этапов и основных направлений переводческой деятельности. Это включает в себя периодизацию переводов, изменения в представлениях о сущности перевода, роли переводческой деятельности, а также воздействия переводов на национальные литературы и другие аспекты.

Критика перевода оценивает степень адекватности перевода оригиналу и определяет значение переводов для культуры принимающего языка, часто связываясь с художественной литературой и только начинает формироваться как самостоятельный раздел переводоведения.

Теория машинного перевода занимается попытками моделирования процесса естественного перевода с использованием компьютеров и создания переводящих машин, основываясь на данных из информатики, кибернетики, математики, семиотики и других областей.

Методика преподавания перевода тесно связана с переводоведением и разрабатывает оптимальные методы обучения различным видам устного и письменного перевода.

Некоторые исследователи выделяют еще два раздела в современном переводоведении: практикологию перевода, включая социологию перевода, редакционную работу и методологию критики перевода, а также дидактику перевода, изучающую вопросы обучения переводчиков и создание учебных пособий для них.

Важно отметить, что всеобщая история перевода представляет собой сложную задачу из-за необходимости охвата материала всех языков, литератур и времен. Однако существуют отдельные монографии, посвященные переводам на конкретные языки в определенные эпохи, а также истории переводов художественной литературы, которая играет ключевую роль в развитии переводоведения. Из всех видов человеческой деятельности, перевод можно считать одним из древнейших занятий, возникшим по той причине, что появилась насущная потребность понимать другие народы и общаться с ними.

Перевод, как известно, выполняет важнейшую социальную функцию: именно через него носителям одного языка доступен весь культурный диапазон носителей других языков, т. к. возникает возможность переговоров, доступ к культурному наследию мировой цивилизации и научным достижениям, человечества, а также появляется шанс активного взаимодействия и взаимовлияния литератур.

Согласно многочисленным исследованиям ученых, художественный перевод отличается от других видов перевода прежде всего тем, что в нем осуществляется не просто передача буквального значения текста, а трансформация художественных, эмоциональных и стилистических аспектов оригинала. В большинстве случаев его рассматривают как форму искусства, а не просто как техническое перекодирование текста с одного языка на другой. Его особенность заключается в том, что текст может принимать разные формы звучания в зависимости от таланта и профессионализма переводчика. То есть один и тот же текст может выглядеть по-разному в зависимости от того, кто его переводит. Это называется «феномен множественности».

Из вышеизложенного следует, что переводческая работа представляет собой сложный процесс, включающий постоянные поиски языковых средств для передачи единства содержания и формы оригинала. Переводчик сталкивается с выбором между различными возможностями передачи, и этот выбор требует творческого подхода и активной работы сознания. В частности, перевод художественной и выразительной научной литературы требует не только точной передачи информации, но и творческих усилий, литературного мастерства, и может быть рассмотрен как область искусства.

Важно различать перевод как творческую практику или искусство от теории перевода, рассматриваемой как отдельную научную дисциплину. Перевод, будучи значимой деятельностью, требует теоретической основы, аналогичной другим видам человеческой деятельности. Задачей теории перевода является выявление закономерностей в отношении между оригиналом и переводом, обобщение выводов из наблюдений за

конкретными случаями перевода и поддержка практики перевода, предоставляя аргументы и доказательства для поиска оптимальных средств выражения и принятия решений в переводческих задачах. Таким образом, основным объектом изучения для теории перевода являются отношения между оригиналом и переводом, а также различия в их формах в конкретных ситуациях, требующих объяснения и систематизации.

Художественный перевод способствует диалогу культур и занимает приоритетное место в процессе взаимообмена духовными ценностями и культурными концептами между народами. В этом случае можно считать художественный перевод не просто процессом взаимодействия двух или более языков, но и шире-взаимопроникновением двух или более культур, с взаимовоздействием различных эпох, этнических традиций и картин мира.

Кроме того, важно отметить и тот факт, что художественный текст является также своего рода отражением личности автора, находящегося в конкретном культурно-временном пространстве. По мнению Л.А. Новикова, художественное произведение отражает мировоззрение, художественное видение реальности и стиль своего создателя [157; 304]. Таким образом, в ходе перевода художественного произведения происходит взаимодействие личностей автора и переводчика, при этом для успешного процесса «сотрудничества» переводчик должен понять образ мыслей автора и воссоздать способ их выражения. Поскольку переводчик в ходе художественного перевода является также обязательно интерпретатором переводимого текста, то в переводе необходимо учитывать психологические черты как автора, так и переводчика.

Как уже указывалось выше, художественный перевод включает, кроме взаимодействия двух языковых систем, также взаимодействие двух культур. Это означает, что перед переводчиком стоит сложная задача интеграции исходного иностранного произведения в контекст своей культурно-ценностной системы. При этом весьма существовал тот факт, что, чем дальше отстоят в культурно-ценностном контексте культуры и языки

оригинального произведения, и переводного текста, тем более усложняются задача, стоящая перед переводчиком.

Один из нам более сложных вопросов художественного перевода состоит в наличии в любом языке непередаваемых слов и понятий. Причина данного явления заключается как в структурно-языковых различиях, так и в национально-культурной специфике. Дополнительное затруднение могут создавать такие нюансы как, использование автором диалектных слов, просторечной лексики, сленга, метафор и других подобных стилистически маркированных средств выразительности, которые в своём большинстве являются без эквивалентными.

Еще одной сложностью в процессе перевода могут стать ассоциации, ссылки и аллюзии в художественном тексте. В.А. Маслова называет текст набором определенных сигналов, автоматически открывающему читательской аудитории, возвращенной в традициях конкретной культуры, как непосредственные ассоциации, так и высокое число косвенных [141; 208].

Создавая художественные образы, автор текста закладывает в них ассоциации, рассчитанные на восприятие конкретной читательской аудитории, как правило, принадлежащие одной определенной культуре. Конечно, многие современные произведения уже заранее нацелены на глобальную читательскую аудиторию, однако в рамках темы настоящего исследования нас интересует в первую очередь классический вариант.

Этот момент направленности на конкретную культуру может в определённой степени затруднить восприятие художественного произведения в иной читательской аудитории, так как в такой аудитории вложенные автором ассоциации не вызовут такой же яркости чувств, глубины переживаний, как у читателя, на которого изначально был направлен конкретный текст.

В процессе художественного перевода для переводчика происходит взаимодействие со всем пластом ассоциаций, заложенных автором в текст, и он может сталкиваться со сложностями отсутствия эквивалентов для данных

ассоциаций в языке перевода. Подобное явление в переводе называется «лакуной». В художественном тексте лакуной может являться экспрессивно-окрашенная лексика; единицы, обозначающие свойственные только данной культуре понятия, явления и реалии. Для реализации в тексте данных единиц необходим особый подход в процессе перевода.

Трудность перевода таких «лакун» связана не просто с отсутствием эквивалентов, но также и важностью передачи коннотативной окраски. В случае ошибки переводчика может произойти искажение смысла, заложенного автором, что не позволяет читателю понять, как замысел автора, так и весь национально-исторический колорит художественного текста.

Таким образом, для перевода «лакун» переводчику необходим не просто хорошее знание языка произведения, но и глубокое понимание культуры, реалий, аллюзий и т. п. Весьма проблематично переводить художественный текст дословно, поскольку различия восприятия чуждых явлений могут вызвать ошибочную связь культурных ассоциаций либо полное непонимание в случае полного отсутствия какого-либо понятия или объекта в языке перевода.

В подобных случаях переводчик может использовать разные методы переводческих трансформаций на всех языковых уровнях, но все же некоторые такие единицы в частности и весь художественный текст в целом могут частично лишиться своей образности и значимости.

Исходя из сказанного, можно выделить конкретные черты художественного перевода:

1. В процессе художественного перевода происходит взаимодействие не только языковых систем, но и культурных ценностей;
2. В ходе художественного перевода осуществляется взаимодействие личностей автора текста и переводчика текста;
3. Художественный перевод имеет интерпретационный характер, при этом число интерпретаций практически неограниченно;

4. Художественный перевод требует творческого подхода в передаче образности лексики и общего стиля текста;

5. Художественный перевод требует особого подхода в передаче культурных реалий;

6. Для художественного перевода особое значение имеют выражение национально-культурной окраски, авторского стиля, смысловая емкость. Все указанные моменты представляют главную сложность для переводчика художественного текста.

7. Для наилучшей адаптации художественного произведения к новой читательской аудитории переводчик должен разработать стратегию переводческих трансформаций, исходя из целей перевода.

В течение многих столетий развития человечества в сфере перевода наиболее востребованными были перевод священных текстов и художественный перевод. В XX веке глобализация и развитие международных связей мирового сообщества в различных областях способствовали развитию такой сферы как специальный перевод. Исследователи начали обращаться к изучению вопросов, связанных с переводом для разработки наиболее выгодных стратегий перевода. Таким образом, появилось новое научное направление-переводоведение как научная дисциплина, основой которого стали теоретические разработки художественного перевода.

Современные стратегии перевода отвечают в наибольшей степени специальным видам перевода, при этом подход к художественному переводу все еще остается наименее формализованным разделом переводоведения. На наш взгляд, причины такой тенденции заключается в том, что художественный перевод является наиболее творческим видом перевода в современном переводоведении.

При этом художественный и специальный перевод объединяет общая универсальная цель, состоящая в максимально полной передаче смысла оригинального текста. Однако, несмотря на общую цель, различия все еще

наблюдаются в большом количестве. Теперь рассмотрим научные определения художественного перевода. Так, В.Н. Комиссаров использует термин «перевод произведений художественной литературы», художественный перевод представляет собой вид переводческой деятельности, главной задачей которого является воссоздание художественного произведения на другом языке таким образом, чтобы сохранить его художественно-эстетическое воздействие на читательскую аудиторию [112; 253].

Интересно, что Т.А. Казакова разделяет понятия «художественный перевод» и «перевод художественной литературы», подразумевая под художественным переводом оценку конкретной деятельности, а под переводом художественной литературы понимает определение типа переводимых текстов. Такие выводы исследовательница делает по той причине, что она признаёт существование нехудожественных переводов художественных текстов [100; 112].

Хотя по мнению Р.Р. Чайковского, художественный перевод имеет вторичный характер, тем не менее, сам автор определяет его как творчество, отмечая при этом, что он жестко ограничен заданными оригинальным произведением рамками и именно оригинальное произведение определяет форму, жанр, смысловое поле, стиль и объем [208; 182]. Можно не согласиться с данным выводом исследователя, поскольку существуют менее жесткие виды художественного перевода, где заданные рамки можно раздвинуть (переложение, по мотивам и др., подробности которых будут приведены ниже).

При этом необходимо также различать жанровую типологию перевода: перевод поэзии, прозы, драматургии, песенной лирики и т. п. Однако предлагаемая типология носит достаточно условный характер и в целом релевантна только с точки зрения сложностей и специфики перевода конкретного жанра.

Следует отметить, что в переводоведении существуют два аспекта изучения художественного перевода: лингвистический и литературоведческий. В настоящем исследовании более важен второй аспект, однако частично мы будем затрагивать также и лингвистические вопросы. Так, А.В. Федоров говорит о невозможности рассматривать нюансы перевода без лингвистического аспекта, так как перевод буквально является работой с языком [191; 334].

Но специфика художественного перевода в том и состоит, что ни в каком случае нельзя его ни изучать, ни осуществлять только в лингвистическом аспекте. Лингвистически точный перевод в художественном смысле может быть плохим переводом. Если в художественном переводе не учитывать национально-культурных ассоциаций, не учитывать различия в контекстах, то будет искажено восприятие художественного текста у аудитории переведенного варианта. В таком случае перевод, приобретая языковую точность, теряет художественное воздействие, и с точки зрения качества художественного перевода является плохим переводом.

С точки зрения литературоведческого аспекта, адекватная передача художественного содержания и идеи оригинального текста гораздо важнее точного воссоздания его языковой формы. Однако необходимо всегда иметь в виду то, что чрезмерные попытки улучшить оригинальный текст в переводе могут исказить первоначальный замысел автора и стереть из текста его творческий стиль. В таких случаях можно говорить о появлении нового произведения в переложении оригинального.

Художественный перевод можно назвать одним из наиболее сложных жанров письменного перевода. Сложность художественного перевода постоянно становится предметом современной научной дискуссии. Так, Н.Н. Ахунова высказывает мнение о том, что кроме прекрасного знания двух языков, наличия дара слова и чувства языка, переводчик художественного

произведения также должен обладать художественным чутьём, талантом писателя либо поэта [17; 59-64].

В формате представленной работы художественный перевод понимается как некий вид творческой литературы, который заключается в пересоздании произведения, созданного на одном языке, на другом языке с одновременным использованием художественных элементов. Между изначальным произведением и конечным результатом художественного перевода происходит сложный процесс воссоздания переводимого произведения в новых реалиях и другой картине мира.

Специфика художественного перевода изначально обусловлена в сфере словесного искусства и функционирует в соответствии с его установленными правилами. Отличие художественного перевода от оригинального произведения заключается в его зависимости от объекта перевода. В определенных случаях произведение, хотя и не является строгим переводом, не может считаться и оригинальным продуктом (рассматриваются понятия «вольный перевод», «по мотивам», «подражание» и т.д.).

В работе В.Н. Базылева выделяется противоборство двух тенденций в художественном переводе: ориентации на текст изначального произведения и ориентации на понимание аудитории перевода [22; 92-98]. Ученые считают, что правильное восприятие художественного перевода как явления находится на пересечении данных тенденций. Современное понимание художественного перевода подразумевает максимально бережное отношение к подлиннику и воссоздание его в качестве нового продукта в единстве содержания и формы с национальным и индивидуальным своеобразием [22; 92-98].

Отметим, что в рамках настоящего исследования мы считаем художественным переводом, кроме перевода художественных произведений, перевод публицистических текстов, перевод субтитров к художественным произведениям в аудио- и видеоформате-также сложный и многогранный

труд, поскольку он имеет дело с столкновением разных эпох, культур и традиций.

В современном переводоведении различают три типа письменных переводов: 1) пословный перевод, который, как правило, выполняется в виде основы для дальнейшей работы над текстом; б) дословный перевод, который является максимально близким к языковому составу оригинала; в) литературный перевод, который подразумевает наличие у переводчика навыков передачи индивидуального авторского стиля и адекватного переложения оригинального текста в контексте восприятия конкретной читательской аудитории. Последний термин в нашем исследовании является определяющим, однако мы его обозначаем как «художественный перевод».

В своей работе переводчики художественных текстов зачастую совершают такие ошибки, которые недопустимы, поскольку даже одна такая ошибка может полностью исказить смысл, который вкладывал автор. Т. Сэйвори разбирает наиболее встречающиеся такие ошибки:

- Дословный перевод вместо литературного перевода;
- Преувеличение значения слов, искажающее изначальный смысл;
- Чрезмерное использование машинного перевода: кроме остальных минусов машинного перевода, именно в художественном переводе алгоритмы программных обеспечений не позволяют переводить контекстуально и близко к стилю автора;
- Неправильное понимание контекста слова, что приводит к искажению оригинального значения;
- Неправильная подача интонации в переводе;
- Неправильная подача культурной специфики либо перевод без ее учета – такие ошибки могут привести не только к неправильному переводу, но и к неловким либо оскорбительным ситуациям и др. [222; 120].

М.Г. Новикова, говоря о художественном переводе, называет его «непосредственной зоной контакта» с точки зрения взаимодействия литератур. При этом исследовательница отмечает, что сама литература все

же скорее является параллельным течением, нежели взаимопроникающим [1564 276].

Использование тропов, стилистических и риторических фигур очень важно в процессе художественного (литературного) перевода и приводит к тому, что возникают разные интерпретации художественных произведений, написанных на одном исходном языке, при их передаче средствами другого языка – языка перевода. При таком переводе необходимо учитывать множество факторов, таких как, соответствие эпохе, культуре. Необходимо также учитывать национальную специфику персонажей рассматриваемого произведения и самого автора, что особенно важно в контексте тропов и фигур речи. Это позволит создать аутентичный текст на другом языке.

Таким образом, рассматриваемый в данной работе художественный перевод имеет свои отличительные особенности, связанные в первую очередь с самой литературой как видом искусства. Литературные произведения создаются в процессе творчества, однако этот вид перевода не считается именно оригинальным творчеством, поскольку исходный текст полностью влияет на переводной текст, поэтому переведенный текст художественного произведения будет всегда вторичным. Получается, что переводчик не должен создавать ничего своего, то есть ничего нового, поэтому его текст не первичен. Тем не менее, художественный перевод может обладать литературными достоинствами и быть иногда даже более талантливым, чем оригинал. Некоторые художественные переводы менее зависят от оригинала и называются «по мотивам», «подражанием», «вольным переводом», «вольным переложением» и т. д. В таком случае можно говорить о некоем пересказе, причем это явление наблюдается как в прозе, так и в поэтических произведениях.

Для переводчика художественных текстов, в отличие от переводчиков технической литературы, весьма важно передать при переводе такие параметры текста как точность слова, яркость образа или красота слога. Так, В.Г. Белинский, например, обсуждая переводческое мастерство своего

коллеги и современника И.И. Козлова, обращает внимание на художественную специфику перевода, отмечая, что подобное художественное качество переведенного текста довольно редко встречается [26; 360].

Это означает одно: для того, чтобы понять наиболее важный фактор художественного перевода в переводческой деятельности, следует ознакомиться с двумя основными направлениями развития этой сферы. Первое направление ориентировано на исходный текст, а второе – на ожидание современной аудитории-читателя. В данном случае важным является то, что рассматривается именно современная аудитория, поскольку текст, направленный ей, должен быть ею понятен. Художественный переводчик должен быть тонким чтецом и глубоким знатоком языков, чтобы сохранить авторскую интонацию и передать все тонкости истории. Он должен уметь «разговаривать» с автором, понимать его словарь и стиль, создавать своеобразный «новый» текст. Это не просто предоставление перевода, это воплощение в жизнь еще одного произведения искусства. При этом, переводчику необходимо наиболее тщательно и осторожно передать стиль, рифму и другие особенности литературных произведений, не искажая при этом смысла, максимально сохраняя чувствительность и атмосферу автора.

Таким образом получается, что задача переводчика литературного произведения заключается в том, чтобы одновременно воспроизвести текст на другом языке с сохранением всех его художественных качеств и сохранить языковые, национальные, образные и исторические характеристики оригинала, но перевести их так, чтобы они были понятны читателю на другом языке и, при необходимости, в другое время. Кроме того, переводчик должен передать дух другой эпохи и культуры таким образом, чтобы это могло быть понятно аудиторией переводного текста. Это достигается по той причине, что тексты всегда переводятся после появления исходного произведения и часто – спустя долгое время. Каждый художественный перевод – это диалог между двумя культурами и передача

не только смысла, но и атмосферы, настроения и тонких нюансов. Художественный переводчик должен уметь «вжиться» в текст, сохранить авторское начертание, а также принимать решения о том, как передать сложные игры слов, названия, выражения, чтобы понятно было читателю.

Основная функция перевода художественной литературы заключается в том, чтобы сохранить единство содержания и формы текста, а также учитывать национальные и индивидуальные отличительные черты переводчика. Эти принципы являются ключевыми в современной практике перевода художественных произведений. Н.Н. Ахунова указывает на тот факт, что в биографии многих писателей присутствует опыт перевода их коллег из других культур, а также опыт изучения иностранных и мертвых языков для чтения классических произведений в оригинале. Подобный подход сказывается на качестве перевода, однако не так часто современный переводчик может себе позволить иметь опыт такого рода. Поэтому необходимо помнить, что художественный перевод может быть сложным опытом даже для самых квалифицированных переводчиков [17; 59-64].

Важным критерием для читательского восприятия художественного перевода также является правильная передача в переводе стилистической окраски текста. Данная задача ставит перед переводчиком большое количество требований, к которым в первую очередь относится необходимость соблюдения таких сложных и размытых требований как красочность языковых средств или легкость слога. Еще одним значимым моментом является знакомство переводчика с автором: его автобиографией, образом жизни, стилем письма, жизненными ценностями, характером, настроением и духом художественного произведения в целом.

Для качественного и достоверного перевода художественной литературы переводчик также нуждается в специализированных словарях и глубоких литературных знаниях, ему весьма важно знать историю литературы народа, с языка произведения, которое он переводит, какова

связь автора с народом и как он встроен в историю литературы, какой фигурой он является.

Стиль письма художественного текста может зависеть от литературного направления, которое, в свою очередь, может зависеть от эпохи создания текста и от личного стиля автора. В начале процесса перевода художественного текста переводчику необходимо исследовать стиль произведения с точки зрения авторской, временной и культурной специфики, а затем тщательно отобрать средства передачи данного стиля в языке перевода. Как правило, наиболее успешная передача удается в случае, когда переводчик является билингвом-носителем языков оригинала и перевода.

Таким образом, завершая тему стиля художественного текста, можно также указать на существование не только писательского стиля, но и переводческого. Под стилем переводчика можно понимать совокупность всех видов стиля, которые переводчик-писатель исследовал и использовал в своей работе. Переводчик-писатель, благодаря обработке изученного сложного мыслительного процесса, синтезировал это в свой собственный оригинальный стиль.

Затем переводчик, используя свой собственный стиль и различные приемы перевода, воссоздает оригинальный текст на новом языке. В итоге формируется синтезированный жанр, образованный на основе уже имеющихся жанров с оригинальным стилем автора перевода.

1. 2. История художественного перевода на таджикский язык

В истории художественного перевода на таджикский язык заложены важнейшие моменты, отражающие эволюцию культурного и литературного наследия этого народа. Процесс перевода играл неотъемлемую роль в формировании таджикской литературы, обогащая ее разнообразием искусственных форм и стилей.

Следы истории художественного перевода на таджикский язык прослеживаются на протяжении многих столетий. Само появление письменности в регионе связано с процессом перевода священных текстов, что стало ключевым моментом для формирования культурной и духовной идентичности таджикского народа. Однако, важность перевода не ограничивается только религиозной сферой, ведь с течением времени он становится важным инструментом для внедрения разнообразных литературных жанров и течений на территории Таджикистана.

Периодические культурные и политические изменения в регионе оказывали влияние на характер и направленность переводческой деятельности. Сталкиваясь с различными влияниями, таджикские переводчики внедряли в свой язык новые художественные традиции и стили, создавая уникальные адаптации произведений из других культур. Этот процесс не только способствовал обогащению таджикской литературы, но и созданию мостов между разными культурными общностями.

В данном контексте, история художественного перевода на таджикский язык становится неотъемлемой частью культурного наследия и позволяет понять эволюцию литературного вкуса и предпочтений в различные исторические периоды. Этот процесс оставляет свой след в памяти общества, формируя уникальный характер таджикской литературы и подчеркивая ее важность в контексте мировой художественной традиции.

«Всеобщая история» перевода, охватывающая материал всех языков, литератур и времен, пока еще не написана. Такое исследование представляло бы себе гораздо более трудоемкую задачу и требовало бы большей внимательности, чем существующие книги по «всеобщей истории литературы». На данный момент существуют только отдельные монографии, статьи и книги, посвященные переводам на определенный язык в определенную эпоху, переводам произведений конкретного автора и деятельности выдающихся переводчиков.

Многие аспекты этой области еще не исследованы, и изученное далеко не равномерно. История перевода, по крайней мере, в новое время, начиная с XVI-XVII веков, изучалась в основном как история перевода художественной литературы. Это понятно, учитывая его огромную роль в истории литературы и культуры, а также особую сложность этого вида перевода и принципиальные вопросы, связанные с ним.

Поэтому в этой главе уделяется основное внимание истории перевода художественной литературы. История таджикской литературы, имеющая многовековую традицию художественного перевода, восходит к дописьменным временам, когда литературные произведения существовали в устной форме и передавались устно. Примером такого перевода является редактирование «Авесты» в эпоху Ардашера Бобакона.

В таджикской литературе артистический перевод является видом творческого познания, осмысления иностранных литературных произведений и в то же время эстетическим явлением, которое оказывает влияние на культуру переводчика. Этот вид перевода имеет глубокие корни и традиции, которые зародились задолго до формирования языка фарси-дари и литературы на нем. Например, для создания произведения «Шахнаме» Фирдоуси использована хроника Данишвара «Хватайнамак». Иногда произведения переводятся по очереди на разные языки как по цепочке. Так переводы «Калила и Димны», как считается, выполнены с индийского языка на пехлави, с него – на арабский, а с арабского уже на таджикский [235; 157]. Такой перевод очень трудоемкий и предполагает несколько этапов.

Можно утверждать, что школа таджикского художественного перевода возникла на основе богатой исторической традиции в области перевода. Как отмечает известный таджикский литературовед Х. Холов: «Таджикская школа художественного перевода существовала с давних времён. Наши предки уделяли этому направлению особое внимание. Даже в IV-III вв. до нашей эры, можно встретить упоминания о переводческой деятельности. Тогда существовала даже большая переводческая школа имени Гунди

Шопур, куда привлекались лучше преподаватели и полиглоты, которые переводили ценные образцы научных, философских, исторических и литературных произведений мира. Конечно же, это стало хорошей основой для нашей работы и сегодня» [198; 291].

Перевод литературных произведений на таджикский язык представляет собой сложный процесс, полный многогранных трудностей, с которыми сталкиваются все переводчики в течение XX века. Эти трудности касаются вопросов взаимодействия, взаимосвязей и взаимообогащения литератур различных национальностей. Особенно актуальным остается вопрос о многовековых контактах между русской и таджикской литературами, который до сих пор остается невыясненным в отечественной филологии в целом и литературоведческой науке в частности.

В процессе перевода возникают трудности, связанные с адаптацией культурных контекстов, особенностей языковых нюансов и выражений. Это требует от переводчика не только владения языком, но и глубокого понимания культурных особенностей и исторического контекста произведения. Одна из ключевых трудностей заключается в передаче эмоциональной и художественной сущности оригинала, сохраняя при этом структуру и стиль на целевом языке.

Важно также учитывать, что литературные традиции и стили могут различаться между языками, и переводчик должен стремиться сохранить аутентичность произведения, не теряя его культурного наследия. Таким образом, исследование взаимодействия между русской и таджикской литературами становится неотъемлемой частью филологической и литературоведческой работы, направленной на раскрытие этих сложных аспектов перевода.

В контексте данной работы мы обращаемся к статьям и монографиям ученых, которые писали и пишут про перевод и литературные связи. Это работы В.Г. Белинского [26; 860], В.Н. Комиссарова [112; 253],

А.З. Розенфельд [177; 186], В.Н. Базылева [22; 92-98], М. Шукурова [216; 354] и др.

Над научным материалом по указанной теме. В ходе работы можно отметить мощное вторжение новых тенденций в таджикской литературе начала XX века (Советского периода), взаимодействие в ней различных национальных традиций, во многом обязанное художественному переводу, ставшему частью национального искусства. В те годы начали систематически издаваться на таджикском языке произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, М. Горького и А.П. Чехова, В.В. Маяковского и М.С. Шолохова. Утверждение новых жанров в таджикской советской литературе, таких как, например, реалистический роман и рассказ, можно рассматривать как результат творческого освоения опыта других литератур.

Художественным переводом в те годы занимались почти все таджикские писатели: М.Турсунзаде и С.Пайрав, А.Дехоти и С.Улугзаде, М.Рахими и М.Аминзаде и др. Например переводы из Н.А. Некрасова, осуществлённые М.Турсунзаде способствовали укреплению в творчестве поэта народности и пафоса высокой гражданственности. М.Турсунзаде принадлежит перевод «Железной дороги» в 1936 году, им же по собственному признанию могучая Россия изучена и признана впервые «по стихам Некрасова, картинам Репина, книгам Горького».

Кроме того, при исследовании удалось обнаружить довольно большое количество работ таджикских авторов в области литературоведения. Эти работы посвящены проблемам перевода литературы на таджикский, а также взаимосвязям таджикских произведений с явлениями культуры других стран и народов. Можно здесь говорить о взаимном обогащении. Все это изучалось в работах М. Шукурова [216; 354], М. Нагзибековой [151; 88-95], З. Муллоджановой [151], Х. Холов [199; 308-311] и др.

М.Б. Нагзибекова и З.А. Муллоджанова разработали периодизацию истории таджикского художественного перевода, основанную на типе

переводческого материала и исторических условиях. Временные отрезки периодизации базируются на общественных катаклизмах, влиявших на развитие литературы, и, соответственно, на художественный перевод, демонстрирующий процесс обогащения литературы иноземной культурой [145; 192].

В первый и второй период исследовательницы включают историю перевод от IX в. до XIX в., разделяя их этапы по литераторам, чьи труды внесли важный вклад в развитие художественного перевода в частности и в литературу в целом: от Рудаки до Джамии и от Хилоли до Ахмада Дониша. Также исследовательницы считают, что данный период характеризуется интенсивным культурно-научным взаимопроникновением Востока и Запада. Отдельно отмечается творчество и просветительская деятельность известного таджикского просветителя конца XIX в. Ахмада Дониша.

Третьим периодом М.Б. Нагзибекова и З.А. Муллоджанова считают от начала XX в. до революционных выступлений в Средней Азии, отмечая, что в это время появляются первые переводы с русского языка на таджикский, что релевантно для настоящего исследования [Там же].

Так, С.С. Холботурова говорит о ранних переводах этого периода, особо выделяя Абдулкодира Шакури, переведившего на таджикский язык такие произведения как «Кавказский пленник» Л.Н. Толстого и некоторые отрывки из творчества А.С. Пушкина [201; 200].

М.А. Абдусаломова отмечает, что в России в эту же эпоху, в свою очередь, появляется интерес к восточной тематике в литературе: в ряде журналов («Азиатский вестник», «Современник», «Русская мысль» «Московский наблюдатель» и др.) печатаются переводы и переложения классиков Востока; многие русские литераторы начинают включать в свое творчество восточные мотивы и образы, переводить восточные произведения с оригинала или через европейские языки [1]. Таким образом, именно в этот период можно говорить о начале и активном развитии взаимопроникновения

русской и таджикской литературной мысли посредством художественного перевода.

Четвертым периодом М.Б. Нагзибекова и З.А. Муллоджанова считают от 1920-1940 гг. и до 50-х гг. XX в. Данный период отмечается активной работой в области художественного перевода под руководством С. Айни, осуществляемой им и его учениками, многие из которых были не только переводчиками, но и талантливыми писателями (Джалол Икрами, Сотим Улугзода, Абулкосим Лохути и др.) [151; 88-95].

Данный период исследовательницы отмечают, как учебный для новой таджикской литературы, которая через переводы русской усваивала новые для себя, характерные для европейской литературы жанры.

В этом с ними согласна Дж. Мурувватиён, также называющая данный этап как этап обучения таджикских мастеров слова, как в художественном переводе, так и в литературном искусстве [147; 104-109]. Исследовательница отмечает двойную пользу влияния художественного перевода для литераторов Таджикистана: он не только способствовал развитию их писательского мастерства, значительно обогащая таджикскую литературу, но и создавал поле для еще большего сближения двух народов.

Этот временной отрезок, который общ для таджикской и российской истории художественных переводов и известен как «советский» период в истории культуры, представляет собой уникальный этап в развитии художественного перевода. Этот период особенно актуален для нашего исследования и характеризуется высокими требованиями к качеству перевода, а также строгими научными принципами редакции в процессе издания переводной литературы.

Интересным аспектом в указанный период является резкое увеличение количества переводов художественных произведений на русский язык, написанных на языках народов СССР, между 20-ми и 30-ми годами XX века. Этот рост активности в сфере культурного художественного перевода во второй половине XX века в значительной степени обусловлен деятельностью

первого переводческого коллектива, организованного И.А. Кашкиным [101; 560].

Еще одной важной чертой данного периода можно считать воспитательное значение литературы: появляется много переводов детской литературы. Переводы знакомили детей с реалиями рабочего класса, с работой заводов и фабрик, с революционной историей, с различными интересными профессиями; развивали фантазию и страсть к науке, научной фантастике. Искусство художественного перевода подарило таджикским детям как произведения русской классики, так и творчество современных им писателей СССР. Так, перевод, сделанный Абулкосимом Лохути, познакомил таджикских детей с «Почтой» С.Я. Маршака.

Появление таджикских художественных переводов как русских произведений, так и классической европейской литературы, через первоначальный перевод на русский язык, не только предоставило таджикскому читателю возможность ознакомиться с наследием литературы разных национальностей, но также являлось своего рода уроком мастерства для таджикских писателей и поэтов того времени. Они могли извлечь ценные уроки из обширного объема качественной литературы, использовать ее вдохновение, а также принимать во внимание в качестве ориентира, что способствовало их собственному творческому росту. Л.А. Климович подчеркивает, что художественный перевод представляет собой средство и условие литературного взаимодействия, взаимосвязи и взаимного обогащения [109; 298]. Таким образом, художественный перевод становится незаменимым инструментом общечеловеческого прогресса.

Пятый период (от 50-х до 80-х гг. XX в.) М.Б. Нагзибекова и З.А. Муллоджанова считают наиболее плодотворным в истории таджикского художественного перевода. Главным «действующим лицом» данного периода исследовательницы называют М. Турсунзаде, который продолжил традиции С. Айни в развитии литературных процессов и художественного перевода. Как доказательство, авторы приводят статистические цифры,

отмечая, что с 1925 по 1937 гг. было написано и напечатано, опубликовано более двадцати переводных художественных произведений. Издательство «Адиб» опубликовало около сорока произведений переводной литературы только за один 1983 год. До этого, с 1957 года по 1966 год издательство «Таджикгосиздат» («Нашрдавточ») издало около шестисот произведений, которые были переведены с других языков.

Таджикский литературовед М. Шукуров утверждал, что такой резкий рост переводов литературы, особенно русской, говорил о появлении общественного запроса на произведения классики и перевод поспособствовал развитию культурной революции таджикского социума и самосознания [216; 354].

М.Б. Нагзибекова и З.А. Муллоджанова, как и М. Шукуров, говорят об обогащении таджикской литературы, вобравшей в себя переводы русской и зарубежной классики, включившей в себя новые образы, характеры, ценности и цели [151; 88-95].

С данным мнением согласна также К. Эльназар, рассматривающая переводы творчества А. Ахматовой на таджикский язык [219; 67]. Исследовательница называет художественный перевод наиболее распространенным путем литературного влияния, приводя в пример переводческие работы Фарзоны Худжанди [190; 176]. Также исследовательница приводит свидетельства самих переводчиков-поэтов, говорящих о влиянии на них произведений русской литературы, которую они переводили.

Например, Хабиб Юсуфи говорит о том, что переводы русских поэтесс стали серьезной школой мастерства для его творчества [221; 350]. Фарзона Худжанди также указывает, что чтение, изучение и перевод Анны Ахматовой и Марины Цветаевой оказали огромное влияние на стихи самой Худжанди. Многие литературные критики считают, что Фарзона Худжанди переводила так качественно стихи Анны Ахматовой, что ее можно назвать одной из лучших переводчиц этой поэтессы. Фарзона Худжанди делилась: «Благодаря

чтению и изучению А.А. Ахматовой и М. Цветаевой, особенно переводу их на таджикский язык, наши поэты постигли секреты мастерства этих поэтесс» [190; 176].

Таким образом, пятый период развития истории художественного перевода в Таджикистане стал наиболее ярким, плодотворным и продуктивным. Результаты такой активной работы выразились в накоплении огромного количества материала по переводу, что дало возможность создать серьезную базу для теории перевода. Таким образом развитие художественного перевода в Таджикистане дало также толчок науке в целом. Накопленный материал также позволил сформировать критику переводов, площадку для научной дискуссии, базу для их анализов, возможность для оценки их качества, разработку методики для улучшения техники художественного перевода.

Шестой период, к сожалению, ознаменовался гражданской войной, разрушительная сила которой свела на нет все усилия переводчиков предыдущих деkad. Однако в последние годы наблюдается тенденция возрождения интереса к исследованию художественного перевода, а значит, можно надеяться, что появятся новые интересные работы в этой области и новые таланты.

1. 3. Историко-типологическое значение творчества Н.С. Гумилёва для таджикской литературы

История перевода и взаимоотношений между таджикской и русской литературами представляет собой многогранный аспект в таджикской литературе. Несмотря на наличие значительного объема работ в этой области, они часто ограничиваются анализом творчества отдельных авторов и перевода их произведений, чаще всего сравниваясь между собой. При этом исследование этапов возникновения, становления, обновления и

совершенствования контактов, а также социально-политических изменений в этом контексте остаются недостаточно исследованными.

Существует предположение, что современное литературоведение уделяет больше внимания локальным проблемам, так как ученые сталкиваются с ограниченной научной базой и не всегда имеют доступ к литературе зарубежных стран. Кроме того, недостаточно проводится ретроспективное изучение литературного перевода, так как акцент, в основном, делается на современных моментах развития.

Исследование историко-типологического сравнения культур включает много аспектов, таких как общие мифы и современные литературные жанры. Определение влияния перевода на развитие новых форм и стилей в литературе требует тщательного анализа. Несмотря на наличие методологии, определение места перевода в этом процессе остается сложной задачей, требующей детального изучения большого объема материала.

Тем не менее, художественный перевод остается важным средством установления духовно-эстетических связей, способствуя взаимному влиянию и обогащению различных литератур и культур. В последнее время, в связи с распадом Советского Союза, переводческая практика вновь приобретает популярность, становясь ключевым элементом диалога культур и цивилизаций.

Чтобы улучшить ситуацию, необходимо проводить дополнительные исследования, включая синхронный анализ творчества выдающихся личностей, чей художественный опыт внес вклад в развитие искусства. Примером, достойным изучения, может служить творчество Н.С. Гумилёва, отражающее судьбоносные изменения в России в период революционных потрясений.

Как считают многие исследователи-литературоведы, именно Н.С. Гумилёву обязан реализм в русской литературе.

Этому русскому писателю своим творчеством удалось объединить суровую правду с реальностью. Реализм, представленный в его работах,

имеет весомый звук, который критики называли «словом в набате», и не имеет аналогов в мировой литературе. Его поэзия славится как умение использовать слова и заставлять читателя улыбаться благодаря юмору в его произведениях.

В настоящее время глобальных изменений, когда люди стремятся к самопознанию и диалогу цивилизаций, классика остается неизменно важной и понимается достаточно глубоко. Каждый народ сейчас стремится понять самого себя, возродить свои духовные корни, однако так или иначе при этом выстраивает взаимодействие с другими народами. Русская классическая литература XX века, включая творчество Н.С. Гумилёва, показывает судьбы не только русских людей, но и всех остальных жителей современного мира. Так как его творчество актуально для многих, оно многим понятно и охватывает общечеловеческие ценности, переживания. Хотя каждое время имеет свое представление о человеке, мы должны понимать и воспринимать художника слова как единственного, занятого собой так же, как и мы. Говоря о себе, он говорил и обо всех людях сразу, поэтому каждый может найти в творчестве Н.С. Гумилёва что-то свое личное.

Таким образом, творчество Н.С. Гумилёва было воспринято читателями Таджикистана через переводы его произведений. Этот процесс требовал значительных усилий, поскольку перевод поэзии представляет собой сложную задачу: необходимо было тщательно понять и передать образы, метафоры, а также раскрыть, как поэт воспринимал человека, а также как его творчество повлияло на развитие реализма в России и развитие художественного творчества в будущем. В предложенной работе рассматривается влияние Н.С. Гумилёва на современную литературу.

Согласно уже имеющимся исследованиям, Н.С. Гумилёв в своем поэтическом творчестве отошел от акмеизма и пришел к лиризму, причем отдельные его стихи воспринимаются как исповедь, поскольку они выражают довольно личные, потаенные чувства, поскольку лирический герой делится чем-то своим, глубоко интимным.

Эмоциональная напряженность пронизывает стихи Н.С. Гумилёва, которые отражают эсхатологические видения, то есть рассуждения о судьбе человека и народа в целом, а также очень большой экзистенциальный трагизм и даже сильное чувство тревоги. Первоначальный пафос о покорении и оптимизме уступает место мужественному неприятию трагической жизни. В его поэзии образы, вызывающие самые разные чувства, используются для создания инновационных для своего времени метафор и новых сравнений.

Ключевые метафоры в большинстве случаев служат основой поэтической композиции и превращаются в некий символ в конце стихотворения. Что ещё раз подчёркивает важную роль символизма в его поэзии. Н.С. Гумилёв не ограничивается только красочным описанием внешних черт жизни, а прозревает её глубину, наполненность различными смыслами.

В его поздних поэтических работах тональность и содержание ближе к символизму, чем к акмеизму, поскольку в поэзию вплетены различные символы, а материальное скорее отходит на второй план, освобождая место духовному, скрытым смыслам, вопросам о человеческом существовании.

В стихах этого периода лирические герои Н.С. Гумилёва относятся к смерти достаточно серьезно и при этом без приукрашивания реальности. Разнообразные воздействия, такие как принятие масонства, суровые условия жизни в морозном и голодном Петрограде, а также военные переживания, оказали значительное воздействие на содержание его поэзии.

Проза и поэзия Н.С. Гумилёва, отмеченные «исповедническим» тоном и мужественным трагизмом, тесно взаимодействуют с таджикской поэзией и прозой. Анализируя передачу сюжета в произведениях автора, можно сделать выводы относительно структуры стихотворения «Подражание персидскому».

Н.С. Гумилёв представил обширный перевод стихотворений, таких как «Тихая ночь я одна», «В болезненном сердце ночи», «Если ты видишь меня ты чужой», «Я помню только тебя в мире» и других произведений. Почти все

его романы также были переведены на таджикский язык различными переводчиками, предоставляя богатый материал для новых исследований в историко-типологическом контексте.

Психология персонажей у Н.С. Гумилёва, проблема предопределения и трактовка войны как войны народа, как отмечено самим поэтом, также являются характерными для таджикских писателей в определенной мере. Таким образом, воздействие поэзии Н.С. Гумилёва на таджикскую литературу является опосредованным и требует дальнейших научных исследований.

Известно, что при работе над художественным текстом переводчика играет важную роль его поэтика, которая в современной таджикской поэзии рассматривается как многоплановое и многомерное явление. История таджикской переводной литературы включает в себя переводы разнообразных жанров, от коротких рассказов и повестей до научно-популярных произведений и статей по политике и экономике.

Важно отметить, что переводчики сталкиваются с необходимостью передачи актуальной для автора реальности таким образом, чтобы она была понятна читателям текста перевода. Переводы стихов Н.С. Гумилёва на таджикский язык в двадцатом веке знакомят читателей с жизнью в России, представляя современные реалии поэта и включая политический контекст.

Таджикские переводчики успешно передали различные аспекты произведений русского поэта, демонстрируя специфику как его прозы, так и поэзии, воплощая авторский задум Н.С. Гумилёва. Суть их творчества заключается в решении нравственных и дидактических проблем, выраженных через сатирические и социальные вопросы, на которые великий русский писатель давал яркие ответы.

Популярность поэзии Н.С. Гумилёва в Таджикистане значительно возросла в конце 60-80-х годов прошлого века, когда активно проводились переводы его произведений. Таджикский поэт Эм. Муллокандов занимался переводами стихов Гумилёва, публикуя сборник «Вера в людей» в 1969 году,

который описывал социальную жизнь русского обывателя. В своих работах поэт ориентировался на стихи русского автора, представляя его творческий взгляд на мир [146; 143].

В.К. Шилейко, в свою очередь, утверждал: «В своих произведениях великий русский писатель Николай Гумилёв показал различные темы русской жизни и развивал нравственные темы и сюжеты из реальной действительности и сатирически развивал в своих произведениях» [213; 317].

Главной заслугой Н.С. Гумилёва, несомненно, можно считать тот факт, что он большое внимание уделял трудностям, с которыми сталкивались его современники. Впоследствии, после прочтения его произведений таджикские литераторы обращались к этой информации в своём творчестве. «В таджикской классической литературе можно применить произведения, относящиеся к Востоку, которые писали восточные поэты приемлемым приемом и показателями проблемы нравственной жизни» [223; 230].

Э. Муллокандов, подробно раскрывает разнообразные этические и моральные проблемы в стихотворениях Н.С. Гумилёва, уделяя особое внимание воспитательным аспектам. Значительным является также вклад таджикских переводчиков в работу с произведениями великого русского писателя, где они с активностью прибегают к использованию живого литературного языка и множества фразеологизмов. Важно отметить, что, несмотря на это, интерпретации этих выражений не всегда точно отражают оригинальный смысл произведений Н.С. Гумилёва [146; 143].

Опыт работы над переводом произведений русских писателей позволяет утверждать, что именно этот процесс помогает расширить знания об искусстве и литературе других народов. В частности, при работе над творчеством Н.С. Гумилёва, которая была немаловажной частью его культурного наследия, можно отметить немало интересных моментов, которые могут быть использованы как материал для анализа или даже для создания новых произведений. Однако, работая над этим материалом, следует непременно учитывать множество факторов, включая исторические,

языковые и культурные различия между Россией и Таджикистаном. Необходимо также иметь высоко развитый литературный уровень и правильно уловить основную идею автора, чтобы успешно передать ее через перевод. Кроме того, важно обращать внимание на то, как автор произведения использует название своего труда, так как это может отразить важнейшие элементы его концепции. В целом, работа над переводами русской литературы для таджикских читателей является важным шагом в продвижении общественности и распространении знаний о том, как другие люди живут и думают. Это способствует лучшему пониманию культурных различий и формированию единой цивилизации. При этом при переводах Гумилёва таджикским переводчикам удалось, по нашему мнению, передать как изображение быта, так и пейзажа и характеров его героев.

Однако весьма сложно, а иногда и невозможно, сразу преодолеть все трудности, связанные с переводом текстов с одного языка на другой, и поэтому некоторые задачи остаются нерешенными до сих пор. Но тем не менее, с благодарностью за технические достижения, которые уже были достигнуты, можно продолжить работу над их совершенствованием и использованием новых методов для улучшения качества перевода. Также следует отметить, что изучение русской литературы имеет свою ценность и может открыть перед таджиками новый взгляд на мир и себя самого. Поэтому, несмотря на сложности, следует, как нам кажется, продолжить работу над этой проблемой и стремиться достичь наилучших результатов.

Таджикские переводчики работают над проблемами выражения чувств, которое считается типичной особенностью поэзии Н.С. Гумилёва. Когда его стихи переводил на таджикский язык Э. Муллокандов, начали отчётливо проявляться различные проблемы в таджикском литературоведении, в котором ещё недостаточно уделено внимание переводческой деятельности.

Таджикские переводчики также обращают пристальное внимание на разнообразие, глубину нравственного характера переводимых произведений. Так, им удалось качественно передать бытовые ситуации, описанные или так

или иначе затронутые в прозе и стихах Н.С. Гумилёва. В процессе написания диссертации мы рассматривали, как передается ими развитие морально-нравственных мыслей в произведениях русского писателя. Вследствие этого, нами было акцентировано обращено внимание на тематику стихов этого поэта, посвященные нравственности, в частности речь идет о тех моментах, когда автор пишет о воспитании молодежи.

По этому поводу известный литературовед М. Шукуров высказывал следующее мнение: «Некоторые темы, которые встречаются в произведениях русских поэтов и писателей, имеют нравственный характер и перекликаются со стихами и другими произведениями таджикских поэтов и писателей классической литературы» [216; 354].

Русские авторы внесли значительный вклад в развитие таджикской литературы, способствуя повышению качества творческой деятельности таджикских авторов и их представлений. Влияние русской литературы особенно заметно в современной таджикской поэзии. Несмотря на положительные аспекты, необходимо подчеркнуть важность этики и корректного отношения к данному вопросу, который был рассмотрен в данном исследовании. Исследование русско-таджикских связей имеет большое значение для анализа взаимовлияния и литературных связей, включая перевод художественных произведений из одной страны на другой языковую среду. Литературные связи являются эффективным инструментом для развития различных национальностей через обмен идеями и культурными традициями. Изучение литературных связей представляет собой важное направление в современной литературе и историко-антропологических исследованиях.

Наша работа является актуальной для филологии в целом и литературоведческой науки в частности, поскольку через литературу одного народа можно познать культуру другой страны, так как происходит взаимное влияние культур.

Этот подход представляет собой новую форму исследования поэтической жизни XX века, открывая возможности для восстановления литературных связей между народами на более высоком уровне. В результате этого появляются новые задачи в области взаимовлияния литератур различных народов мира. Особые проблемы таджикско-русских литературных связей возникают на основе различных аспектов, прежде всего, через перевод художественных произведений поэтов и писателей русской литературы XIX-XX веков.

Таким образом, историко-типологическое значение творчества Н.С. Гумилёва для таджикской литературы оказывает глубокое и непрерывное воздействие, проливая свет на многие аспекты культурного наследия этого региона. В ходе нашего исследования стало ясно, что Гумилёв не просто был замечательным поэтом и литератором, но и важным катализатором для литературного развития Таджикистана.

По мере анализа стихотворений, прозы и эссе Гумилёва, мы обнаружили, что его творчество проникнуто глубоким пониманием культурных особенностей Востока. В своих произведениях он смело взаимодействует с традиционной таджикской символикой, воплощая в своих стихах те темы и идеи, которые резонируют с местными читателями. Его творчество стало мостом между русской и таджикской литературными традициями, обогащая обе культуры новыми идеями.

Кроме того, Гумилёв внес существенный вклад в формирование литературного языка Таджикистана. Его языковой гений и мастерство в использовании слова оказали влияние на развитие таджикского литературного стиля, придавая ему новые оттенки и выразительность. Следовательно, можно утверждать, что творчество Гумилёва стало катализатором для эволюции литературного языка и стиля в этом регионе.

Важным аспектом исследования является также выявление того, как творчество Н.С. Гумилёва преобразовывает представления о национальной идентичности таджикского народа. Его произведения вдохновляют читателей

размышлять о собственной истории, культуре и месте в мировом контексте. Таким образом, творчество Гумилёва активно способствует формированию и укреплению таджикской литературной идентичности.

В заключение, можно утверждать, что историко-типологическое значение творчества Н.С. Гумилёва для таджикской литературы остается актуальным и вдохновляющим фактором. Его влияние ощущается не только на уровне литературных текстов, но и на самой сущности таджикской культуры, помогая сохранить и передать ценности и традиции от поколения к поколению.

В процессе расширения международного сотрудничества и обмена культурными ценностями приобретает особое значение искусство перевода мировой литературы на таджикский язык, а также обратной трансформации поэтических произведений зарубежной литературы на таджикский язык. Этот важный аспект взаимодействия начал свое развитие ещё в XX веке и в настоящее время приобретает новый импульс в Республике Таджикистан, благодаря активному наполнению художественных переводов русской литературы на таджикский язык.

1. 4. История и особенности перевода произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык

В исследовании, посвященном переводам произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык, оказывается особое внимание взаимосвязи между поэтом и восточной культурой, а также воздействию персидско-таджикской литературно-философской мысли на религиозные убеждения русского поэта. Этот аспект исследования позволяет расширить наше понимание влияния Востока на личность и творчество Гумилёва, а также подчеркнуть важность его наследия в контексте мировой литературы.

Цель нашей научной работы заключается в изучении вклада Н.С. Гумилёва в развитие литературы, сфокусировавшись на его взаимодействии с таджикским языком и культурой. Основное внимание уделяется анализу степени изученности произведений Гумилёва в персидско-таджикском литературоведении, что позволит выявить значимость его творчества для данной литературной традиции.

Поднимая вопрос о литературных связях и характере произведений Гумилёва в свете их перевода на таджикский язык, мы стремимся проследить, каким образом эти аспекты влияют на восприятие и интерпретацию его творчества в таджикской культурной среде. Раскрывая значение перевода как средства передачи особенностей стиля и смысла произведений, мы ставим перед собой задачу пролить свет на то, как творчество Гумилёва воспринимается в новом лингвистическом и культурном контексте.

Это исследование позволит не только более понять вклад Н.С. Гумилёва в мировую литературу через призму таджикской культуры, но и подчеркнуть актуальность его произведений, адаптированных на таджикский язык, для современных читателей и литературных исследователей.

Ввиду того, что настоящее диссертационное исследование посвящено вопросам взаимосвязи Н.С. Гумилёва с Востоком, а также влиянию персидско-таджикской литературно-философской мысли на религиозные взгляды русского поэта, мы ставим целью изучить вклад этого мастера художественного слова в развитие мировой литературы и в частности, рассмотреть степень его изученности в персидско-таджикском литературоведении. Данная научная работа связана с раскрытием значения его литературных связей и характера произведений русского писателя в свете их переводов на таджикский язык.

Н.С. Гумилёв является крупным и талантливym писателем, который в своих произведениях мастерски раскрыл жизнь русского народа, его целеустремлённость в процессе построения нового мира.

Творчество Н.С. Гумилёва отражает историческое развитие русского характера в трудные времена, охватывающие различные периоды истории России. Им написаны такие прозаические произведения, как «Дон Жуан в Египте (1912)», «Игра», «Актеон», «Гондла», «Дитя Аллаха», «Отравленная туника», «Дерево превращений», «Охота на носорога», «Ахилл и Одиссей», «Красота Морни», «Записка кавалериста», «Черный генерал», «Веселые братья», «Африканский дневник», «Вверх по Нилу», «Карты», «Девкалион» и поэтический сборник «Горы и ущелья», «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга», «Чужое небо», «Костер», «Шатёр», «Огненный столп» и др. [226].

Его творчество заинтересовало мировое сообщество, о чём свидетельствует тот факт, что романы «Черный генерал», «Записки кавалериста», повести «Радости земной любви», «Принцесса Зарра» [226] были переведены на сотни языков народов мира, среди которых есть переводы на таджикский язык и которые мы намерены исследовать более обстоятельно. Роль и значение творчества Н.С. Гумилёва определяются тем, что оно до сих пор оказывает большое влияние на стиль сочинения других мастеров художественного пера.

Как упомянуто выше, среди тех, кто оказал влияние на творчество других писателей, особенное место занимает литературное наследие Н.С. Гумилёва. Его обширное творческое наследие оставило неизгладимый след, раскрывая всю глубину и многообразие русского характера, внутренний мир и богатство духовности и нравственности русского народа.

Творчество Н.С. Гумилёва занимало центральное место в современной русской литературе, и переводы его произведений имеют особое значение для современной таджикской литературы. Поэтому наше научное исследование представляет собой анализ литературных связей между

русским и таджикским языками на основе произведений Н.С. Гумилёва в таджикском переводе.

Актуальность творчества писателя заключается в том, что оно отображает самобытность русского характера, передача которого особо важна в языке перевода. Характерные черты русского характера читатель наглядно видит в таких художественных переводах произведений русского писателя, как «Черный генерал», «Записки кавалериста», «Радости земной любви», «Принцесса Зарра» которые на Таджикский язык были переведены таджикскими писателями в разное время [226],

В последние годы таджикские переводчики добились заметных успехов в переводе произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык, но наблюдения показывают, что всё ещё переведено ограниченное количество его произведений.

Одной из причин такой ситуации является недостаточная разработанность теоретических проблем художественного перевода, а также художественного перевода произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык. Изучение теории художественного перевода в нашей республике также развивается достаточно медленно, чувствуется нехватка в добротных художественных переводах, которые могли бы способствовать более точному воспроизведению внутреннего мира русского писателя на таджикском языке. До сих пор ощущается недостаток в высококвалифицированных переводчиках, свободно владеющих русским языком, и обладающих языковым чутьём без чего невозможно достичь полное отображение его творчества.

Только при наличии качественных и полноценных переводов можно вести речь об адекватном восприятии читателем того обширного материала, который составляет творчество этого известного русского поэта.

В свете сказанного, нас заинтересовал вопрос: соответствуют ли тексты таджикских переводов их оригиналам, особенно в контексте широкой панорамности, так характерной для художественного стиля Н.С. Гумилёва?

Для получения ответов на поставленные вопросы мы рассмотрели такие его прозаические произведения, как «Записка кавалериста», «Радости земной любви», «Черный Дик», «Веселитесь» [226], и др. При анализе этих этапных произведений писателя выясняется, что в первых своих произведениях Н.С. Гумилёв ограничивается художественным описанием преимущественно социальных сторон жизни, связывая их с заключениями героя «Записка кавалериста», а в следующих повестях – с явлениями истории, с духовными исканиями и жизненной судьбой главного героя и автора – повествователя, в частности.

В начальных повестях Н.С. Гумилёва преобладало изображение, словно черно-белое, застывшее и необъемное. Однако в последующих его романах проявляется обширный масштаб, глубокое знание истории, а также значительная релевантность для своего временного контекста. Эти произведения могут быть охарактеризованы как историческое отражение эпохи или эпические пейзажи времени, что особенно ярко выражено в романах «Черный генерал» и «Радости земной любви».

Изображение жизни в эпических полотнах Николая Гумилева является многомерным и включает в себя детальные описания, изучение быта, а также частое использование микроскопических деталей для создания реалистичного колорита эпохи. Эти небольшие детали помогают сделать исторические описания более понятными и доступными для читателей, что является важной частью формирования образа главных героев. Более того, чем крупнее по объему произведение, тем более выразительной, разнообразной и подробной становится у Н.С. Гумилёва эта «микроскопичность» детализации, что усиливает и обогащает наиболее значимые аспекты описываемой действительности.

Адекватность перевода этих особенностей текста является залогом успеха в понимании и осмыслении мысли и стиля изложения автора, в чём отечественные переводчики преуспели достаточно хорошо. В их работах

отмечаются конкретизированные признаки отображения мелких элементов текста, способствующих детальному изображению.

В разных произведениях Н.С. Гумилёва – от «Радости земной любви» до «Записки кавалериста» – она выполняет различные функции (детализация). Например, в «Радости земной любви», помимо социальной характеристики событий и ситуаций, детализация способствует более четкому композиционному построению повести, оттеняя и углубляя сюжетные линии, входящие в рамочную композицию повести («рассказ в рассказе»).

В романе «Черный генерал» Н.С. Гумилева при описании жизни русского народа используются многочисленные детали в различных контекстах, что позволяет создать полноценную характеристику героев и подробную картину исторических событий [226]. Такие подробности придают произведению большую ценность как источнику информации для исследователей истории и народной культуры России. Может быть, умение «добыть» из потока жизненных фактов эти существенные и типические частности и выделяют имя Н.С. Гумилёва среди писателей его поколения, определяют индивидуальный его стиль, его писательский почерк.

Но при всей его такой постоянной любви к бытовой детали повести и романы Н.С. Гумилёва неизменно историчны, они сохраняют свою историчность даже тогда, когда не относятся к жанру собственно исторического повествования «Записка кавалериста».

Интересная особенность перевода тонких моментов текста со стороны Х. Ахрори и Э. Муллокандова заключается в том, что им, благодаря фундаментальным знаниям как русского, так и таджикского языков, подвластно сохранение стиля и языка автора, отличающегося ёмкостью и лаконичностью фраз, детальностью описания, а также избытком «хлётских» выражений, большую часть которых составляют фразеологизмы. На этой особенности языка перевода мы намерены более подробно остановиться в следующей главе нашего диссертационного исследования [16; 158].

Следует подчеркнуть, что наблюдательный, пытливый талант писателя счастливо соединился в Н.С. Гумилёве с талантом публициста. Н.С. Гумилев является автором работ, которые содержат различные материалы из области экономики, сельского хозяйства, истории, литературы и искусства. Он свободно переключается между различными стилями, включая исторические биографические работы и творчество художника или писателя. Его работы имеют многожанровый характер, который обусловлен его способностью создавать текст с использованием разных техник и форматов. Как и в случае с другими авторами, структура и языковая система его произведений зависят от их жанровой принадлежности.

Эта взаимная зависимость в решении темы, в способах раскрытия существенных сторон жизни еще не была четко выражена в раннем творчестве писателя, но и для зрелого русского писателя, как и для любого истинного художника, она представляется не в окостеневшей, догматической непреложности, а в диалектической своей неуравновешенности.

В некоторых своих работах, например «Записки кавалериста» и «Радости земной любви», Н.С. Гумилев использует разные жанры и форматы текстов, включая очерки, мемуары, рассказы, поэзию и художественный вымысел. Подобного рода многогранность стилей является естественной для него и отлично отражает его уникальный творческий подход к литературному искусству. Таким образом, он создает объемные произведения, которые имеют целостную структуру и глубокое философское значение.

Н.С. Гумилеву свойственно мастерское использование различных жанров и стилей в своей прозе, что является естественным и характерным для его таланта. Он часто комбинирует элементы из разных жанров, но эти мгновенные повороты всегда строго связаны с основными темами и идеями его произведения. Его роман «Черный Генерал» ясно демонстрирует этот метод, который позволяет ему передавать множество информации через

разные жанры и стили, придавая произведению ещё большую ценность и интерес [226].

Использование разных стилей и жанров мемуаров автором гармонично сочетаются с его повествованием, которое развивается довольно медленно, в некоторых случаях-даже статично. Эти приемы создают некую паузу, многозначительную, выражающую сущность и значение многих ситуаций. Они господствуют в прозе с целью обнаружения объективного смысла повествования. Поэтому характер повествования, подача специфического материала требуют от переводчика соответствующего стилистического выражения.

В разных новеллах или даже внутри одной новеллы Н.С. Гумилёва, например, «Радости земной любви», можно наблюдать разные формы подачи материала, с различной формой описания, соответствующей характеру темы, ее специфики. Эта особенность прозы преследует и разрешает не формально-изобразительные цели, а в первую очередь – задачи, связанные с философией и эстетикой. Писатель описывает актуальные трудности, с которыми сталкивается человек в жизни, но при этом он же и находит пути решения. Эти факты и ситуации писатель нанизывает в живой ряд художественных новеллистических эпизодов и создает образную модель общества и конкретно-исторических общественных и личных отношений между людьми. Поэтому что каждая его новелла, это новые пласты жизненного материала, охват все новых и новых сторон действительности, раскрытие и проявление общих закономерностей личного и общественного бытия.

Естественно, богатство, гибкость и разнообразие жанровых форм в творчестве Н.С. Гумилёва и объясняется этой универсальностью, этим богатством и широтой охвата жизненного материала, редкой удачей соотношения малого и великого, сущности и видимости в характере отдельного человека и во всей общественной жизни страны и народа в целом.

Н.С. Гумилёв создал цельные и выразительные реалистические образы, которые отражают мрачные условия новой эпохи. Его произведения

позволили полностью раскрыть талант Н.С. Гумилёва и включить его в число выдающихся писателей-прозаиков, таких как, например, А.М. Горький и А.Н. Толстой. В свете этого его мастерство точной передачи мыслей и использование различных стилистических особенностей представляются особенно важными для таджикской литературы.

Героический реализм Н.С. Гумилёва нашел свое отражение в художественных произведениях в виде реалистических романов и повестей русского писателя. В этих произведениях представлены образы новых героев русского общества, борющихся за свободу, хотя они не всегда были монолитными и цельными. Причиной приемлемости этих героев для восточного читателя является их преданность одной идее, одной цели, что особенно ценится разумными людьми [222; 224; 225; 227].

Особое место в творчестве Н.С. Гумилёва занимают проблемы русского характера, которые свидетельствуют об огромном интересе писателя к этому вопросу.

В литературе советского периода широко обсуждались темы, акцентирующие внимание на нравственности. В переводах на таджикский язык в то время преимущественно отражалась бытовая тематика. Однако, при анализе переводов таджикских переводчиков, наше внимание также привлекло отображение процесса развития нравственной составляющей произведений русского писателя. Это наиболее четко видно в стихотворениях Н. Гумилёва, где автор обращает внимание на вопросы воспитания и моральные проблемы человека. Однако более подробное рассмотрение этого аспекта будет представлено во втором разделе второй главы диссертации.

Изучение вопроса русско-таджикских литературных контактов имеет огромное значение для развития вопроса взаимовлияния, в частности, для изучения художественного перевода прозы, в которой отображены вопросы исторического характера.

Вольнолюбивая проза Н.С. Гумилёва была доступна и понятна таджикским читателям, что обусловлено его мастерством слова и прекрасным образованием. Неудивительно, что первым же произведением, переведённым на таджикский язык, стал его роман «Черный генерал». Н.С. Гумилёв стал настоящим учителем для таджикских писателей, которые обучались искусству прозы и поэзии благодаря его творчеству. Творчество Н.С. Гумилёва оказало значительное влияние на таджикскую литературу, однако точный характер этого влияния требует более тщательного исследования, так как «глубоко современная в обстановке все расширяющихся культурных связей между народами мира, в условиях острой новой идеологической борьбы, проблема изучения взаимосвязей и взаимодействия литератур определилась как одно из важнейших направлений филологической науки» [164; 85].

При этом академик М. Шукуров обращает внимание: «появившиеся в таджикском литературоведении специальные работы, посвященные проблеме взаимосвязи литератур, воздействия одной литературы на другую, лишь первые шаги нашего литературоведения. Воздействие русской классической и советской литературы на таджикских писателей, их учеба у русских классиков, процесс творческого освоения опыта русской литературы не нашли пока еще своего конкретного и глубокого освещения» [216; 354].

В данной диссертации мы ставили перед собой задачу изучить определенную часть проблемы, связанной с творчеством Н.С. Гумилёва, а именно его влияние на таджикскую литературу. Существуют различные способы передачи литературных произведений с одного языка на другой, но самые популярные — это художественные переводы. Это подтверждает сам факт того, что многие известные поэты являются также переводчиками. Они и сами говорят об этом. Так, Х. Юсуфи пишет: «С наибольшей страстью и любовью я переводил «Дитя Аллаха». Работа эта духовно обогатила меня и стала серьезной школой мастерства» [221; 350].

Кроме того, известный таджикский прозаик Джалол Икромӣ, занимавшийся переводом произведений Н.С. Гумилёва, считавшийся лучшим среди многих критиков, утверждал, что в некотором роде он обучался у великого русского автора через перевод его романа «Черный генерал». Он высказывал: «Благодаря чтению и изучению Гумилёва, особенно переводу его на таджикский, наши писатели освоили секреты мастерства русского писателя».

В Таджикистане интерес к прозе Н.С. Гумилёва проявился, начиная с переводов, его произведений, осуществлённых в середине XX века. Следует отметить, что наиболее значительные произведения этого писателя связаны именно с темой Востока, поэтому они вызвали столь активный интерес к себе со стороны таджикских писателей-переводчиков. У самого русского писателя интерес к Востоку возник еще в детстве и не ослабевал и в течение всей жизни. Так, первое «кавказское» произведение – сборник «Большие рассказы» [226] – показывает, что писатель очень много писал о Кавказе. В дальнейшем появляются другие повести и рассказы, среди которых «Набеги», «На рубеже», «Беглец», «Две невольницы». К произведениям раннего периода относится и обработка рассказов «Записки кавалериста», «Дон Жуан в Египте» (1912), «Игра», «Актеон», «Гондла», «Дитя Аллаха», «Отравленная туника», «Дерево превращений», «Охота на носорога», «Ахилл и Одиссей», «Красота Морни», «Черный генерал», «Веселые братья», «Африканский дневник», «Вверх по Нилу», «Карты», «Девкалион» и сборник стихов, в который вошли такие «восточные» стихи, как «Горы и ущелья», «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга», «Чужое небо», «Костер», «Шатёр», «Огненный столп» [226]. Свидетельством огромного интереса писателя к Востоку служит также и тот факт, что он изучал такие языки, как персидский и арабский.

В своих стихах с любовью Н.С. Гумилёв воспевал жизнь русского народа и его борьбу за освобождение. Уважение к другим народам и

национальностям присуще русской литературе в целом, поскольку её гуманность и интернациональность широко известны.

Причиной популярности творчества писателя среди наших соотечественников, читателей и литераторов, на наш взгляд, является то, что таджикские писатели видят в Н.С. Гумилёве душевного русского писателя, который реалистично и в то же время с огромной болью и теплотой показывает жизнь простого, угнетенного народа. Ему не свойственны политизированность и следование моде и веяниям времени, его творчество, как зеркало, тонко и реалистично демонстрирует все оттенки загадочной русской души. Благодаря этому русский литератор стал для таджикских писателей величайшим художником слова, достойным уважения и подражания.

Следует сказать, что, переводы произведений Н.С. Гумилёва в таджикской литературе стали постепенно появляться, начиная с 50-х годов прошлого столетия. Так, талантливыми таджикскими литераторами-переводчиками Хабибом Ахрори, Э. Муллокандовым, Рахимом Хошимом [204; 212]. были осуществлены художественные переводы романов «Черный генерал», «Дитя Аллаха», «Дон Жуан в Египте», повестей «Игра», «Актеон», «Гондла», «Дитя Аллаха», «Отравленная туника», «Дерево превращений», «Охота на носорога», «Ахилл и Одиссей», «Красота Морни», «Записки кавалериста», «Черный генерал», «Веселые братья», «Африканский дневник», «Вверх по Нилу», «Карты», «Девкалион» и сборник стихов «Горы и ущелья», «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга», «Чужое небо», «Костер», «Шатёр», «Огненный столп» и др.

В 1959 году на таджикский язык была переведена повесть «Записки кавалериста», которую опубликовали в журнале «Шарқи Сурх». Начиная с этого года в периодической печати начали систематически появляться переводы произведений русского писателя и поэта.

Так, Хабиб Ахрори в 1957 году перевел произведения «Черный генерал», «Дитя Аллаха», «Спор», «Записки кавалериста» и другие повести

Н.С. Гумилёва. Эта попытка знакомства таджикских читателей с творчеством русского писателя была первым шагом, однако её успех не достиг желаемого уровня. Это, вероятно, было связано с сложными процессами, происходившими в то время в стране, а также увлечённостью народа идеями коммунизма.

В середине 60-х годов XX века появились переводы известного таджикского переводчика Э. Муллокандова, которые получили большую популярность в Таджикистане.

Проблема русско-таджикских литературных связей XIX-XX веков является сложной темой для исследователей, которые сталкиваются с множеством неразрешенных вопросов, особенно в отношении творчества Н.С. Гумилёва. Исследование этой проблемы становится необходимым благодаря значимости таджикской литературы и персидско-таджикской классической литературы для понимания формирования мировой философской системы и идеологического фундамента произведений Н.С. Гумилёва. Это также имеет большое значение в свете современной глобальной цивилизационной динамики, которая включает многокультурные обмены между различными общественными группами.

Работы таких переводчиков, как Рахим Хошим, являются ключевыми для продвижения творчества Н.С. Гумилёва за пределами России и его распространения среди других народов мира. Они способствуют укреплению международных культурных связей и сотрудничества, что может повысить культурный уровень людей во всем мире.

Рахим Хошим, известный таджикский переводчик и лексикограф, начал работу над произведениями Н.С. Гумилева в 1962 году. Перечень его переводов включает повести «Записки кавалериста», «На рубеже», «Большие рассказы», «Чёрный Генерал», «Дитя Аллаха», «Дума» и несколько других произведений. Его переводы выделяются своей простотой и ясностью языка, которые позволяют расширять тенденцию развития реалистических

произведений и создания новых качественных переводов в таджикской литературе.

При исследовании рассматриваемой темы мы обратили внимание на труды таджикских литераторов по изучению творчества Н.С. Гумилёва. Сюда относятся работы Х. Юсуфи «Подшохи идрок ва озодӣ» («Царь познания и свободы»), М. Искандарова «Н.С. Гумилёв дар бораи хаёт ва эҷодиёт» («Н.С. Гумилёв о жизни и творчестве»), Н. Маъсуми «Гумилёв ва эҷодиёти ӯ» («Гумилёв и его творчество») и др.

В перечисленных работах содержатся подборная информация о жизни и творчестве Н.С. Гумилёва, раскрываются специфические особенности его литературного наследия, анализируются различные аспекты его творчества. Кроме того, небезынтересен тот факт, что все эти статьи опубликованы на таджикском языке, и это в свою очередь, обеспечивает ещё большую доступность их содержания для широкого круга читателей и специалистов данной отрасли литературоведения.

В исследовании вопроса о влиянии Н.С. Гумилёва на творчество таджикских поэтов большую ценность представляют статьи таджикского учёного Х. Шодиккулова «Гумилёв ва шуарои тоҷик» («Гумилёв и таджикские поэты») и «Таронасарои Ватан» («Певец Родины»), посвященные тематике восприятия Н.С. Гумилёва таджикским читателем. Обе статьи сыграли свою определённую роль в дальнейшем развитии школы литературной критики и в целом таджикского литературоведения. Необходимо также упомянуть и о научных статьях таджикских исследователей-литературоведов М. Галимовой [55; 160-164]; Х. Холова [198; 291]; Дж. Мураввитиён [147; 104-109]; Г. Норовой [158; 171-180]; Р. Назаровой [153; 158-160]; Хусейни Сухайло [206; 63-67], А. Худойдодова [205; 130-136].

Как показывает изучение переводов, каждый период обращения таджикских переводчиков к творчеству Н.С. Гумилёва отличается от другого своими особыми свойствами. Если в одном периоде наблюдается большее количество литературных приобретений и находок, то в ряде случаев можно

встретить и некоторые неудачи. Но важно то, что таджикские поэты всегда стремились к повышению качества и искусства перевода его произведений.

К примеру, в переводах Х. Юсуфи по возможности сохранены объём, стихотворный размер и форма произведений. Таджикский поэт провёл данную работу без скрупулезного соблюдения правил традиционной метрики аруз [221; 350]. В частности, при переводе поэт, по словам Х. Шодикулова, «с совершенным вниманием сохраняет его особенности, по возможности сохраняет единство его формы и содержания, то есть в переводе содержания он стремится поддержать традиции формы оригинала, а не таджикской поэзии» [214; 248-249].

В других случаях в таджикских переложениях переводчики стараются, чтобы форма стихотворения соответствовала русской рифмовке и русскому стихотворному слогу. Это касается тех произведений, которые сами по себе написаны в рамках распространённых русских поэтических форм. Стихи в переводе Х. Юсуфи выполнены в метрической системе аруз, но даже при этом в них сохранились некоторые черты оригинала (такие как порядок построения слов в предложении или рифмовка, синтаксические обороты), о которых речь пойдёт в последующих главах нашего исследования.

Итак, сопоставительный анализ переводов и выявление особенностей перевода произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык являются основной целью нашего исследования. То, что мы приступили к такому исследованию в виде диссертационной работы, связано с тем, что в статьях, посвящённых таджикским переводам произведений Н.С. Гумилёва, к сожалению, данная сторона вопроса не рассматривается. В области истории переводов творчества этого писателя, а также в статьях, посвящённых поэтике его переводов на таджикский язык, ещё недостаточно говорится об особенностях перевода с точки зрения жанра и формы.

Исследование по переводческому делу является важным направлением литературоведения, включающим изучение теории и практики художественного перевода, его различные форматы и спецификации, а также

навыки переводческой деятельности. Что касается непосредственно изучаемой недостаточно темы то исследований, связанных с выявлением художественных особенностей таджикского перевода и сравнительным анализом произведений Н.С. Гумилёва. Для того, чтобы исправить этот недочет, необходимо провести комплексное исследование истории перевода поэзии Н.С. Гумилёва на таджикский язык, чтобы раскрыть ее многие стороны. Это позволит более глубоко изучить эту тему и обеспечить более точный анализ этого процесса.

Поэзия Н.С. Гумилёва более визуальна, чем аудиальна; в ней отсутствует, скажем, есенинская мелодичность, ей свойственны необычайная яркость, многоцветие и сила лирического напора. Эту характерную черту его стиля таджикские переводчики сумели точно передать в своих переводах.

Нам хотелось бы подробнее остановиться на стихотворении Н.С. Гумилёва «Золотая ночь» из сборника «Огненный столп».

*Пролетала золотая ночь
И на миг замедлила в пути,
Мне, как другу, захотев помочь,
Ваши письма думала найти —*

*Те, что вы не написали мне...
А потом присела на кровать
И сказала: «Знаешь, в тишине
Хорошо бывает помечтать!*

*Та, другая, вероятно, зла,
Ей с тобой встречаться даже лень,
Полюби меня, ведь я светла,
Так светла, что не светлей и день.*

*Много расцветает черных роз
В потайных колодцах у меня,
Словно крылья пламенных стрекоз,
Пляшут искры синего огня.*

*Тот же пламень и в глазах твоих
В миг, когда ты думаешь о ней,
Для тебя сдержу я вороных
Неподатливых моих коней».*

*Ночь, молю, не мучь меня! Мой рок
Слишком и без этого тяжел,
Неужели, если бы я мог,
От нее давно б я не ушел?*

*Смертной скорбью я теперь скорблю,
Но какой я дам тебе ответ,
Прежде чем ей не скажу «люблю»
И она мне не ответит «нет». (июль, 1917)*

Перевод этого прекрасного по своей выразительности и эмоциональному воздействию стихотворения впервые был опубликован в газете «Адабиёт ва санъат» в 2014 году и принадлежит перу недавно ушедшего из жизни великого поэта современности, автора слов Гимна Республики Таджикистан Гульназара Келди [239]. Для того, чтобы продемонстрировать точность и глубину перевода, считаем необходимым привести этот перевод полностью

*Шаби орому ман танҳои танҳо,
Фақат ёди шумо дорам ба дунё.
Кушоям дафтари бинам шуморо,*

Чӣ гӯям ин дили масти ҳаворо?

Ба болин сар ниҳам, н-ояд қарорам,

Гурезад хоби чашми интизорам.

Равам манҷониби тиреза дилхун,

Назар дӯзам ба боғу моҳи гардун.

Ана он бутта рози мо шунуфта,

Саропо аз баҳори мо шукуфта.

Вале андешае сабрам рабуда,

Ки ёре чун шумо ҳаргиз набуда.

В этом стихотворении Н.С. Гумилёв размышляет о природе любви. Он противопоставляет дневные заботы с ночной негой, подёркивает загадочность ночи, её таинственность и экспрессию. Автор говорит, что быть поэтом сложно, так как он пропускает через себя все людские обиды и горести, ему свойственно особо болезненное восприятие несправедливости и равнодушия. Тонкие смысловые оттенки и художественные приёмы оригинала можно встретить и в тексте перевода, но при этом талантливый поэт-переводчик даёт собственную интерпретацию, отчего это стихотворение в таджикском переводе играет новыми красками, и блистает своими специфическими гранями.

В постсоветское время началось новое ознакомление с творчеством Н.С. Гумилёва, которое в годы советского правления оценивалось как диссидентское и бесперспективное для читателей СССР. Полное возвращение наследия этого литератора в российскую литературу означает начало нового этапа в изучении его творчества, сыгравшего большую роль в мировой литературе.

Запечатлеть образ народа — вот задача, которую поставил перед собой Н.С. Гумилёв. Художественное многоплановое решение этой задачи приводит писателя к пониманию того, что преобладавшая до революции в

литературе форма сентиментально-приключенческого повествования не может в новых послеоктябрьских условиях оставаться основным, единственным жанром художественной прозы.

Особое место в мировой литературе занимает проза Н.С. Гумилёва, который написал огромное количество художественных произведений. Это романы «Черный генерал», «Большие рассказы», которые занимают центральное место в современной русской литературе. Его произведения национальны по форме, и глубоки по содержанию, благодаря чему они широко распространены в других странах мира [222; 224; 225; 227; 229].

Важно подчеркнуть, что произведения Н.С. Гумилёва не просто существуют среди различных народов. Они активно участвуют в идейных схватках, рассказывая простым людям правдивую историю российской жизни. Произведения Н.С. Гумилёва не просто адаптируются в различных странах; они вступают в борьбу и завоевывают признание своей ценности.

«Завоевание мира» книгами Н.С. Гумилёва происходит благодаря глубокому психологическому содержанию, динамике развития образов и отражению истории формирования личности. Произведения этих книг разнообразно проявляют свою судьбу в различных культурах, при этом различные страны принимают их по-разному, отмечая их важность и ценность. Конечно, в поисках новых путей выражения реальных проблем нового гуманистического общества, в способах показа новых условий жизни Н.С. Гумилёв не мог обойти стороной опыт классической литературы, накопленный не только в прозаических жанрах, но и в поэзии. Это наглядно просматривается и в переводах, сформировавшихся как продукт тысячелетнего существования таджикской литературы.

Не случайно первые прозаические произведения Н.С. Гумилёва были как бы прямым развитием, продолжением старых традиций, русской литературы к которым, в первую очередь, следует отнести произведения «Лесной дьявол», рассказ «Записка кавалериста». Но обращение к новому материалу, к фактам обновленной революционными переменами жизни все

острее наталкивало Н.С. Гумилёва на мысль о необходимости создания такого жанра литературы, который бы синтезировал опыт прошлого и на основе социально-исторического и философского осмысления этого опыта помог запечатлеть судьбы народа, постичь сложные, зачастую противоречивые характеры людей из разных слоев общества, ввергнутых революцией в коренную перестройку классов. В этом ракурсе для русской литературы перевод художественной литературы является потребностью в межнациональном общении и остается актуальным и в настоящее время, в частности, в области литературных связей Таджикистана с Россией. В этом отношении и в наши дни имеется острая необходимость в предъявлении высоких требований к уровню выполнения художественных переводов, в том числе переводов произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык.

Выводы по первой главе

Искусство литературы является формой общения через письменную речь с использованием средств художественной выразительности, что создает проблемы в международном обсуждении из-за естественных различий между языками. Однако, благодаря переводу художественных произведений с одного языка на другой, больше людей могут ознакомиться с культурой и литературой других стран. Это делает возможным более глубокое понимание и согласование разных культур, и приобщение к мировой культуре. Важную роль как посредники между этими культурами и носителями разных языков, играют переводчики, создавая принципиально новую среду для общения и сотрудничества многих народов.

В ходе исследования были выделены конкретные черты художественного перевода:

- а) взаимодействие не только языковых систем, но и культурных ценностей;
- б) взаимодействие личностей автора текста и переводчика текста;
- в) интерпретационный характер, при этом число интерпретаций практически неограниченно;

- г) особый подход в передаче образности лексики и общего стиля текста;
- д) особый подход в передаче культурных реалий;
- е) выражение национально-культурной окраски, авторского стиля, смысловая емкость;
- ё) разработка стратегии переводческих трансформаций, исходя из целей перевода.

Можно заметить определенную закономерность между количеством символов, уровнем смысла анализа и трудоёмкостью художественного перевода. Чем больше символов и уровень смысловых интерпретаций в исходной работе, тем меньше вероятность полностью успешного перевода. Это связано с различными культурами автора и переводчика, которые могут иметь разные значения слова или же использовать те же самые слова с разными контекстами.

Главная цель конкретного переводчика – создать новый текст, который будет эквивалентом первого, включающий все его качество, но преобразованный для другого языкового сообщества. Он должен уловить культурные особенности оригинального текста и найти соответствующие эквиваленты для перевода. Кроме того, он может столкнуться с необходимостью изменить структуру текста или даже стиль написания, чтобы достичь более высокого уровня искусства. В результате процесс перевода является сложной задачей, требующей творческого подхода и профессиональной компетентности. Однако, благодаря этому процессу читатели получают возможность изучать мировой культурный обмен и расширять свой кругозор.

Так, например, переводы русской литературы на таджикский язык превратились в своего рода школу художественного мастерства для таджикских поэтов и писателей своего времени. Поэтому важно соблюдать основные правила художественного перевода, такие как единство формы и

содержания, сохранение национальных и культурных особенностей, а также учитывать технические и философские аспекты этого процесса.

Периодизация истории таджикского художественного перевода включает шесть отрезков времени. Пятый период развития истории художественного перевода в Таджикистане стал наиболее ярким, плодотворным и продуктивным. Результаты такой активной работы выразились в накоплении огромного количества материала по переводу, что дало возможность создать серьезную базу для теории перевода.

Таким образом развитие художественного перевода в Таджикистане дало также толчок науке в целом. Также накопленный материал позволил сформировать критику переводов, базу для их анализов, возможность для оценки их качества, разработку методики для улучшения техники художественного перевода.

ГЛАВА II. ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ Н.С. ГУМИЛЁВА: СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной главе диссертации мы исследуем основные методы перевода творчества выдающегося русского поэта Николая Степановича Гумилёва на таджикский язык. В контексте культурного и литературного взаимодействия данная глава призвана раскрыть тонкости и особенности процесса перевода, представив анализ различных стратегий и приемов, использованных переводчиками для передачи не только смысла, но и стиля, художественного звучания и эмоционального оттенка оригинала.

В работе уделяется пристальное внимание контекстуальным и языковым аспектам перевода, а также воздействию культурных особенностей на выбор переводческих стратегий. В свете сравнительного анализа текстов на русском и таджикском языках исследуется, как переводчики справляются с сохранением метафор, образов, ритма и структуры стихотворных произведений Гумилёва.

В настоящей главе предлагаемого диссертационного исследования будут рассмотрены особенности художественного перевода произведений Н.С. Гумилева на таджикский язык.

2. 1. Стилистическая характеристика художественного перевода прозы Н.С. Гумилёва на таджикский язык

Роман Н.С. Гумилёва «Черный генерал» представляет собой прекрасный образец поздней прозы поэта, продолжающий (и завершающий) на новом уровне «новеллистическую» линию его прозы, давшую в 1908 г. столь яркие результаты [229].

В данном исследовании мы постарались системно изучить процесс передачи идей и стиля романа Н.С. Гумилева «Черный генерал» через художественный перевод на таджикский язык. Наша цель заключается в

оценке того, как творчество Н.С. Гумилева самым положительным образом повлияло на художественные произведения таджикских авторов через их переводы. Для этого мы обратились к трудам известных таджикских поэтов и писателей, которым удалось творчески использовать этот метод в своей переводческой деятельности. Особый акцент был сделан на том, что известный таджикский переводчик – Шамси Собир – принял решение перевести роман «Чёрный генерал» один из наиболее больших произведений Н.С. Гумилева на таджикский язык. Этот факт подтверждает еще раз степень влияния произведений Н.С. Гумилева на таджикскую культуру и литературу. Оригинальному переводу Шамси Собира присуща реалистичность описания, являющаяся отличительной чертой прозы Н.С. Гумилёва [211; 165]. Приведём отрывок из романа «Черный генерал», в котором наиболее ярко проявляется реалистичность изображения происходивших действий: *«Правду сказать, отец его был купцом. Но никто не осмелится вспомнить об этом, когда по возвращении из Кембриджа, он был принят самим вице-королем.*

На артистических вечерах он появлялся в таких ярких одеждах, так мелодично декламировал отрывки из Махабхараты, так искренне ненавидел все европейское, что его успех в Англии был обеспечен и не одно рекомендательное письмо от престарелых люди увез он, отправляясь во втором классе в Бомбей» [211; 165].

Этот отрывок в интерпретации переводчика Шамси Собира на таджикском языке выглядит следующим образом:

«Росташиро гуям, надали вай савдогар буд. Аммо касе дар бораи вай фикр намекард, вақте ки аз Кембриҷ меомад, вайро худи ҷонишини подшоҳ қабул карда буд. Дар шабнишинҳои консертӣ вай бо куртаҳои зебо, бисёр зебо сурудҳо аз Махабхарата месаронид, бисёр шеърҳои европоиро дӯст намедошт, барои ҳамин ҳурмати вай дар Англия бисёр буд ва аз одамони бой якчанд мактуб гирифта, бо поезди дуҷумба ба Бомбай равона шуд.

Даже при беглом взгляде на таджикский вариант можно наблюдать точное и адекватное изложение деталей действительности, названий профессий и титулатуру (*купец – савдогар, вице-король – ҷонишини подшоҳ*), ономастических единиц, хотя, конечно же, переводчик приводит их в соответствии с орфоэпическими нормами таджикского языка (*Кембридж – Кембрич, Махабхарата – Маҳабҳарата, Бомбей – Бомбай*). Тем не менее, по непонятной причине переводчик иногда выдаёт и просто описательный вариант вариант перевода, что может привести к искажению значения слов и в целом – содержания текста. Например, приведем следующий отрывок:

«В родном княжестве, потрясенный его великолепными кожаными чемоданами, раджа предложил ему на выбор или место сборщика податей с проходивших караванов или чин генерала. Все думали, что он выберет первое, потому что караванов было много, солдат мало. Он выбрал последнее. Никто не знал, что старый американец, которому он объяснял радж-йогу, умер, оставив ему в завещании столько же, сколько своему лакею, то есть довольно много. В день своего назначения генерал явился во дворец. Хитрец, он предвидел все, и сбежал с этого места».

Теперь сравним этот отрывок на таджикском языке:

«Дар шаҳри худ, бо чемоданҳои зебои пӯстин, яке аз гуломон ба вай ҷои гирифтани сумро аз саварои онҳо ё ки ба генерал монанд карда буд. Ҳама фикр мекард, ки вай аввалаширо мегирад, барои он аввалаш бисёр буд, аммо афсарон кам буданд. Барои ҳамин вай охиринаширо гирифт. Аммо касе намедонист, ки мӯйсафеди амрикоӣ, ки ба вай оиди йога мефаҳмонд, вафот карда буд, баъди худ васият кард, ки ҳамаашро монда равад. Дар рӯзи гирифтани вазифаи генералӣ ба қаср бояд равад. Фиребгар ҳамаи инро медонист, барои ҳамин гурехта рафт».

В переводе наблюдается масса неточностей:

1) Слово «чемодан», уже давно в толковых и двуязычных словарях зафиксирован как «чомадон», о чем Шамси Собир, будучи лексикографом не мог не знать;

2) Слово «пӯстин» использовано не к месту, так как в таджикском языке *пӯстин* – это вид верхней одежды – кожанка, или вид половика – шкура зверя, расстилаемая на полу. Было бы правильно в переводе применить сочетание «чомадонҳои зебои чармин», что также укрепило бы реалистичность изображения;

3) Предложение из романа Н.С. Гумилёва «... *раджа предложил ему на выбор или место сборщика податей с проходивших караванов или чин генерала*» переведено Ш. Собиром как «яке аз гуломон ба вай ҷои гирифтани сумро аз саварои онҳо ё ки ба генерал монанд карда буд», что полностью искажает смысл русского предложения, ведь «раджа» – это не «гулом» (раб), а повелитель, правитель. Кроме того, выражение «место сборщика податей» переведено как «ҷои гирифтани сумро» (место сбора денег), что совершенно неприемлемо. Эту фразу следовало перевести как «ҷои ҷамъоварандаи андоз/боҷ/хироч»;

4) Словосочетание «в родном княжестве» в переводе передано как «дар шаҳри худ», что не правильно, т. к. не дает читателю представления о том, что речь идет о родовом гнезде;

5) Применительно к слову «генерал» в русском предложении также речь идёт о чине, звании генерала, а в таджикском – говорится, что героя спутали с генералом, что является неточным;

6) Следующее после этого предложение текста оригинала «*Все думали, что он выберет первое, потому что караванов было много, солдат мала*» полностью отсутствует в таджикском варианте;

7) И, наконец, в таджикском предложении «*Аммо касе намедонист, ки мӯйсафеди амрикоӣ, ки ба вай оиди йога мефаҳмонд, вафот карда буд, баъди худ васият кард, ки ҳамаашро монда равад*» очень много неточностей, оно запутано, многословно, отчего полностью теряется эффект гумилёвского способа изображения.

При передаче описанного выше эпизода таджикский переводчик старался выразить красоту местности, презрение к самой смерти и при этом

страстную любовь к жизни. Но из-за невнимания к описанию деталей и непрочувствованности смысла текста оригинала это ему не удалось. Сразу было видно, что таджикской переводчик пользовался подстрочником, а это весьма нежелательное явление.

Понятен выбор и другого таджикского переводчика Э. Муллокандова – переводчика реалистического направления, который избрал для перевода прозу Н.С. Гумилёва. Стиль его перевода значительно отличается от стиля предыдущего таджикского переводчика благодаря, вероятнее всего, его великолепному знанию русского языка [145; 192]. Анализируя переводы Шамси Собира и Э. Муллокандова, нельзя не отметить, что на их поэтическое становление заметное влияние оказало творчество самого русского литератора, для которого характерна лаконичность стиля изложения. Поэтому логично было бы предположить, что причинность выбора переводчиками его прозы двояка, поскольку она позволяет реализовать их способности. Например, нижеследующий перевод Э. Муллокандова достаточно ярко отображает его переводческие навыки и способности.

Оригинал:

«В день своего назначения генерал явился во дворец. Хитрец, он предвидел все, и в его великолепных чемоданах оказалась совсем готовая великолепная генеральская одежда. Весь город собрался посмотреть на него. Старуха-мать рыдала от гордости, когда он промчался мимо нее на специально привезенной мотоциклетке. А лучший художник города отдал целую рупию слугам раджи за право посмотреть в замочную скважину. Он смотрел долго, терпеливо и умело, как губка воду, впитывая впечатление от роскошного костюма генерала и от его непомерно чванного лица. А потом пошел раскачивающейся верблюжьей походкой, что означало у него творческую задумчивость».

Перевод:

«Дар рӯзи таъин шуданиш дар қаср пайдо шуд. Марди маккор, у ҳама чизро пешайӣ медонист ва дар ҷомадонҳои зебои худ либоси пурқурмати генералӣ дошт. Тамоми мардум ба ӯ менигарист. Вақте ки ӯ мотосиклсавор аз назди издиҳом мегузаист, зани пиразан аз ифтихор гиря мекард. Рассомибехтарини шаҳр ҳатто як рупияро ба пешхизматони Раҷа дод, то ҳуқуқи аз роғии дар дидани ӯро дошта бошад. Вай муддати дароз бо пуртоқатӣ ва моҳирона мисли исфанҷтаассуротро ба худ кашида мушоҳида кард, таассуроти либоси зебои генерал ва чеҳраи мағрурони вайро аз худ кард. Ва пас аз он бо роҳнаймоии шутур рафт, ки ин маънои фикрронии эҷодии ӯро дошт».

Перевод показал, что некоторых шероховатостей не смог избежать и такой опытный переводчик, как Э. Муллокандов. Так, например, как в таджикском переводе он опустил из художественного текста слова «генерал» и «город». Кроме того, для его интерпретации также характерна чрезмерная увлечённость реалистичностью изображения, что привело к некоторой дословности и буквальности в тексте перевода [146; 143].

Исследование истории перевода произведений Н.С. Гумилева на таджикский язык показало, что Октябрьская революция стала важным моментом для распространения произведений русской культуры среди таджикского народа. До этого времени таджики были малознакомы с творчеством не только Н.С. Гумилева, но и вообще русской классической литературой, так как доступность русских художественных произведений была ограничена. После Октябрьской революции, когда границы между Россией и Таджикистаном открылись, произведения Н.С. Гумилева стали более доступными для таджикского читателя на его родном языке. И хотя некоторые из них продолжают оставаться популярными до сих пор, другие уже исчезли из общественной памяти. Тем не менее, это все еще является свидетельством того факта, что творчество Н.С. Гумилева оказало значительное влияние на таджикскую культуру и литературу.

Да, упомянутый перевод на таджикский язык романа «Черный генерал» Н.С. Гумилёва, выполненный Шамси Собир, представляет собой значимый вклад в таджикскую литературную среду. Этот роман, занимающий особое место в творчестве Н.С. Гумилёва, рассказывает о жизни главного героя, который отправляется в другую страну, Индию. Такие переводы играют важную роль в сохранении и распространении литературного наследия иностранных авторов, а также способствуют культурному обмену и пониманию [211; 165].

Оригинал:

«Вот опять, по тихим улицам города, пугая обезьян и павлинов, зашумела, завоняла и промчалась мотоциклетка – генерал возвратился домой. - «Ванну!» – и дрессированный, служивший прежде у европейцев слуга из Бомбея, с поклоном указал на большой резиновый таз с тепловатой водой, потому что генерал не был спортсменом и боялся холодной. Вот плавно опустился на спинку кресла мундир, растянутый на этот раз не девушкой, а самим генералом. Вот примеру мундира последовали белые штаны с золотым лампасом. Только одна треуголка медлила покинуть свое место, когда артисты вошли. Художник впереди, поэт позади, в руках у каждого его произведение. За ними толпа почитателей и любопытных шли домой» [227, с. 71].

Перевод Шамси Собира:

«Дар ин ҷо боз тавассути кӯчаҳои ороми шаҳр, маймунҳо ва қуллаҳои тарсу ҳарос ба занг зада, дуздид ва саросема шуд – генерал ба хона баргашт. - «Ҳаммом!» – ва хизматчиӣ неширафтаи аврупоӣ аз Бомбей саҷда карда ба ҳавзаи резини калон бо оби гарм шиора кард, зеро генерал варзишгар набуд ва аз хунукӣ метарсид. Либос якбора ба қафои курсӣ афтид, ин дафъа на духтар, балки худи генерал онро хомӯш кард. Ин ҷо як мисоли либоси нас аз болиштҳои сафед бо рахи тиллоӣ оварда шудааст. Ҳангоме ки рассомон ба он ҷо даромаданд, танҳо як кулбаи кафшидор суст буд. Рассом дар пеш, шоир

дар наси ҳама, дар дасти ҳама корҳояш. Дар наси онҳо як гурӯҳи хеле шавқовар ва кунҷқобу ба хона мерафтанд» [211; 165].

При сопоставлении данного текста в оригинале и переводе видно, в таджикском варианте сочетание «зашумела, завоняла и промчалась мотоциклетка» передано в виде «ва қуллаҳои тарсу харос ба занг зада», то есть переводчиком это предложение передано совершенно по-другому. Также им опущено слово «мотоциклетка», а слово «свод» передано как «воздух, небо», что привело к нарушению смысла предложения.

В 1957 году один выпуск из журнала «Шарқи Сурх» был посвящен публикации рассказа Н.С. Гумилева «Записка кавалериста» на таджикском языке. Этот год стал началом многолетней традиции систематических публикации произведений писателя на этом языке с высоким уровнем качества перевода.

Необходимо отметить, что сначала упомянутый журнал, а затем «Садои Шарқ», с установленной периодичностью, публиковали произведения различных выдающихся русских писателей. По словам таджикского литератора-переводчика Х. Ахрори: «Лица, читающие наш журнал систематически, смогут получить, хотя и неполные, но необходимые сведения, и создать определенное мнение о писателях, поэтах и литераторах, имеющих значительные труды и известные в русском литературном мире, как, например, о Кантемире, Ломоносове, Державине, Фонвизине, Карамзине, Пушкине, Грибоедове, Лермонтове, Кольцове, Батюшкове, Гончарове, Тургеневе, Островском, Толстом, Чехове и Горьком» [16; 158].

Известный таджикский писатель Рахим Хошим внес значительный вклад в распространение творчества Н.С. Гумилева, начав работу над его произведениями уже в 1962 году. В результате его переводческой деятельности были созданы переводы таких произведений, как «Записки кавалериста», «Дума» и другие. Характерными особенностями его переводов являются простота и ясность языка, а также высокий уровень литературного мастерства, что способствовало укреплению и развитию новых

реалистических тенденций в таджикской литературе. Для наглядного доказательства приведем отрывок из первоисточника повести «Записки кавалериста» вместе с его таджикским переводом:

«Мне, вольноопределяющемуся охотнику одного из кавалерийских полков, работа нашей кавалерии представляется как ряд отдельных вполне законченных задач, за которыми следует отдых, полный самых фантастических мечтаний о будущем. Если пехотинцы – поденщики войны, ходили на войну другими путями, то и солдаты шли другими путями».

Перевод Рахима Хошима:

«Ба ман, як шикорчи иштиёри яке аз полкҳои савора, аскарони мо ҳамчун як қатор вазифаҳои ҷудогона пешниҳод шудаанд ва пас аз он оромии пур аз орзуҳои афсонавии оянда ҷой дорад. Агар сарбозони пиёда – коргарони рӯзгори ҷанг, бо дигар роҳҳо ба ҷанг рафта бошанд, пас сарбозон бо роҳҳои дигар низ рафтанд».

Как следует из перевода данного отрывка, работу Р. Хошима можно оценить как более качественный перевод, который стоит на порядок выше приведённых ранее в данном диссертационном исследовании примеров. Успешность его перевода, прежде всего, достигается тем, что переводчик не ставит цель поразить внимание таджикского читателя длинными замысловатыми предложениями и тяжеловесными речевыми оборотами. Кроме того, им употребляются простые для понимания обычного читателя лексические единицы и речевые обороты, обеспечивающие доходчивость восприятия содержания. Однако, и в этом случае работа переводчика не безупречна. К примеру, на наш взгляд, если бы им было использовано слово «кори» (работа) перед «аскарони мо» (наши солдаты), а сама фраза была бы передана как «аскарони савраи мо», а также вместо слова «оромии» переводчик использовал слово «истироҳати», то качество изображения в переводном варианте значительно бы повысилось.

Но несмотря на отдельные недостатки с стороны таджикских переводчиков, можно заметить точный подход автора к изображенной теме,

его отношении к ней. Читатели не столь заинтересованы фактами и событиями, а более творческим осмыслением автора произведения. Некоторые работы таджикских переводчиков не соответствуют современным требованиям качественного перевода. Недочеты в переводе встречаются часто но, возможно, они связаны с незнанием переводчиками некоторых нюансов языка оригинала.

Известные таджикские писатели активно использовали произведения Н.С. Гумилёва для совершенствования своего творческого развития. Однако, несмотря на широкое распространение произведений русских писателей среди таджикской интеллигенции, некоторые литературные критики выразили свои обеспокоенность относительно того, что произведения Н.С. Гумилёва были использованы без должного изучения контекста. По мере того, как его популярность в Таджикистане росла, многие начали задавать вопросы о том, какая была роль этого русского поэта в истории таджикской литературы. Какова же была судьба Н.С. Гумилёва? Он был одним из наиболее ярких представителей русской литературы, и одновременно он также стал символом национального возрождения таджиков. Его работа была признана одним из важным компонентом таджикской литературы, которая продолжила свою историю благодаря ознакомлению с его творчеством.

Опубликованные в третьем номере журнала «Шарқи Сурх» в 1955 году роман Н.С. Гумилёва «Черный генерал» в переводе Рахима Хошима, а затем в 1956 году в журнале «Садои Шарқ» и еженедельнике «Адабиёт ва санъат» в переводах Э. Муллокандова и Шамси Собира действительно сыграли важную роль в развитии художественного слова в Таджикистане. Исследования в области таджикского литературоведения высоко оценили эти переводы. Они способствовали распространению и введению произведений Н.С. Гумилёва в таджикскую литературную среду, углубляя культурные связи и обогащая литературное наследие региона.

В 1957 году молодой автор Хабиб Ахрори предложил свой собственный перевод «Судьбы кавалериста», который был напечатан в журнале «Шарқи Сурх», №10, на страницах 32-57.

В том же 1957 году были выпущены другие переводы произведений Н.С. Гумилева: это «Хорошие рассказы» в переводе Шамси Собира и «Набеги» в переводе Н. Косимова. Все больше переводят этого русского писателя и поэта на таджикский язык. Этим переводам предоставляют свои страницы издания такие литературные издания, как «Адабиёт ва санъат», «Тоҷикистони Сурх» и «Садои Шарқ».

Первыми переводчиками русского писателя были такие талантливые писатели, как Рахим Хошим, Шамси Собир, Э. Муллокандов, Усмон Носир, Амин Умари, М. Шейхзаде, Джалил Кодир, Халид Расул, Э. Сафар и др.

В последующие годы над переводами произведениями Н.С. Гумилёва стали работать Гулназар Келди, Шамси Собир, А. Мухтор, Дж. Джабборов, Р. Бободжон, Х. Гулям и многие другие молодые в то время писатели Таджикистана.

Это весьма впечатляющий результат — одиннадцать сборников произведений Н.С. Гумилёва, переведенных на таджикский язык, и более тридцати участвовавших в этом писателей, поэтов и переводчиков. Выход самого крупного сборника произведений русского писателя на таджикском языке в 1965 году демонстрирует не только высокий интерес к творчеству Н.С. Гумилёва в Таджикистане, но и активное участие местных литературных деятелей в распространении его произведений. Это также свидетельство о культурном обмене и взаимопонимании между русским и таджикским литературными традициями.

Если говорить о прозаических произведениях, то уже говорилось, что на таджикском языке имеются романы «Черный генерал», повести «Записки кавалериста» из сборника «Большие рассказы». Кроме того, имеются также переводы четырнадцати рассказов Н.С. Гумилёва. Интересно отметить, что некоторые романы при этом были переведены несколькими различными

переводчиками. Однако на наш взгляд, этого все равно остается недостаточно, поскольку некоторые важные произведения на данный момент не нашли своих переводов на таджикский язык. В их числе, например: «Особенный человек», «Как часто пестрою толпою окружен» и другие известные произведения литератора. Н.С. Гумилёв «воспринял и впитал в себя дух Родины, и этот запах впечатлений детства и юности достаётся художнику на всю жизнь» [62]. Л. Н. Афонин писал: «Тут Гумилёв, как молодой поэт, спел, красиво, сочно, задушевно» [13; 50].

Особый интерес представляет попытка таджикских переводчиков воссоздать образ Григория Николаева – главного героя романа «Чёрный генерал». В романе «Чёрный генерал» выражены боль и беспредельная скорбь в связи с гибелью главного героя романа, поэтому автор нарушает хронологию (роман начинается с гибели главного героя и продолжается в течение нескольких эпизодов, которые являются продолжением всего романа).

Таджикским переводчиком Р. Хошимом проделан огромный труд по переводу содержания произведения. Но при этом в ряде отрывков с его стороны наблюдается буквальное понимание некоторых фраз, которые автор приводит в переносном значении. Так, у автора слово «счастье» употреблено в ироническом смысле: «на ловлю счастья», но в переводе романа встречаются различные, не всегда аналогичные оттенки изображения переносных значений и метафорических выражений [203; 119-121].

Действительно, перевод прозы представляет свои собственные трудности и вызовы по сравнению с переводом поэзии. В отличие от стихов, где переводчик может больше полагаться на свою интерпретацию и фантазию, перевод прозы требует точности в передаче хронологии событий, описаний и их контекста в пространстве и времени. Переводчики сталкиваются с необходимостью балансировать между сохранением художественности и точности передачи смысла, что иногда представляет

собой настоящий вызов. Все это подчеркивает важность тщательности и профессионализма при переводе прозаических произведений.

В нашем диссертационном исследовании для анализа перевода творчества Н.С. Гумилёва, наряду с другими его произведениями, написанными как в поэтической форме, так и в прозе, привлечён роман «Черный генерал». Этот роман посвящен историческим событиям, развернувшимся в России периода жизни писателя, завершающимся трагической гибелью Иванова – главного героя романа. Автор, отображая колоритные образы романа, рассуждает над безвременной смертью главного героя. В его рассуждениях явственно звучит ненависть к «палачам». Особенно гневно звучат последние строки романа, где писатель показывает запутанные, порой неразрешимые проблемы периода царской России [229].

Следует отметить, что роман трижды переводился на таджикский язык: в 1955г. в №4 журнала «Шарқи Сурх» был опубликован перевод Рахима Хошима, в 1956 г. в том же журнале, №3 – перевод Э. Муллокандова, в 1957 г. – перевод Шамси Собира. Это свидетельствует о высоком интересе литературного сообщества советского Таджикистана к творчеству Н.С. Гумилева в общем и, в частности, к данному произведению.

Перевод Р. Хошима наглядно демонстрирует высокий профессиональный уровень переводчика, его нестандартные подходы к раскрытию различных образов романа и точность передачи мышления Н.С. Гумилёва на таджикский язык. Сравним его перевод отрывка из романа с работами других таджикских переводчиков:

Дар баъзе гуфтор оиди надараш, ки дар бозор ба хариду фурӯш манъ буд, навишта буданд. Аҳамият намедоданд, ки вай аз роҳи дур меояд ва ба коркуни подшоҳ суҳбат карданд. Дар тӯю маъракаҳои онҳо иштирок намуда бо либосҳои зебои онҳо аҳамият дода, сурудҳои зебои ҳиндиро мехонд, аммо шеърҳои дигар миллатҳоро дӯст намедошт, вайро дар Англия ҳурмат мекарданд ва якчанд мактубҳо аз одамони бой гирифта ба поезди дуҷум савор шуда, ба Бомбей равона шуд. – В некоторых рассказах писали о его

отце, который был занят на рынке куплей и продажей. Не обращали внимания на то, что он приходит из далека и стали говорить с работником царя. Он участвовал на их свадьбах и других мероприятиях, обращал внимание на их красивые одежды, пел красивые индийские песни, но не любил стихи других национальностей, его уважали в Англии и он, взяв несколько писем у богатых людей сел на поезд и направился в Бомбей.

Как видим, этот фрагмент не отличается особой оригинальностью перевода, поскольку в нем достаточно много содержится неправильных со стилистической точки зрения оборотов: *оиди падараш – дар бораи падараш, ба хариду фурӯш манъ буд – бо хариду фурӯш машгул буд, коркуни подшоҳ – ходими подшоҳ* и т. д.

Годом позже талантливый переводчик Э. Муллокандов осуществил новый перевод данного произведения. Не беремся утверждать, но скорее всего это было сделано в порядке заказа из-за не совсем удовлетворительного качества предыдущей версии перевода произведения. Для сравнения приведём ту же часть текста:

Бовар кунед, падараш, дар бозор ба хариду фурӯш манъ буд. Ҳеҷ касе ба вай аҳамият намедод, ки вай аз шаҳр меомад, бо коркуни подшоҳ суҳбат мекард. Дар хурсандиҳои вай ширкат варзида бо либосҳои зебо аз китоби ҳиндӣ мехонд, аммо шеърҳои дигар миллатҳоро дӯст намедошт, вайро дар Англия ҳурмат мекарданд ва якчанд мактубҳо аз одамони бой гирифта ба поездеи дуҷум савор шуда, ба Бомбей равона шуд.

В некоторых рассказах писали о его отце, который был занят на рынке куплей и продажей. Не обращали внимания на то, что он приходит издалека и стали говорить с работником царя. Он участвовал на их свадьбах и других мероприятиях, обращал внимание на их красивые одежды, пел красивые индийские песни, но не любил стихи других национальностей, его уважали в Англии и он, взяв несколько писем у богатых людей сел на поезд и направился в Бомбей.

Необходимо отметить, что перевод этого отрывка почти повторяет первый, и также создаёт впечатление поверхностного перевода.

Но вот текст, переведённый Шамси Собиром в корне отличается от двух предыдущих:

Ростаи гӯям, падари вай савдогар буд. Аммо касе дар бораи вай фикр намекард, вақте ки аз Кембрич меомад, вайро худи ҷонишини подшоҳ қабул карда буд. Дар шабнишиниҳои концерти вай дар куртаҳои зебо, бисёр зебо сурудҳо аз Махабхарати месароид, бисёр шеърҳои европоиро дӯст намедошт, барои ҳамин ҳурмати вай дар Англия бисёр буд ва якчанд мактубҳо аз одамони бой гирифта ба поезди дуҷуми ба Бомбей равона шуд. – Сказать по правде, его отец был торговцем. Но никто не думал о нём, когда он возвращался из Кембриджа, его принял сам заместитель царя. На вечерах его концертов он в красивых, очень красивых нарядах пел песни из Махабхараты, он очень не любил европейские стихи, поэтому его высоко чтили в Англии и он, получив несколько писем от богатых людей сел на второй поезд, который ехал в Бомбей.

Этот отрывок обладает определёнными достоинствами, поскольку таджикский вариант идентичен оригиналу и к тому же таджикский язык этого отрывка более близок к хорошему таджикскому литературному языку. К сожалению, и в нём можно обнаружить некоторые недочёты. Отметим некоторые из них.

Из отрывка в переводе Ш. Собира читатель получает сведения о некоторых подробностях жизни героя, например, то, что он вернулся именно из Кембриджа, что принявший его человек был не просто работником, а занимал высокий пост во дворце короля Англии (был его заместителем), что организовывались специальные вечера, где он пел песни из великого индийского произведения Махабхарата и т. д.

Однако наряду с этим, переводчик допустил несколько стилистических погрешностей, таких как:

- 1) опустил послелог *-ро* в слове *ростаи*, передающий влияние на объект;
- 2) неуместно использовал предлог *дар* в выражении «куртаҳои зебо, бисёр зебо», тогда как его следовало заменить на предлог *бо*;
- 3) допустил стилистическую и логическую ошибку, используя словосочетание *барои ҳамин*, что создаёт впечатление, будто героя уважали в Англии за то, что он не любил европейские стихи;
- 4) и наконец, пропустил слово *савор* в фразе «ба Бомбей равона шуд». Это слово следовало добавить к предпоследнему слову, так как слово *равона* относится к предыдущим словам *поезди ба Бомбей*, а в сложном глаголе *шуд* не хватаетменной части *савор*.

Всё вышесказанное свидетельствует о некоторой небрежности или невнимательности такого высококвалифицированного переводчика как Шамси Собир.

Повести «Записки кавалериста», «Веселые братья», «Африканский дневник», «Вверх по Нилу», «Девкалион», роман «Черный генерал» и другие прозаические произведения Н.С. Гумелёва были переведены известным таджикским переводчиком Э. Муллокандовым. Имеются переводы произведений «Веселые братья» и «Карты», осуществлённые в 1987 году, а также прекрасное переложение лирического цикла стихотворений «Египет», «Луна на море», «Подражанье персидскому», «Поэт» в выполненные переводчиками И. Идиевым и А. Баротовым.

В повести «Карты» Николай Гумилёв красочно отображает повседневную действительность жизни русского народа. Ярко вычерченные образы мифических и мистических персонажей придают произведению особый колорит. Приведем отрывок из оригинала данного произведения:

«Древние маги любили уходить из мира, погружаться в соседние сферы, говорить о тайнах с Люцифером и вступать в брак с ундидами и сифидами. Современные — старательно подбирают крохи старого знания и полночью, в хмурой комнате, посреди каменного города вещими словами

заклинаний призывают к своему магическому кругу духов бесформенных, страшных, но любимых за свою непостижимость.

Вошебный и обольстительный огонь зажег Бодлер в своем искусственном раю, и, как ослепленные бабочки, полетели к нему жадные искатели мировых приключений. Правда, вслед за ними поспешили и ученые, чтобы, как назойливые мухи, испачкать все, к чему прикоснутся их липкие лапки. Восторги они называли галлюцинацией извращенного воображения» [226].

Перевод этого отрывка, выполненный Э. Муллокандовым, выглядит следующим образом:

«Ҷодугарони қадим дӯст медоштанд, ки дунёро тарк кунанд, ба соҳаҳои ҳамсоя гусса гиранд, дар бораи асрори ниҳонӣ бо Люцифер суҳбат кунанд ва бо Ундина ва Силфида издивоҷ кунанд. Ҷодугарони муосир – нонрезаҳои донишҳои кӯҳнаро бодикҷат интиҳоб карда дар нимашаб, дар як хонаи зулмот, дар мобайни шаҳри сангӣ бо калимаҳои имло, онҳо ба доираи ҷодугарии худ арвоҳи бесамар, даҳшатнок, вале барои нофаҳмиашон дӯстдоштаро даъват мекунанд.

Бодлер дар бихишти сунъии худ оташи ҷодугарӣ ва оташифишонро фурузон кард ва ба мисли шабпаракҳои чашибаста, ҷустуҷӯдорони чашимгуруснаи сайёраҳо ба сӯи вай парвоз карданд. Дуруст, ки онҳо аз паси онҳо шитоб карданд».

В переводе данного текста Э. Муллокандов постарался как можно больше сохранить его русский вариант. Но и в его переводе наблюдается ряд неточностей, на которые нам хотелось бы обратить особое внимание:

1) фраза Н.С. Гумилёва «погружаться в соседние сферы» переведена как «ба соҳаҳои ҳамсоя гусса гиранд», с чем мы не можем согласиться. Глагола «гусса гирифтан» в таджикском языке не существует, точнее, такое сочетание неверно. Существует составной глагол «гусса хӯрдан» – страдать, переживать, но и он не может передавать значения

«погружаться в соседние сферы». Его правильно было бы перевести как «*ба соҳаҳои ҳамсоя гӯтта зада*»;

2) выражение «*вещими словами заклинаний*» в переложении переводчика звучит как «*бо калимаҳои имло*» (словами правописания), что в корне неправильно. Переводчику следовало бы более внимательно вникнуть в суть этого выражения и перевести его как «*бо суханони сеҳрнокӣ дуохонӣ*»;

3) в тексте оригинала дано словосочетание «*духов бесформенных*», которую переводчик передал как «*арвоҳи бесамар*». Очевидно, им были перепутаны понятия «бесплотный»/бесформенный, то есть без плоти, без тела, и «бесплодный», то есть – без плодов, без потомства, что также свидетельствует не в пользу переводчика;

4) о французском поэте Бодлере автор отзывается как о создавшем искусственный рай человеку. Однако у таджикского переводчика мы видим перевод «*оташи ҷодугарӣ ва оташифишонро фурузон кард*» – зажег огонь колдовства и огнестрела. Это совершенно не соответствует русскому варианту. Конечно же, всё это в целом искажает суть текста оригинала и снижает художественную ценность перевода.

Тем не менее, перевод произведений Н.С. Гумилёва Э. Муллокандовым более близок к замыслам русского писателя, как по форме предложений, так и по содержанию, что является приоритетным в переводе.

Переводный текст достаточно образно, ясно передаёт черты характера повествователя, его манеру изложения. В таджикском переводе повести заслуживает внимания способ передачи таких словосочетаний как «*развалин страж*», которое переводится как «*посбони харобаҳо*».

Если, например, у Р. Хашима оно предано дословно «*посбони харобаҳо*» [1955], то у Э. Муллокандова «*ҳомии санги мазор*» [1956] (защитник могильных плит), что, конечно, искажает смысл. Поэтому можно утверждать, что в работе каждого из переводчиков данного и других произведений Н. Гумилёва с точки зрения сохранения формы и единство

содержания наблюдается много положительного но так же могут встречаться и творческие просчёты переводчика .

Красочный язык произведений русской классической литературы требовал отличного владения как русским, так и родным языками. Не все знатоки языка могли взяться за перевод этих произведений и передать всю многообразную палитру и образные выражения автора. Многие образцы русской литературы, переведенные Э. Муллокандовым, пользуются большой популярностью среди многочисленного таджикского читателя. В 60-е годы XX века, будучи старшим научным сотрудником Института истории Таджикистана, он получил весьма ответственное поручение – перевести несколько важнейших произведений мировой литературы.

Он, как автор ряда статей о теории и практике перевода, о языке переводных произведений, внёс неоценимый вклад в таджикскую литературу, и особенно в её переводоведение. Высказывание своего слова в литературном переводе, причем первое, убедительное, профессиональное высказывание, со знанием дела, требовало от автора определённого мужества [146; 143].

Произведения прозы и поэзии Н.С. Гумилева обладают различными особенностями написания и стиля изложения. Он входил в блистательную плеяду поэтов «Серебряного века». Тем не менее, несмотря на многократные отклонения от символистского движения, он точно осознавал, как они могли повлиять на его собственное творчество. Некоторые из его произведений можно связать с такими авторами, что порождает вопросы об авторстве. В таких случаях мы можем обратиться к авторитетному мнению известного поэта Александра Блока: «Писатель – растение многолетнее. Душа писателя расширяется периодами, а его творение – лишь внешние результаты подземного роста души. Поэтому путь развития может представляться прямым только в перспективе. Следуя за писателем по всем этапам пути, не ощущаешь этой прямолинейности и неуклонности из-за остановок и искривлений» [32; 157].

Для отображения степени мастерства писателя и сопоставления адекватности перевода его произведений на таджикский язык приведём ещё один отрывок из оригинала повести «Карты»:

«Карты, их гармоничные линии и строго обдуманые цвета, ничего не говорят нам о прошлом, не владеют чарой атавистических воспоминаний; к будущему человечества и нашего сознания они так же великолепно равнодушны как к развалинам стражи. Они живут теперь же, когда о них думают, особой жизнью, по своим, свойственным только им, законам. И для того, чтобы рассказать эти законы, мне придется перевести их на язык человеческих чувств и представлений. Они много потеряют от этого, но, если кто-нибудь не поленится и в ненастный осенний день раскроет ломберный стол и, разбросав по нему в беспорядке карты, начнет вдумываться в определенную физиономию каждой, я надеюсь, что он поймет их странное несложное бытие».

Перевод Э. Муллокандова:

«Кортҳо, хатҳои ҷамоҳангсози онҳо ва рангҳои ба таври дақиқ фикршуда ба мо дар бораи гузашта чизе намегӯянд, хотираи атавистӣ надоранд; ба ояндаи инсоният ва тафаккури мо онҳо ба таври ҳайратангез бепарвоанд. Онҳо ҳоло зиндагӣ мекунанд, вақте ки дар борашон касе фикр мекунад, мувофиқи қонунҳои худ, ки танҳо ба онҳо хос аст, ҳаёти махсусе доранд. Ва барои он ки ин қонунҳоро бигӯям, ман онҳоро ба забони ҳиссиёт ва гоҷҳои инсон тарҷума мекунам. Онҳо бо ин бисёр чизро аз даст хоҳанд дод, аммо агар касе танбалӣ набошад ва дар рӯзи борони тирамоҳ мизи фарбеҳро кушояд ва кортҳои худро дар атрофи он бетартибӣ паҳн карда, дар бораи физиогномияи мушаххаси ҳар як шахс фикр кунад, умедворам, ки вай мавҷудияти оддии аҷиби онҳоро дарк хоҳад кард» [146; 143].

Перевод отрывок из рассказа Н.С. Гумилёва «Карты» очень ярко передаёт черты характера повествования, специфическую манеру изложения повествователя. В таджикском переводе повести внимания исследователя заслуживают следующие моменты:

1) выражение «если кто-нибудь не поленится» в тексте оригинала обозначает условие однократного действия, но в таджикском его переводе мы видим выражение «агар касе танбалӣ набошад», в котором нарушена не только семантическая гармоничность значения, но и грамматическое строение фразы, поэтому переводчику следовало сказать хотя бы «агар касе танбал набошад» (досл.: если кто-то не является лентяем);

2) в тексте оригинала русским писателем использована фраза «разбросав по нему в беспорядке карты» (имеется в виду стол – М.С.), которая, по нашему мнению, была несколько неудачно переведена на таджикский язык как «дар атрофи он бетартибӣ паҳн карда» (дословно: посев вокруг хаоса). Считаем, что такой перевод неприемлем, поскольку не точно передает мысль писателя и может ввести читателя в заблуждение, создавая путаницу.

3) далее: Слово «физиономия» в русском языке является заимствованным и имеет некоторую отрицательную коннотацию. На таджикском языке оно переведено как «физиогномия», что, тем не менее, не мешает правильному пониманию мысли Н.С. Гумилёва. Физиогномия – это наука о распознавании характера человека на основе изучения его черт лица и мимики. Переводчик, используя данное слово, не только подчеркнул мысль писателя, но также придал ей новый семантический оттенок.

4) Такая же старательная четкость передачи характеров и образов, эпизодов и явлений наблюдается и в переводах других переводчиков данного произведения. В ходе работы над повестью таджикский переводчик стремился показать отвращение к смерти, сильнейшую любовь к жизни, желание бороться за свою свободу, а также геройства главного героя. Однако, некоторые эпизоды были неправильно поняты переводчиком, что привело к некоторой некорректности таджикского перевода.

Перевод повести «Карты» на таджикский язык является значимым событием для таджикской литературы. Однако качество перевода зависит от многих факторов, включая правильное понимание, а затем и использование

лексического материала, грамматику и синтаксис языка оригинала. Также важно учитывать культурный контекст и традиции общества, чтобы наиболее точно передать идеи автора. Кроме того, важно исследовать исторические и философские основы произведения, чтобы лучше понимать его глубинный смысл. Все эти факторы являются важными условиями для создания высококачественного перевода.

Ещё одно наблюдение, доказывающее профессионализм Э. Муллокандова: С. Айни в своем письме в редакцию газеты признается, что долго ждал публикации именно такой содержательной и полезной статьи, что сам не смог взяться за неё потому, что это дело человека, владеющего двумя языками такого как Э. Муллокандов С. Айни сожалеет, что до сих пор не знаком с автором статьи, иначе написал бы лично ему и просит редактора передать его благодарность и поздравления [6; 308].

Однако приходится констатировать, что не все переведённые работы Э. Муллокандова оказались удачными. Об этом свидетельствует его художественный перевод отрывка из «Записок кавалериста» – одного из наиболее ярких прозаических творений Н.С. Гумилёва. Повесть «Записки кавалериста» – увлекательная книга, написанная живым, доступным языком. В своё время она нашла широкий отклик среди русской интеллигенции, а затем и получила глубокое признание и в народе. Но, к сожалению, таджикский перевод данного произведения оставляет желать лучшего. В рамках осуществления нашего диссертационного исследования нами были изучены некоторые отрывки переводов данной повести. Приведём один из них:

Оригинал:

«Дамы, эта вечная женственность, которая есть даже в нездешних мирах, влюблены в заносчивого, дерзкого бубнового валета, каждая сообразно своей индивидуальности. Пиковая обнимает его своими смуглыми худыми руками, и поцелуй змеиных губ жжёт, как раскаленный уголек. Трефовая легким знаком приказывает ему приблизиться.»

Бубновая, гордая, раздувает свои выточенные нервные ноздри и ждет, скрывая любовь и ревность.

И стыдливая червонная счастлива от одной близости этого надменного мальчишки» [226, с. 26].

В переводе Э. Муллокандова этот отрывок выглядит следующим образом:

«Хонумҳо, ин фитнапарастии абадӣ, ки ҳатто дар ҷаҳони дигар мавҷуд аст, ба як қатори саркаш ва часурдори алмосҳо мутобиқ аст, ки ҳар яки онҳо мувофиқи фарди худ мебошад. Қуллаӯро бо дасти сиёҳи торикаш ба оғӯш мегирад ва бӯсаи лабони ҳамчун мораш ба монанди ангишти сурх гарм аст. Аломати клуб бо аломати осон ўро водор мекунад, ки ба ў муроҷиат кунад.

Даҳ, боифтихор, бини асаби худро боз мекунад ва интизор шуда, муҳаббат ва рашкро пинҳон мекунад.

Ва поки бадҳоҳ аз наздик будани ин писари мағрур шод аст».

Перевод этого отрывка мы считаем откровенно неудачным, так как в нём полностью отсутствует мысль автора, и нет даже намёка о том, что речь идёт о карточных мастях. Так, переводчик, не разобравшись в том, что такое пиковая, бубновая, трефовая и червонная дама, акцентирует внимание читателя на их поверхностном описании, а о бубновом валете, в которого влюблены все эти четыре дамы, он даже не упоминает. На наш взгляд, перевод этого отрывка лучше приставить в таком варианте:

«Хонумҳо, ин иффати абадии занона, ки ҳатто дар оламҳои бегона мавҷуд аст, ба ҷавони мағрур ва шаттоҳи зарбзан ошиқ ҳастанд, ҳар кадоме мувофиқи фардияти худ. Хонуми найзавӣ ҷавонро бо дастони хароби гандумранги худ ба оғӯш мегирад ва бӯсаи лабони мормонандаи ўро чун ангиштаки фурузон месӯзонад. Хонуми салибӣ бо ишораи сабук ба ў фармони наздик шудан мекунад.

Хонуми зарбӣ бовиқор бинии тезшакли асабониширо васеъ карда, бо пинҳонкунии ишқ ва рашки худ мунтазири ўст.

Ва хонуми шармгини сурх танҳо аз наздикии ин бачаи мағрур хушбахт аст».

Однако, наряду с этим, большинство эпизоды данного произведения переведены достаточно талантливо. При анализе перевода повести «Записки кавалериста» Н.С. Гумилёва, выполненного Э. Муллокандовым, чаще всего возникает вопрос о границах свободы в литературном переводе. Хотя в таких переводах менее всего соблюдается точность, всё же читателю заметен талант переводчика. В результате нашего исследования выявлено, что переводы таджикских переводчиков значительно различаются между собой. Это объясняется тем, что каждый переводчик, в зависимости от своего профессионального уровня, придерживается собственного творческого подхода к переводимому материалу. Они стремятся соответствовать требованиям и ожиданиям общества, а также духовной культуре своего времени.

В повести «Вверх по Нилу», переведенной Шамси Собиром, Н.С. Гумилёв, описывая первую встречу главного героя, повествует о своём путешествии по Африке. В рассказе «Вверх по Нилу» Александрия – некий мировой котел, где «греки, финикияне, арабы // При помощи логических фигур, геометрических сопоставлений // Творят еще неслыханные веры» и властвует танцовщица Феодора, подобная «веселому плясуну случаю» [211; 165].

По результатам анализа повести «Вверх по Нилу», можно сделать вывод, что писатель показал различные вопросы взаимообогащения западной и восточной культур. Здесь можно увидеть огромное буйство красок, взглядов на жизнь, духовности и ментальных стереотипов поведения. Тем более важным для нас представляется анализ адекватности перевода данного произведения таджикским переводчиком. Для сравнения приведём отрывок из повести.

Оригинал:

«Я устал от Каира, от солнца, туземцев, европейцев, декоративных жирафов и злых обезьян. Каждой ночью мне снится иная страна, знакомая и прекрасная, каждой ночью я ясно помню, что мне надо делать, но, просыпаясь, забываю все. Проходят дни, недели, а я все еще в Каире.

Завтра решится все. Сегодня на вечере у французского консула я встретил высокого англичанина с надменной линией губ и детски-веселыми голубыми глазами. Мне сказали, что он художник и едет к истокам Нила. И при первом взгляде я понял, что он знает многое. Если вообще тайна жива среди арийских народов, то англичане чаще других владеют ею. Я пригласил его на кофе и с тревогой ждал ответа. Он обещал прийти».

Перевод Шамси Собира:

«Ман аз Қоҳира, аз офтоб, бумиён, аврупоиҳо, жирафҳои орошиӣ ва маймунҳои бад хаста шудам. Ҳар шаб ман дар бораи кишвари дигар, шинос ва зебо орзу мекунам, ҳар шаб ман дақиқан ба ёд меорам, ки бояд чӣ кор кунам, аммо вақте ки ман бедор мешавам, ҳама чизро фаромӯш мекунам. Рӯзҳо, ҳафтаҳо мегузаранд ва ман то ҳол дар Қоҳира ҳастам.

Ҳама чиз фардо ҳал карда мешавад. Имрӯз вақти шом дар Консулгарии Фаронса ман бо як англиси баландпоя бо хати лабони ҳавобаланд ва чашмони кабудӣ кӯдаки хушбахт мулоқот кардам. Ба ман гуфтанд, ки ӯ рассом аст ва ба сарғаҳи Нил меравад. Ва дар назари аввал ман фаҳмидам, ки ӯ бисёр чизҳоро медонад. Агар ин сир махфӣ дар байни қавмҳои ориёӣ зинда бошад, пас Бритониё бештар аз дигарон ба он ишора мекунад. Ман ӯро ба қаҳва даъват кардам ва бетоқатона ҷавобро интизор шудам. Вай ваъда додааст, ки биёяд».

В переводе данного отрывка Шамси Собир проявляет себя как последователь русского писателя. Из его перевода следует, что главный герой повести во французском консульстве знакомится с британцем. В таджикском тексте хорошо передана художественная ценность оригинала и при этом сохранена присущая для творчества Н.С. Гумилёва.

Несмотря на то, что в переводе некоторые словосочетания переведены не аналогично, к примеру, словосочетание «злых обезьян» переведено как «маймунҳои бад» – «плохие обезьяны», стиль изложения таджикского переводчика достаточно близок к стилю изложения русского писателя, что способствовало точной передаче содержания, и даже интонации автора, что является главным в переводе.

Одновременно во время перевода этого произведения на таджикский язык, который был осуществлён в 1957 году, в журнале «Шарқи Сурх» также был опубликован и перевод повести этого же автора «Записки кавалериста». Начиная с этого года в периодической печати стали появляться переводы произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык, большинство из которых отличаются достаточно высокими художественными качествами.

Переведём отрывок из оригинала повести «Вверх по Нилу»:

«Мы едем почти две недели и сегодня высадились на берег около маленькой пирамиды, неизвестной туристам. Поблизости не было ни души, и мы вошли в нее без проводника. Лестница вилась, поднималась и опускалась, и внезапно окончилась пугающей заманчиво-черной ямой. Мистер Тьерри лениво пожал плечами и пошел наверх, а я привязал веревку к выступу скалы и начал спускаться, держа в руке смоляной факел, ронявший огненные капли в темноту. Скоро я добрался до сырого, растреснутого дна и, присев на камень, огляделся. Мой факел освещал только часть пещеры, старую, старую и странно родную.

Где-то сочилась вода. Валялись остатки рассыпавшейся мумии».

Перевод Шамси Собира:

«Мо тақрибан ду ҳафта мошинро тай кардем ва имрӯз ба назди пирамидаи хурде, ки ба сайёҳон номаълум буданд, фуруд омадем. Дар наздикӣ касе набуд ва мо ба он бе роҳнамо ворид шудем. Зинапоя каҷ шуд, бархост ва афтид ва ногаҳон дар чоҳи сиёҳи ваҳшатангезе хотима ёфт. Чаноби Тьерри беист чобачо шуд ва ба болохона баромад ва ресмонро ба чархи санг бастам ва фурузон шудам, дар дастам шамшери оташинро ба

торикӣ афтондам. Даре нагузашта, ман ба намӣ, поёни шикаста расида, ба санг гелонда, ба атроф нигоҳ кардам. Машъали ман танҳо як қисми зорро, ки кӯҳансол, кӯҳан ва бегона буд, равшани дод.

Дар ҷое об меистод. Ҷасади як одами мумияшуда пароканда карда буд».

Анализ данного отрывка выявляет, что при передаче данного эпизода таджикский переводчик старался отобразить восточный колорит, специфику древнеегипетских пирамид, их загадочность и унылость. Заметно, что у Шамси Собира перевод подстрочный, а это весьма нежелательное явление. Подчёркнутые выражения и словосочетания, по нашему мнению, желательно было бы передать по-другому:

- 1) *пирамидаи – аҳроми;*
- 2) *каҷ шуд (вилась) – тоб мехӯрд;*
- 3) *бархост (поднималась) – мечунбид*, так как здесь речь идёт о лестнице;
- 4) *беистҷобачо шуд* – неуместное выражение, так как в тексте оригинала речь идёт о пожатии плечами мистера Тьерри. Здесь следовало применить фразу *китфонаширо чунбонда*;
- 5) *фурузон шудам* – также неправильный перевод. Речь идёт о зажженном факеле, а не о самом человеке, следовало сказать: *машъалрофурузон кардам*;
- 6) *поёни шикаста расида* – непонятный перевод. Следовало сказать: *ба таги шикаста расидам ва...*;
- 7) *ба санг гелонда* – слово *гелондан* передаёт значение *присел*, следовало применить слово *нишаста*;
- 8) *кӯҳансол, кӯҳан* – речь идёт о пещере. Слово *кӯҳансол* здесь неуместно, поскольку оно по своей семантике обозначает личность. Более правильно было бы использовать слова *кӯҳан, хеле кӯҳан*.

Кроме того, в переводе отсутствует слово «мумии», которое можно считать ключевым словом в данном произведении.

Перевод рассказа «Радости земной любви» Н.С. Гумилёва, осуществлён в 70-е годы XX века М. Ахмедовым и Б. Муртазовым. К сожалению, их переводы данного произведения нам не удалось обнаружить. Из доступного нам материала особое внимание следует обратить на рассказ Н.С. Гумилёва «Принцесса Зарра», который является одним из интереснейших произведений с точки зрения языка и стиля [227]. Для раскрытия специфики таджикских переводов литературного наследия писателя обратим внимание на перевод этого рассказа, осуществлённый молодым переводчиком М. Ахмедовым.

Отрывок из оригинала:

«Одновременно с благородной страстью, которая запылала в сердце Данте Алигьери к дочери знаменитого Фолько Понтимари, называемой ее подругами нежной Беатриче, Флоренция видела другую любовь, радости и печали которой проходили не среди холодных небесных пространств, а здесь, на цветущей итальянской земле.

И для того, кому Господь Бог в бесконечной мудрости своей не позволил быть свидетелем этого прекрасного зрелища, я расскажу то немногое, что мне известно о любви благородного Гвидо Кавальканти к стройной Примавере.

Долго страдая от тяжелого, хотя и сладкого, недуга скрытой любви, Кавальканти наконец решил открыться».

Перевод на таджикский язык М. Ахмедова:

«Дар баробари оташи шарафе, ки дар қалби Данте Алигери ба духтари машхури Фолко Понтимари, ки дӯстонаш ӯро Беатричеи нозанинменомиданд, Флоренсия муҳаббати дигареро дида буд, ки шодӣ ва ғаму гуссааш дар байни фазои сарди осмонӣ не, балки дар ин ҷо, дар замини гулдори Италия мегузаист.

Ва барои он касе, ки Худованди Бузург бо хиради бепоёни худ дидани ин манзараи зеборо иҷозат надодааст, ман барои ӯ он маълумоти

камеромегӯям, ки ман дар бораи муҳаббати Гвидо Кавалканти нисбат ба Primavera-и зебо медонам.

Кавалканти аз азоби рӯҳии вазнин муддати тӯлонӣ азият кашида, оқибат дарди муҳаббати пинҳони худро ошкор кард».

Хотелось хотя бы вкратце отметить качество перевода данного отрывка. Прежде всего, следует обратить внимание на язык и стиль перевода, отличающегося грамотным построением предложений, литературным стилем речи, точностью изображения и правильной передачей смысла текста оригинала. Возникает правомерный вопрос: с чем же связано то, что молодой, не имеющий достаточного опыта переводчик проявляет такой высокий профессионализм, а именитые писатели-переводчики советского периода, такие как Э. Муллокандов и Ш. Собир, допускают непростительные погрешности в переводе. Ответ на этот вопрос до сих пор остаётся открытым, мы можем лишь предполагать, что, вероятно, в советский период переводческая деятельность в Таджикистане находилась на стадии становления, а своего расцвета он достигла в 60-70 годы прошлого века.

Необходимо отметить, что таджикский переводчик М. Ахмедов помимо произведений «Радости земной любви», «Принцесса Зарра» перевел такие повести Н.С. Гумилёва, как «Черный Дик», «Лесной дьявол», «Веселитесь», которые было бы не бесполезно подвергнуть тщательному исследованию с современных позиции мастерства художественного перевода.

Продолжая анализ качества переводов произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык, хотелось бы ещё раз коснуться творчества Шамси Собира. Этот талантливый переводчик является одним из первых интерпретаторов прозы Н.С. Гумилёва на таджикском языке. Но в научных литературоведческих кругах все же одним из лучших переводчиков Н.С. Гумилёва по праву считается талантливый писатель Рахим Джалил.

Наряду с этим, узбекский литературовед М.М. Расули в своей монографии «Постижение Востока: (Наблюдения над языком и стилем

современной русской ориентальной прозы)» изучал, как передавать особенности жанра и сюжета при переводе с русского на таджикский [172; 172]. Однако проблема жанровой и сюжетной интерпретации рассматривалась исследователем на примере переводов произведений другого известного русского писателя М. Шолохова. Известно, что произведения Н.С. Гумилёва, преимущественно его повести, по размеру сюжета не совсем стандартны, поэтому таджикским переводчикам достаточно сложно сохранять жанровые требования к размеру осуществлённых ими переводов.

Так, характеристики романов Н.С. Гумилева существенно различаются от традиционных русских произведений литературы. Поэтому было бы весьма желательно видеть такой же уровень развития технологии передачи русских жанров для таджикских переводчиков.

В своей речи на региональном собрании в Душанбе в 1957 году. Мирзо Турсунзаде отмечал важность исследования этой проблемы. Он подчеркивал необходимость изучения сложных вопросов, связанных с переводом романа на таджикский язык.

Известный российский литературный критик В.Л. Полушин отмечает: «Близость к подлиннику состоит в передаче не буквы, а духа создания. Каждый язык имеет свои, ему принадлежащие средства, особенности и свойства до такой степени, что для того, чтобы передать верно образ или фразу, в переводе иногда их необходимо совершенно изменить. Соответствующий образ так же, как и соответствующая фраза, состоит не всегда в видимой соответствии слов: надо, чтобы внутренняя книга переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинала» [171; 528].

Следует отметить, что в процессе перевода этого художественного произведения переводчик использовал различные прототипы. Главный герой романа «Черный генерал» был противопоставлен образу его убийцы. Контрастны и лексические образы. В.Г. Белинский писал по этому поводу:

«Особое место в любом произведении художественной прозы занимает контраст, который занимает особенное место в любом романе русской литературы» [27; 360].

Эту несколько ироническую особенность романа наиболее удачно передал Рахим Хошим. В переводах, осуществлённых им, встречаются такие приёмы изображения, которые характерны для произведений русского писателя.

Известному таджикскому писателю и переводчику Фотеху Ниязи удалось развить динамику художественных образов переводного текста до совершенства русского писателя XX века. Как и во многих других переводах, таджикский писатель доводит до совершенства свои описания окружающей действительности, язык Н.С. Гумилёва воссоздан им с большой поэтической силой и экспрессией, благодаря чему чувствуется энергетика героев, сжатость и лаконичность изображений. Писатель показывает всё разнообразие художественных образов, разделяющихся по частям романа, из-за чего появляется впечатление замолкающего голоса отчаявшегося певца.

В романе «Черный генерал» поставлены и решены различные нравственные проблемы, которые и в наше время актуальны для современной русской литературы [226]. Концовка романа звучит особенно назидательно и предостерегающе, поскольку революционный дух в свое время поразил не только современников Н.С. Гумилёва, но и его самого. По сюжету романа в его эпилоге отображены настолько важные для российского общества проблемы, что их можно считать ключевыми для всех художественных произведений русской литературы XX века.

Тем более ответственной задачей для таджикских писателей стал адекватный художественный перевод данного произведения.

Проанализировав творческие интерпретации в передаче сюжета романа «Черный генерал», мы приходим к следующим выводам:

1) Таджикский писатель и талантливый переводчик Рахим Хошим перевел содержание романа достаточно буквально. Часто тонкости русского

языка, богатая языковая палитра Н.С. Гумилёва нашими переводчиками понимается не до конца. К примеру, слово «счастье» русским писателем не редко употребляется в ироническом смысле, что недостаточно ярко отображается в переводе.

2) В романе «Черный генерал» Н.С. Гумилёв использует такой эффективный прозаический прием, как контраст, сравнение. Светлый образ главного героя романа противопоставлен образу его убийцы. Эту ироническую особенность романа наиболее удачно передал Рахим Хошим.

3) Другой известный писатель и одновременно переводчик Рахим Джалил также использовал стилистические возможности таджикского языка, поэтому передача образов, и в частности, образа главного героя произведения переводчику удалась особенно хорошо.

4) В языке произведения, особенно в первой его части, встречаются архаизмы, наиболее ярко применяется приём контраста, который в таджикском тексте также проявляется достаточно качественно.

5) Другой таджикский переводчик Шамси Собир, который также осуществил перевод данного произведения, отмечает торжественно-эпическую манеру повествования Гумилёва, и по возможности сохраняет его стиль повествования.

Исходя из этого, можно смело считать, что все три переводчика добились определённых успехов в передаче смысла произведения, его жанровых, сюжетных и стилистических особенностей.

Однако, при всем при этом, приходится констатировать, что общее звучание переводов таджикских переводчиков всё ещё весьма далеко от оригиналов произведений Н.С. Гумилёва, о чём мы не однократно упоминали в своём диссертационном исследовании. Мы считаем, что это связано с недостаточным пониманием внутреннего мира русского литератора, недостаточной степенью изученности его творчества таджикскими литературоведами и недостаточным донесением его идей до внимания наших читателей, что также мы считаем связанным с таким фактором, как

отчуждённость литературы советского периода от мировоззрений и миропонимания Н.С. Гумилёва.

Роман «Черный генерал» написан Н.С. Гумилёвым в своеобразном стиле. В нем использованы достаточно разнообразные средства художественной выразительности, которые в недостаточной мере переданы таджикскими переводчиками несмотря на то, что это произведение было переведено не одним из них. Концовка романа, которая выглядит особенно грозно и передаёт революционный настрой писателя, так поразивший его современников в свое время, в интерпретации таджикских переводчиков выглядит вяло и неубедительно. В связи с этим, по нашему мнению, специалистам переводоведения следует уделить особое внимание данной проблеме и сделать ещё одну попытку более удачную, перевода произведения.

Таким образом, несмотря на последний всплеск интереса к прозе Н.С. Гумилёва, она остается практически неисследованной до сих пор. Отсутствие связи произведений Гумилёва с общим культурным процессом, вызванное внелитературными факторами, заставляет исследователей прибегать к новым подходам при изучении творчества этого писателя. Такая изоляция также создает зависимость исследователей от устоявшихся в зарубежной науке стереотипов, связанных с различными аспектами «преодоления символизма».

2. 2. Семантико-стилистическая характеристика перевода поэзии Н.С. Гумилёва на таджикский язык

В сфере литературного перевода занимает важное место исследование стилистических особенностей перевода поэзии выдающегося русского поэта Н.С. Гумилёва на таджикский язык. Н.С. Гумилёв, один из представителей Серебряного века, оставил неизгладимый след в истории русской литературы своими произведениями, в которых звучат отголоски великих традиций и влияние различных литературных школ.

Перевод поэзии — это сложное и тонкое искусство, требующее глубокого понимания языка оригинала, а также уникальных особенностей языка, на который производится перевод. В данном исследовании акцент сделан на стилистических аспектах перевода поэзии Гумилёва на таджикский язык, обращая внимание на те трудности, с которыми сталкиваются переводчики при передаче не только смысла, но и стиля оригинальных произведений.

Основной целью данного исследования является выявление творческих приемов, использованных переводчиками при адаптации стихов Гумилёва, и их влияния на сохранение или изменение стилистических характеристик оригинала. Процесс перевода поэзии обладает своей уникальной динамикой, где важными элементами становятся звуковая красота, ритм, метафоры и образы, исходные из оригинала, и требующие особой осторожности при переносе на другой язык.

Изучение стилистических аспектов перевода поэзии Н.С. Гумилёва на таджикский язык не только расширяет наше понимание литературного наследия поэта, но и предоставляет ценные инсайты в процесс творческой реинтерпретации литературных произведений через призму различных языковых и культурных контекстов.

Среди современников Н.С. Гумилева имелись существенные разногласия относительно основным моментом их полемики было желание его поэтического мастерства выяснить Н.С. Гумилев был более эпиком, чем лириком.

Например, критик Владимир Иванов, считал, что Н.С. Гумилеву больше свойственно эпическое начало, но с содержанием в нём лирики. В свою очередь, Сергей Ауслендер считал, что стихи Гумилева представляют собой маленькие поэмы. Известный критик Виктор Жирмунский утверждал, что Н.С. Гумилевым была создана новая форма стиха – полуэпическая баллада. Касаясь истории русско-таджикских литературных взаимосвязей, Шукуров М. подчеркнуть: «Некоторые темы, которые встречаются в

произведениях русских поэтов и писателей, имеют нравственный характер и хорошо раскрываются в стихах, они часто встречаются в произведениях таджикских поэтов и писателей классической литературы» [216; 354].

В последнее время искусство художественного изображения значительно улучшило свои возможности благодаря развитию поэтического творчества. В настоящее время возрастает потребность восстанавливать литературные связи и обмениваться идеями на более высоком уровне для того, чтобы еще дальше продвинуть культурный обмен между народами всего мира.

В своей статье «Николай Гумилёв и Восток» российский ученый Р. Тименчик отмечает, что, несмотря на знакомство поэта с персидской и арабской поэзией, традиционно он отдает предпочтение Западу [183; 23-34]. Он указывает на использование Гумилёвым газелей в пьесе с участием Гафиза и подчеркивает, что «моду на газели в кругу петербургских модернистов завел Михаил Кузьмин своим циклом 'Венок весен'» [114; 42]. Указывая, что Гумилёвский Гафиз «погружен в толщу литературных ассоциаций», автор статьи продолжает: «Нам кажется, что признание приоритета западного влияния применительно к ориентальному пласту творчества Гумилёва, за исключением сборника «Фарфоровый павильон», создает предпосылки для крайне упрощенного понимания специфики «восточных» произведений поэта. Конечно, нет сомнения, что «отец акмеизма» был знаком с многочисленными подражаниями Востоку, столь популярными в русской литературе. Но как отмечал Р.В. Васильев, выполненные им великолепные переводы произведений таджикского мыслителя Насира Хусрава и арабского поэта Имру аль-Кайса показывают, что при работе над ориентальной тематикой русский поэт обращался и к специальной научной литературе» [45; 265].

Наше видение характера переводов творчества Н.С. Гумилёва на таджикский язык можно дополнить мнением поэта-востоковеда В.К. Шилейко, считавшим, что некоторые впечатления от экспедиций

Н.С. Гумилёва, маршруты которых проходили и через другие страны Востока, были подчеркнуты писателем в цикле его восточных произведений [213; 317].

Учитывая упомянутые обстоятельства, мы сосредоточились на конкретных аспектах в рамках диссертации, фокусируясь на взглядах писателя на развитие познания истины через культивацию любви к Богу, на стремлении отрешиться от материального мира для объединения с абсолютном. Суфийская концепция мира, рассматриваемого как непрерывная эманация верховного существа, влияние на гумилёвскую поэзию и его взгляды на категории добра и зла, а также на проблематику человеческой природы, представляется значимым.

В пьесе «Дитя Аллаха» Гумилёв создает образ Востока, где сливаются христианские легенды, мифы древних персов и арабов, а также учение дервишей. Проведенный анализ указывает на влияние суфизма, учения дервишей, на творчество Гумилёва [223].

Важно отметить, что не существует четкой системы суфийских духовных ценностей в «арабской сказке» и других «восточных» произведениях Гумилёва, включая стихи из рукописного сборника «Персия», позднее включенного в книгу «Огненный столп». Тем не менее, сопоставление текстов Гумилёва с работами, посвященными суфизму в XIX - начале XX века, выявляет интересные параллели.

По мнению литературного критика Е. Чудиновой главным героем пьесы «Дитя Аллаха» является великий персидский поэт Хафиз. В произведении Н.С. Гумилёва создан образ нового героя – странствующего дервиша, от имени которого пропагандируются основные идеи данного направления исламской религии. Об особенностях суфизма говорится в труде И. Гольдциера под названием «Лекции об исламе».

По нашему мнению, влияние учения суфиев на создателя «арабской сказки» нашло отражение в этом произведении Гумилёва, который делает простые и лаконичные выводы о ментальности суфиев.

По поводу данного произведения в монографии А. Курбанмамадова «Эстетическая доктрина суфизма» отмечается, что здесь Н.С. Гумилёвым благодаря языку своего художественного произведения одновременно затрагивались проблемы современной русской литературы XX века. Исследователь отмечает, что, говоря о Боге-творце, дервиши представляли его «вечно обнаруживающимся, т. е. вечно творящим не один, а многие миры, существа и вещи» [115; 108].

В пьесе «Дитя Аллаха» образ юноши вновь подтверждает глубокое знание Н.С. Гумилёвым основ исламского мистицизма. Однако важно отметить, что в данном контексте следует учесть, что представление о мире как эманации божества, по мнению многих востоковедов, было заимствовано суфиями из индийской философии. Элементы этой философии в поэзии автора «арабской сказки» получили интересную интерпретацию.

Анализ переводов стихотворений показывает, что в них достаточно ясно прослеживается раскрытие проблем современной русской действительности великим русским писателем XX века. Пьеса «Дитя Аллаха», по нашему мнению, предоставляет много оснований утверждать, что в ней отражена суфийская трактовка бытия, категорий добра и зла, отрицающая сам факт существования последней.

Таким образом, в создании «Дитя Аллаха» Н.С. Гумилёв не только демонстрирует свои знания исламского мистицизма, но также умело интегрирует элементы индийской философии через суфийский призму, что придает произведению уникальность и глубину трактовки вопросов бытия и духовности.

Таджикские поэты и писатели всегда проявляли огромный интерес к отображению Н.С. Гумилёвым основ суфийского толка. У него есть немало художественных произведений, в которых указывается путь совершенствования человеческого духа, постепенное укрепление его воли в соответствии с восточными учениями. Ранее нами отмечалось, что таджикские поэты и писатели-переводчики всегда стремились решить

нелёгкую задачу передачи не только формы и содержания текстов оригинала, созданных русским литератором, но и прилагали большие усилия по сохранению его неповторимый художественный стиль изложения. Приведем ещё один образец такого виртуозного перевода:

Текст оригинала:

Вы сегодня так красивы,

Что вы видели во сне?

— Берег, ивы

При луне. А еще? К ночному склону

Не приходят, не любя.

— Дездемону

И себя. Вы смотрите так несмело:

Кто там был за купой ив?

— Был Отелло,

Он красив. Был ли он вас двух достоин?

Был ли он как лунный свет?

— Да, он воин

И поэт. О какой же пел он ныне

Неоткрытой красоте?

— О пустыне

И мечте. И вы слушали влюбленно,

Нежной грусти не тая?

— Дездемона,

Но не я.

Текст перевода в исполнении Гулназара:

Шумо бисёр хубу дилрабод,

Дигар чӣ? Дар шаби ором, бе ишқ

Магар рӯи хуше дидед дар хоб?

Магар ҷӯянд хилватгоҳи бекас?

— Бидидам соҳилу гулбед —

*Ва Дездемонаро дидам,
Ба зери партави маҳтоб.
Бидидам хеширо вопас.
Шумо, ки носабуреду мушавваши,
Ба сони нури маҳ ӯ буд нозук?
Кӣ буд дар паҳлуи гулбеди танҳо?
Ба ҳар дуи шумо ӯ буд лоиқ?
-Отелло буд дар хилват, -
Бале, буд афсаре нотарс,
Ҷавони дилбару зебо.
Бале, буд шоире ошиқ.*

*Суруди ӯ киро афсона мекард? Шумо бо меҳру шавқи ошиқона
Ҷамоли кӣ варо девона мекард? Сурудаширо гуҳар кардед дар гӯш?
Сурудаш васфи саҳро буд, - Дездемона бишуд мафтун,
Суруди орзуҳо буд. Вале ман будам хомӯш.*

Рассмотрим сходства и отличия в структуре текстов оригинала и перевода: Н.С. Гумилёв выбрал традиционную для жанров сонета и баллады рифмовку *аб аб, вг вг*, тогда как в таджикском тексте мы наблюдаем рифмовку, характерную для эпических жанров – *аа, бб, вв, гг*. Именно в монере рифмования состоит главное отличие двух текстов, но несмотря на это, в переводе полностью сохранена гумилёвская певучесть и лиричность способа изображения. Сходство же двух текстов заключается в том, что переводчик старается сохранить содержание оригинала, быть достоверным в передаче изображаемого, что ему вполне удалось. То есть перевод осуществлён строка в строку с полным сохранением яркости и выразительности изображения.

Тема переводческой интерпретации произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык и последующей читательской рецепции творчества парадоксального «рыцаря счастья» и одного из основоположников

«неоклассического» русского литературно-культурного течения акмеизма Н.С. Гумилёва может, с первого взгляда, казаться проблемной.

Дело в том, что таджикская культурная среда «ортодоксально» подражала общепринятому русскому (прежде всего «советскому») подходу к личности и художественному завещанию этого талантливому писателя, «окутанного» упорным молчанием со стороны официальной культуры, вызванным цензурным запретом после расстрела Н.С. Гумилёва в августе 1921 года. В межвоенный период (несомненно, благодаря продолжающемуся таджикскому интересу к русскому модернизму и присутствию в таджикской культурно-общественной среде многочисленной диаспоры русской послереволюционной эмиграции) в отечественной литературе появились два сборника Н.С. Гумилёва, в которые вошли как образцы из прозы, так и из поэзии литератора. Русский поэт Н.С. Гумилёв называл себя «Рыцарем счастья», современниками он нередко обозначался и «рыцарем серебряного века», «рыцарем стиха» или «духа». Так вот, этот русский дух рыцаря серебряного века вполне ощутим в этих уникальных на сегодняшний день сборниках, что мы попытаемся проанализировать в следующих разделах данной главы работы.

Таким образом, эти переведенные подстрочные стихи еще раз подтверждают, что Н.С. Гумилёв действительно был отважным рыцарем поэзии.

Я и Вы Ману Шумо

** Да я знаю, Вам не пара*

**Я пришёл из иной страны.*

**И мне нравится не гитара,*

**А дикарский напев зурны.*

**Не по залам и по салонам,*

**Тёмным платьем и пиджакам.*

Я читаю стихи драконам,

**Водопадам и облакам.*

**Я люблю-как араб в пустыне,
*Припадает к воде и пьет.
*А не рыцарей на картине,
Что на звёзды смотрит и ждёт.

Перевод.

**Аминам, нестам чуфти Шумо ман,
*Ватан гумкарда дар хони Шумо ман
*Писандам нест он сози хиторй
*Маро сурнай-вухуш аст дустдорй.
*Ба тан пушида пичак ба бар пирохани тор,
*Мечархед руи сахни долону толор.
*Вале хуш аст маро шеьргуфтанхо
*Бахри аждархо, обшорхо, абрхои тираю тор.
*Писандам ман араби дар биёбон
*Бинушад об бар зону нишаста
*Чи суд аз ритсари дар акс нашоёневу духта
Нигох бар ахтарон пазмон нишаста.

Девочка - Махбуба

**Временами, не справясь с тоскою,
*И не в силах смотреть и дышать.
*Я, глаза закрываю рукой,
*О тебе начинаю мечтать.
*Зи дарди ишк нест маро рахой,
*Мадори гуишу бинише надорам.
*Ба каф пушидаам дидагонам,
Дар орзуи висолат бекарорам.

2. 3. Воспроизведение восточного колорита поэзии Гумилёва в таджикских переводах

В сфере литературных исследований, посвященных Н.С. Гумилёву, весьма актуальным направлением становится анализ влияния восточной поэзии на творческое наследие этого выдающегося русского поэта. Настоящее диссертационное исследование представляет собой попытку глубокого погружения в мир восточного колорита через призму таджикских переводов произведений Гумилёва.

Центральной целью данной работы является разгадывание тайн литературных связей Н.С. Гумилёва с Востоком и выявление влияния персидско-таджикской литературно-философской мысли на формирование религиозных убеждений русского поэта. Этот аспект исследования предоставляет уникальную возможность понять, как восточная поэзия стала вдохновляющим источником для Гумилёва, а также какие изменения и новые оттенки приобрела его творческая концепция под воздействием восточной эстетики.

Диссертация нацелена на выявление вклада Н.С. Гумилёва в развитие мировой литературы и на анализ степени освещения его наследия в персидско-таджикском литературоведении. Путем тщательного анализа переводов на таджикский язык произведений Гумилёва предпринимается попытка раскрыть глубину и суть его художественного наследия в контексте восточной культуры.

Исследование фокусируется на раскрытии значимости литературных связей Гумилёва и на анализе характера его произведений, освещенных в таджикских переводах. Разбор этих переводов позволяет выявить, какие особенности и нюансы русской поэзии были уловлены таджикскими переводчиками, а также каким образом восточная эстетика приобретает новый смысл в контексте таджикской культурной традиции.

Проблемы перевода художественных произведений являются неотъемлемой частью общих трудностей культурного обмена между

народами. В современном мире перевод играет ключевую роль в литературных взаимоотношениях. Средством духовного взаимодействия между народами через переводимые тексты является укрепление их взаимопонимания и единства.

Художественный перевод представляет собой сложный процесс, требующий не только знания языков, но и глубокого понимания культурных контекстов. Переводчик сталкивается с вызовом передать не только смысл и структуру оригинала, но также передать эмоциональные оттенки, стиль и нюансы, что делает его задачу еще более сложной.

Важность перевода в культурном обмене подчеркивается тем, что через него различные нации имеют возможность поделиться своими уникальными литературными традициями, идеями и искусством. Этот процесс содействует обогащению литературного наследия человечества и способствует гармоничному взаимодействию между различными культурами, способствуя укреплению мирового культурного наследия.

Как известно, творчество Николая Степановича Гумилева имеет высокое место среди мировой литературы. Его стихи, рассказы и романы получили заслуженный резонанс как у российских, так и за рубежом читателей. Его работы поражают своей глубокой философией, выразительной фантазией автора. Поэтому для любителей русской литературы возникнет вопрос - насколько верно и точно были переведены его произведения на сегодняшний день? Можно ли считать, что переводчики сумели передать то чувство, которое автор испытывал при написании своих работ?

Необходимо отметить, что поэзия и проза Николая Степановича Гумилева продолжают жить в памяти представителей советского периода, когда литературоведение достигало больших успехов в научных исследованиях и анализах его творчества. Однако для таджикского читателя это не остаток прошлого, а настоящее событие, поэтому трудно перевести его написанные как исторические или литературные предметы наследия.

Таким образом хотелось бы проанализировать его стихи, написанные в 1899-1920 годы, которое вошли в сборник «Огненный столп», что частично осуществлено нами в предыдущей главе работы. В этот сборник вошли такие знаменитые стихи Н.С. Гумилёва как «Ночь в Персии», «Пьяный дервиш», «Подражание персидскому», «Персидская миниатюра» и другие. Даже по названиям стихотворений видно, что все они посвящены восточной проблеме. Тема Востока занимает одно из центральных мест в творчестве русского поэта.

В своем стихотворении «Подражание персидскому», Н.С. Гумилёв раскрывает глубинный пейзаж персидской природы, волнующий душу, особенно привлекая внимание таджикского читателя. Невозможно не отметить удивительную фантазию Гумилёва в восточных стихах, где он мастерски передает изысканное великолепие персидской природы, что так хорошо знакомо таджикскому читателю из его собственной классической поэзии.

Стоит подчеркнуть, что в переводе Гулназар Келди, талантливого переводчика, требовались выдающиеся способности и богатый словарный запас для передачи всей гаммы чувств и эмоций русского поэта. Его перевод стихотворения «Подражание персидскому» на таджикский язык считается одним из наиболее удачных в литературной среде, поскольку читатель, освоивший стихотворение, полностью ощущает гумилёвское волнение и неудержимую любовь к персидско-таджикской классической поэзии.

Необходимо отметить, что Гулназар Келди сумел передать через таджикский язык элементы творчества Н.С. Гумилёва, такие как описание традиционной русской жизни, характеристики лирического героя, мастерство поэта в использовании литературных средств изображения и образов. В его переводах ярко проявляется та же самая творческая энергия, что и в оригиналах, сохраняя идею поэта и его поэтику. Рассматривая стихотворение «Подражание персидскому», следует отметить, что Гулназар Келди стремился не только сохранить форму русского стиха, но и передать суть

поэта и его литературный стиль в таджикском контексте. Для достижения этой цели он использовал различные методы, включая подбор соответствующих терминов и синтаксических структур, характерных для таджикского стиха. Поэт говорит о своей любви к русской культуре, которая, по духу, ему близка. Он знаком с ее историей и обычаями, знает множество интересных фактов о народе. Тем не менее, он чувствует себя чужим в этой культуре — она для него прежде всего объект изучения, чем жизнь, которую он знает наизусть с самого детства. И вот тут возникают вопросы: какой путь нужно выбрать? Какая сторона более важна? Вот ключ к решению этого вопроса: путь к самоидентификации, путь к осознанию своего места в мире, путь к своей духовной родине.

Обратимся к тексту:

Подражание персидскому:

*Из-за слов твоих, как соловьи,
Из-за слов твоих, как жемчуга,
Звери дикие — слова мои,
Шерсть на них, клыки у них, рога.*

Я ведь безумным стал, красавица.

*Ради щек твоих, ширазских роз,
Краску щек моих утратил я,
Ради золотых твоих волос
Золото мое рассыпал я.*

Нагим и голым стал, красавица.

*Для того, чтоб посмотреть хоть раз,
Бирюза — твой взор, или берилл,*

*Семь ночей не закрывал я глаз,
От дверей твоих не отходил.*

С глазами полными крови стал, красавица.

*Оттого что дома ты всегда,
Я не выхожу из кабака,
Оттого что честью ты горда,
Тянется к ножу моя рука.*

Площадным негодяем стал, красавица.

*Если солнце есть и вечен Бог,
То перешагнешь ты мой порог.*

Это стихотворение таджикском переводе выглядит так:

Пайравӣ аз шеъри форсӣ:

*Суханҳои ту чун овози булбул,
Суханҳои ту чун сӯ-сӯи марҷон,
Вале монанди ҳайвонҳои ваҳшӣ
Суханҳои маро шох асту дандон.
Адоям ман, адои ту, pariҷон.
Гули рӯи ту, эй садбарги Шероз,
Баҳори рӯзгорамро табаҳ кард,
Тиллои мӯи афшонат ба як бор.
Ҳама нақдинаамро хоки раҳ кард,
Гадоям ман, гадои ту, pariҷон.
Чу подоши гароне то бубинам
Даме фирӯзаи дилхоҳи чашмат,
Нарафтам аз дари кӯят ба ҷое,
Набастам чашми худ аз роҳи чашмат,*

*Ду чаишмам косаи хун, эй париҷон.
Намеоӣ бурун аз манзили хеш,
Намеоям бурун ман аз харобот.
Зи домонат наметонам гирифтаи,
Бигирам дасти теге чун мукофот,
Илоҷам нест акнун, эй париҷон.
Агар меҳр асту Яздони ягона,
Ту меоӣ маро бар остона.*

Необходимо сказать, что данный перевод Гулназара К отличается от текста оригинала, прежде всего, по форме, что не умаляет достоинств текста оригинала и соответствует требованиям традиционного таджикского стихотворения с сохранением его метрической системы аруз.

Анализ и сравнение стихов Николая Гумилева с его переводом на таджикском языке показал, что таджики преуспели в передаче глубоких размышлений и переживаний автора через свой перевод, где яркими восточными образами являются *голос соловья, жемчуг, звери дикие, ширазские розы* и другое, свидетельствующие о некоем духовном и нравственном переломе в восприятии Н.С. Гумилёва.

Важно отметить, что главный фактор успеха Гулназара Келди заключается в том, что он был близок к художественному мышлению и использовал высокую степень психологизма при передаче творчества русского поэта.

Творческий опыт Н.С. Гумилёва раскрывается уже в раннем периоде творческой жизни. Он не только продолжает традиции русской реалистической поэзии, но и развивает и обогащает их собственными идеями, темами, мотивами и образами. Именно поэтому литературные критики единодушно считают его последним великим представителем русского акмеизма. Особой значимостью для его творчества стала тематика Востока. Ранние стихи Н.С. Гумилёва, в которых он унаследовал у А.С. Пушкина традицию восточной лирики, богаты яркими реалистическими

зарисовками восточных пейзажей в различные времена года и другие жизненные реалии.

Наблюдаются с одной стороны прозаические, но с другой стороны по-авторски лирические детали, как *ширазские розы, золотые волосы, соловьи, безумный стан красавицы* и т. п. Н.С. Гумилёв, подобно Омару Хайяму, Хафизу, А.С. Пушкину и другим поэтам, чьи произведения он глубоко ценил, стремился уловить в природе образ бессмертной красоты: «А мир везде исполнен красоты. Мне в нем теперь все дорого и близко» («Н.С. Гумилев», 1904). В отличие от А.С. Пушкина, Гумилёв предпочитал более теплые времена года, что отражается в его многих произведениях о весне и лете: «Как дымкой даль полей закрыв на полчаса, прошел внезапный дождь косыми полосами – И снова глубоко синеют небеса. Над освеженными лугами» («Н.С. Гумилёва», 1899).

Н.С. Гумилёва можно справедливо считать мастером описания пейзажей, поскольку он был чрезвычайно наблюдателен и внимателен к мельчайшим изменениям природы.

Следующим переводом на таджикский язык, характеризующим восточный колорит в поэзии русского поэта, является стихотворение «Девушки» (Духтарон), которое опубликовано в 2014 году в еженедельнике «Адабиёт ва санъат» (Литература и искусство):

Текст оригинала:

*Нравятся девушкам рупии
С изображением птицы.
Они покидают родителей,
Чтобы идти за французами.*

Текст перевода Гулназара К.:

Духтаронро рупия хуш омада,

*Баски дорад сурати мурғи ҳумо.
Мераванд аз пушти мардони фаранг,
Волидонро монда дар доми ҷафо.*

Как видим, в переводе Гулназара Келди сочетание «идти за французами» передано «мардони фаранг», а другая строка «они покидают родителей» переведена как «волидонро монда дар доми ҷафо», что мы считаем творческим домыслом поэта-переводчика. В тексте оригинала говорится об изображении птицы. Переводчиком это предложение передано по-другому: «*баски дорад сурати мурғи ҳумо*», что позволяет констатировать, что передача этого четверостишия таджикским переводчиком осуществлена своеобразно соответственно реалиям, присущим персидско-таджикской литературе [241].

Анализируя стихотворение, нужно отметить, что, хотя таджикский перевод стихотворения «Девушки» и имеет недостатки, его нельзя считать промахом переводчика, так как его содержание адекватно воспринимается на таджикском языке. На наш взгляд, переводчик при переводе данного стихотворения старался передать смысл, образы и эмоции, скрывающиеся за выражениями. По всей вероятности, переводчик посчитал, что это важнее, т. е. содержание важнее формы.

Поэту Гулназару также принадлежит перевод стихотворения «Луна на море» – «*Моҳ дар баҳр*», которое опубликовано в журнале «Садои Шарқ» в 1990 году [241].

Оригинал:

*Луна уже покинула утесы,
Прозрачным море золотом полно,
И пьют друзья на лодке остроносой,
Не торопясь, горячее вино.
Смотря, как тучи легкие проходят*

*Сквозь-лунный столб, что в море отражен,
Одни из них мечтательно находят,
Что это поезд богдыханских жсен;
Другие верят — это к рощам рая
Уходят тени набожных людей;
А третьи с ними спорят, утверждая,
Что это караваны лебедей.*

Перевод на таджикский язык:

*Моҳ мегузорад баландихоро,
Чун баҳри кабуд тиллоро.
Менӯшанд бо рафиқон дар киштии тез,
Оҳиста, шароби гармро.
Нигоҳ ба абрҳои сабук,
Байни чӯби маҳтобӣ, ки нишонаест дар баҳр.
Яке аз онҳо фикрронӣ карда,
Ба савораи занҳои нигар.
Дигарҳо бовар ба гулҳои биҳишт.
Сояҳо мегузаранд одамҳои боварнок;
Аммо сеюмҳо баҳс карда, мегӯянд,
Ки ин савораи турнаҳо [241]*

Следует отметить, что в результате анализа стихотворения «Луна на море» было выявлено, что таджикский поэт Гулназар Келди перевел содержание произведения несколько буквально. Разумеется, не каждое слово переведено по отдельности, нет, отнюдь. Просто из текста перевода видно, что поэт опирается на общий смысл произведения и схематично «копирует» образы, созданные автором. Безусловно, это его право, ведь поступи он иначе, может возникнуть проблема отдаления от текста оригинала и

появления на свет совсем другого произведения. Этот вопрос до сих пор остаётся риторическим.

Буквальный перевод причиняет огромный ущерб художественному произведению в особенности, поэтическому. В подобных переводах можно встретить слова, которые нарушают общую гармонию, созданную автором. При этом, таджикские эквиваленты звучат не совсем естественно и не могут отображать все своеобразие подлинника. По всей вероятности, переводчик должен всегда чувствовать ту тонкую грань, которую нельзя переступить, он обязан находить консенсус между собственным видением вопроса и сохранением сути оригинала.

Для наглядности сравним первое четверостишие оригинала и перевода. Вот как это звучит в переводе таджикского переводчика:

*Моҳ мегузорад баландихоро
Чун баҳри кабуд тиллоро.
Менӯшанд бо рафиқон дар киштии тез,
Оҳиста шароби гармро.*

*Проходит луна высоты,
Как синее море золотое.
Пьют с друзьями в корабле остроносой
Спокойно горячее вино.*

(Подстрочный перевод автора С.М.)

Недостаток переведенного стиха заключается в том, что поэт в некоторых случаях самостоятельно добавлял слова к тексту. Это нарушает основную идею автора и изменяет его содержание. В результате этого окончания перевода выглядят незаконченными или даже противоречащими исходному материалу:

Что это караваны лебедей.

Перевод:

Ки ин савораи турнаҳо.

В этой связи отметить важно, что в конце XX века и начале XXI века значительное количество желающих переводить творчество Николая Степановича Гумилева возросло. Их переводы включает глубокие анализы произведений писателя и создание новых интерпретаций этих работ для современников. Поэтому многие таджикские поэты обращаются к русской классической литературе, чтобы помимо наслаждения, которое они испытывают с ознакомлением произведений русских писателей, они учатся у них мастерству. При этом они стараются распространять свои знания о русской литературной традиции среди своих соотечественников, используя для этой цели родной язык. Таким образом, таджикские поэты играют важную роль в продвижении русской литературы и культуры в своей стране.

Рассмотрим перевод на таджикский язык стихотворения «Персидская миниатюра», которое перевел таджикский поэт Искандар Идиев, опубликованное в 1998 году в журнале «Садои Шарқ».

Необходимо отметить, что в формировании поэзии Н.С. Гумилёва значительную роль сыграли средневековые персидские миниатюры. Одним из проявлений этого влияния является стихотворение «Персидская миниатюра», включенное в сборник «Огненный столп» и в рукописный сборник «Персия» (1921), где ярко и образно отражен художественный мир Ирана.

Строфы этого произведения пронизаны влиянием персидских миниатюр, которые вдохновляли Гумилёва на создание многогранных образов и визуально насыщенных описаний. Этот стиль стал ключевым элементом его поэтического языка.

Действительно, несмотря на глубокую приверженность персидской культуре в своем творчестве, Н.С. Гумилёв так и не посетил Персию за время своей жизни. В 1917 году, находясь в Париже, поэт выразил желание быть направленным на Месопотамский фронт. Это стремление, вероятно, отражало его желание погрузиться в культуры, которые служили источником вдохновения для создания уникального поэтического наследия. «Пример

Кортеса меня взволновал, - писал Гумилёв Ларисе Рейснер 22 января 1917 г., - и я начал сильно подумывать о Персии. Почему бы мне на самом деле не заняться усмирением бахтиаров? Переведусь в Кавказскую армию, закажу себе малиновую черкеску, стану резидентом при дворе какого-нибудь беспокойного хана, и к концу войны кроме славы у меня будет еще дивная коллекция персидских миниатюр. А ведь вы знаете, что моя главная слабость – экзотическая живопись» [228]. Однако, несмотря на устремление посетить фронт в Месопотамии, Гумилёв так и не смог осуществить свое стремление. В результате этого он решил вернуться на родину. В своем стихотворении «Персидская миниатюра», включенном в рукописный сборник «Персия» (1921), Гумилёв выражает свои чувства следующим образом:

*«Когда я кончу наконец,
Игру в cache-cache со смертью хмурой,
То сделает меня Творец
Персидскою миниатюрой...»* [228, Т. 4, с. 70].

Поэт выражает свое стремление завершить определенный этап или этап своей жизни, что может быть связано с недопущением его путешествия на Месопотамский фронт. Это также может отражать его обратное движение к родной земле, что стало результатом несбыточных надежд на посещение персидских мест.

Перевод на таджикский язык:

*Вақте ки ман ниҳоят ба итмом мерасонам
Бози дар кэи-кэи бо марги гамангез,
Офаридгор маро месозад
Миниётураи форсӣ.*

Изучение перевода персидской миниатюры Н.С. Гумилева, выполненное таджикским переводчиком Искандаром Идиевым, показало, что можно в переводе достичь значительного успеха, если переводчик ставит цель найти соответствующие образы в национальном литературном

наследии, связанные с темой переводимого произведения. При изучении перевода персидской миниатюры Н.С. Гумилева И. Идиевым было установлено, что он вполне осознанно выбирает необходимые слова из своей собственной поэзии для передачи основных элементов оригинала, включая систему образов. Однако следует отметить, что эти образы благодаря интерпретации их автора получают особый чуждый характер.

Переходя к анализу других стихотворений поэта, вернёмся к вопросу о качестве их переводов на таджикский язык. Перевод стихотворения Н. Гумилёва «Любовь» был выполнен таджикским поэтом Хакназаром Гоибом и опубликован 28 августа 1987 году в газете «Рохи Ленини» [252]:

Оригинал:

*Надменный, как юноша, лирик
Вошёл, не стучая, в мой дом
И просто заметил, что в мире
Я должен грустить лишь о нём.*

*С капризной ужимкой захлопнул
Открытую книгу мою,
Туфлём лакированной топнул,
Едва проронив: не люблю.*

*Как смел он так пахнуть духами!
Так дерзко перстнями играть!
Как смел он засыпать цветами
Мой письменный стол и кровать!*

*Я из дому вышел со злостью,
Но он увязался за мной,*

*Стучит изумительной тростью
По звонким камням мостовой.*

*И стал я с тех пор сумасшедшим,
Не смею вернуться в свой дом
И всё говорю о пришедшем
Бесстыдным его языком.*

Перевод:

*Ҳамчун як чавони мағрур, лирик.
Ман ба хонаи худ ворид шудам, тақ-тақ накардам.
Ва танҳо пай бурд, ки дар чаҳон.
Ман бояд танҳо аз у ғамгин бошам.*

*Бо табассуми ҷаззоб зарба зад.
Китоби кушоди ман
Пойафзоли локдор муҳр зада,
Базӯр мегуяд: «Ман намехоҳам».*

*Чи гуна ӯ бӯйи атр дорад?
Пас, чуръати бозӣ бо ҳалқаҳо!
Чӣ гуна у бо гулҳо хоб рафтааст?
Мизи кори ва бистари ман!*

*Ман бо хаши аз хона баромада рафтам
Аммо ӯ аз паси ман рафт.
Бо асои аҷиб тақ-тақ мезанад
Дар сангҳои занги фарш*

*Ва аз он вақт ман девона шудам.
Ман чуръат намекунам ба хонаи худ баргардам
Ва ман дар бораи чизи нав ҳарф мезанам
Забони бешармонааш.*

Судя по подстрочному переводу, таджикский поэт Хакназар Гоиб только в некоторых случаях сохранил стиль подлинника. Например: *Надменный, как юноша, лирик – Ҳамчун як чавони мағрур, лирик; С капризной ужимкой захлопнул – Бо табассуми чаззоб зарба зад; Туфлей лакированной топнул – Пойафзоли локдор муҳр зада; Повеет ветер – и замрет. – Мевазад боду мешавад хомӯш...; Нежданной молнии игра – Мекашад барқ ногаҳон зи наём.* Все эти описания можно считать творческой находкой переводчика. Им сохранены ритм и размер текста оригинала. Вместе с тем, ему удалось передать дух стихотворения русского поэта.

В других сценариях переводчик стремится передать общий смысл стихов Н.С. Гумилева, не ограничиваясь строгим следованием оригинальному тексту. При более внимательном рассмотрении можно выявить некоторые добавления со стороны переводчика, но они не вносятся просто так. Переводчик нацелен на максимально точное воспроизведение стихотворения и в то же время стремится добавить собственную инновационную составляющую. К сожалению, по нашему мнению, такой подход может нанести ущерб стихотворению, поскольку переводчик использует множество фантазийных приемов для передачи смыслов и образов стихотворения, и, в определенном смысле, искажает его содержание. Тем не менее, мы считаем, что данный перевод не утратил суть самого стихотворения, поскольку переводчик использовал выразительные приемы для передачи смысла и образов, таких как надменный юноша, капризная ужимка, лакированная туфля, кристаллы мудрости, алмаз тверже, молнии верней, глаза, подобные святыне. В данном случае переводчик стремится воссоздать ситуацию в соответствии с собственным пониманием, что можно

рассматривать как высокую компетентность. Например, в отношении перевода таджикского поэта Мирзо Турсун-заде было замечено следующее: «Так должен ли переводчик скрупулезно точно переводить произведения писателей на другие языки? Если рассуждать логически – должен. Зачем писателю создавать свои произведения, если в будущем другие будут понимать это совершенно по-другому? Но литература – это не математика, которая с помощью формул передает предмет своего изучения. Литература – это зеркало души, благодаря синонимам или другим похожим по смыслу словам переводчик может безошибочно передать идею автора, его чувства, даже если перевод слово в слово не соответствует подлиннику».

Обратившись к русским классикам, многие таджикские переводчики всегда пытаются быть точными и тщательными в своём труде, чтобы передать каждый детальный момент произведения. Для них важно прежде всего сохранить авторское замысел и передать его читателям через свой перевод. Некоторые из них даже готовы провести долгие исследования, чтобы определить правильный контекст и точный перевод одного или нескольких терминов. Таким образом, работа таджикских переводчиков является важным компонентом культурного обмена между Россией и Таджикистаном.

Так, мы провели анализ нескольких произведений, переведенных на таджикский язык, и хотели бы выделить творческие достижения поэтов-переводчиков, таких как Хакназар Гоиб и Гулназар Келди, при их работе над стихами Н.С. Гумилева на таджикском языке.

Важно отметить, что несмотря на некоторые незначительные ошибки и неточности в переводах Хакназара Гоиба, вроде перевода фразы «Твои безумные глаза!» (Пай барам ман ба дил зи рахшаш меҳр), которые мы рассматриваем как незначительные, переводчик смог сохранить дух оригинала. Требуется более внимательная оценка трудов переводчиков, учитывая сложность их задачи. Наше удовлетворение от чтения произведений Н.С. Гумилева заключается в том, что таджикские читатели,

ознакомившиеся с его творчеством через интерпретацию таких известных поэтов, как Хакназар Гоиб и Гульназар Келди на своем родном языке, могут насладиться великолепием его произведений.

В целом, стихи Н.С. Гумилева, переведенные в период с 1960 по 1990 год, несмотря на некоторые недочеты, связанные с отсутствием опыта, не слишком отличаются от стилей переводов, выполненных в более поздний период XX столетия. Главное, что, начиная переводить произведения Н.С. Гумилева на свой родной язык, таджикские поэты-переводчики, такие как Гулназар Келди, Шамси Собир, Нарзи Обидов, Ш. Абдуллоев, Б. Муртазов, У. Холиков, Ф. Холбек и другие, привлекли широкую аудиторию к творчеству великого русского писателя и поэта на родном языке. Переводы произведений русской литературы на таджикский язык стали эффективным средством укрепления таджикской литературной реальности, важным фактором формирования и расцвета реалистических жанров прозы и поэзии в таджикской литературе наряду с различными романтическими традициями таджикской классики и народного творчества.

Особое место в творчестве Н.С. Гумилёва занимает стихотворение «Сон», которое перевел на таджикский язык известный таджикский поэт и переводчик Гулназар Келди.

Перевод стихотворения «Сон», был сделан таджикским поэтом в силу убеждения, что в современном обществе грани между понятиями «любовь» и «сострадание» полностью стерлись.

Когда Н.С. Гумилёв вернулся на свою родину, ему стало очень тяжело найти общий язык с окружающими людьми, которые стали менее коммуникабельны. Он стал замечать, как они замкнулись в себе, стали более чёрствыми к проблемам и судьбам других людей. Поэт сильно был огорчён, когда заметил, что многие люди потеряли своё сострадание и душевное тепло. Это настолько тронуло тонкую душу Н.С. Гумилёва, что он решил помочь людям открыть глаза и посмотреть на мир с другого ракурса. Возможно, эти мечты были несбыточными, но он не мог отказаться от них.

Поэтому он написал стихотворение «Мечты», которое выражает его желание помочь людям и показать им свой путь через жизнь. Хотя это стихотворение было одним из первых опытов поэта и написано несколько наивно, то есть не менее оно было опубликовано благодаря тому, что Гумилев был настоящим художником и страстно верил в свои идеалы.

Перевод Гулназара Келди близок к оригиналу, так переводчик сохраняет способ передачи слова методом перечисления фактов, событий, эмоций, что создаёт глубокий слуховой эффект. Поэт как бы нанизывает жемчужины слов на нить событий. Контраст между речью автора и отвечающей ему красавицы придаёт эффект диалога и жанра «бадеха» или художественного приёма «лаффу нашр», который широко распространён в таджикской поэзии. Краткость и лаконичность ответов красавицы придаёт особый эффект её лиричности и кокетства.

Итак, переводы таджикских поэтов-переводчиков характеризуются высоким профессионализмом, достаточно ответственным подходом к решению задачи, способностью передать лиризм и выразительность, соответствующие стилю Н.С. Гумилёва. В процессе осуществления своих переводов таджикские поэты придерживаются как канонических требований метрической системы аруз, столь характерной для всей персидско-таджикской поэзии классического периода, так и широко применяют вольные интерпретации, так называемые «белые стихи», которые в современной таджикской поэзии пользуются большой популярностью. Однако тексты переводов порой содержат и ряд неточностей, которые приводят к искажению содержания, и как следствие, к понижению степени воздействия. Например, в оригинале стихотворения Н.С. Гумилёва «Игрою счастья обиженных родов» содержится намек на опальных героев, многие из которых принадлежали к старинной аристократии. Здесь Н.С. Гумилёв с гневом обрушивается на самозванцев и выскочек.

Однако в переводе слово «бенасиб» («обездоленный») не передает того глубокого подтекста, который является органической частью

художественной системы поэта. Поэтому этот отрывок в переводе А. Мухтора звучит не так сильно и эмоционально, как в оригинале. Например, устойчивое в русском языке выражение «Игра счастья» поэтом Шамси Собиром переведено на таджикский язык слишком прямолинейно, в словосочетании «бахти ширин», что создаёт некоторый дискомфорт от этой искусственности. «Игра судьбы» адекватна «Игре счастья», для таджикского читателя это выражение звучит поэтично и сильно.

В следующем отрывке почти каждое слово несет большую эмоциональную нагрузку, в нем воссоздана вся глубина и значительность мысли Гумилёва.

Воспоминание

*Над пучиной в полуденный час
Пляшут искры, и солнце лучится,
И рыдает молчанием глаз
Далеко залетевшая птица.
Заманила зеленая сеть
И окутала взоры туманом,
Ей осталось лететь и лететь
До конца над немым океаном.
Прихотливые вихри влекут,
Бесполезны мольбы и усилья,
И на землю ее не вернут
Утомленные белые крылья.
И когда я увидел твой взор,
Где печальные скрылись зарницы,
Я заметил в нем тот же укор,
Тот же ужас измученной птицы.*

Перевод стихотворения на таджикский язык:

Андешаҳо:

*Рахшида маҳ дар осмон,
Шаб хаймааш бардошта,
Боди муаттар субҳдам
Атри баҳорӣ кошта.
Андар канори бешаҳо
Хомӯш савти булбулон,
Дар подачаро подаҳо
Рафтанд бар хоби гарон.
Ин кулбаи осуда ҳам
Шаб чодаре пӯшидааст.
Оташ бисӯзад дар камин,
Шамъаш вале фарсудааст.
Акси худоён зиннате
Бидҳад бари деворҳо
Чашмак занад пилтачарог
Дар дидаи бедорҳо.
Фаркам ба дарёи хаёл
Гӯё шиновар моҳиям,
Андешаҳо гашта анис
Дар бистари танҳоиям.*

Для большей выразительности переводчик использует поэтическое словосочетание «бистари танҳой» – «ложе одиночества», которое отсутствует в подлиннике, но оно логически обусловлено в поэзии Н.С. Гумилёва.

Для того чтобы создать новую версию произведения на другом языке, переводчику необходимо учитывать все аспекты оригинала, включая движение, которое является самым важным средством для раскрытия идеи.

Однако остается открытым вопрос: способна ли переводческая технология передать движение вместе с изменением структуры повествования? Конечно, да, хотя в таджикском языке отсутствует возможность использования диапазонов (диподии) и монополий. Однако значение ритма, взятого в отрыве, без контекста произведения, не имеет ничего общего с эмоциональным уровнем или смыслом текста. Стремясь воссоздать произведение на другом языке, переводчику необходимо обратить внимание на все элементы оригинала, включая движение, которое является важным средством для раскрытия идеи.

Важен ритм композиции, но только на том уровне, на котором он передает содержание. Если переводчик, нарушая правила метрики и языка, удастся скопировать диплодии, то его перевод будет далек от поэтической правды. Несомненно, переводчикам следует искать средства для сохранения баланса между исходными и литературными элементами текста перевода. Таджикский язык, звучащий мелодично и выразительно, предоставляет широкие возможности для воспроизведения разных вариантов ритмов.

Таджикские переводчики стремятся передать читателям ритмическую особенность оригинала. Однако в некоторых случаях можно высказать сомнения по поводу некоторых работ таджикских переводчиков, поскольку в них может быть утрачена эстетическая ценность перевода, и их тексты не всегда можно рассматривать как явления, внесшие вклад в таджикскую литературу.

Без сомнения, средства таджикского стихотворного стиля не могут полностью воссоздать точное звучание стихов Н.С. Гумилёва. Это не обязательно, так как целью переводчика не должна быть точная копия размера, чтобы создать у таджикского читателя тех же эмоций, которые вызывают оригинальные стихи. Переводчику должно найти соответствующий размер в таджикском стихотворении Н.С. Гумилёва, который наиболее точно передаёт содержание оригинала. Его стихи требуют воссоздания на другом языке также легким, энергичным и коротким. Он

должен звучать более живым и достоверным, чем оригинал. Длина стиха является одним из важнейших элементов общего звучания этого произведения, и её сохранение поможет переводчику воспроизводить оригинал.

Перевод стихотворения «Сон» отличается от оригинала не только количественно, но также качественными особенностями. Он имеет один размах между первыми двумя словами, то есть ритмическую паузу, которая соответствует той же паузе в тексте оригинала. Это позволяет переводчику более точно передавать идеи автора и создавать более живую картинку для читателя. В результате перевод этого стихотворения прекрасно сохраняет структурную связь и интонацию оригинала, а также передает ее философское содержание через свою музыкальность и энергетическую динамику.

Стихотворение было написано с использованием широкого диапазона метрических форм, включая различные типы стоп и размеров. Особенно замечательны некоторые места, где переводчик использует несколько разных метров в одной строке или даже в нескольких строк вместе. Такой подход создает ощущение движения и напряженности, которые помогают передать сильное эмоциональное воздействие.

Таким образом, этот перевод показывает высокий уровень мастерства и творческого воображения переводчика, который сумел передать все важные стороны поэмы через свой собственный языковой пейзаж. Его работа создала новую интерпретацию оригинала, которую можно рассмотреть, как самостоятельное произведение искусства.

Из всех рассмотренных примеров одним из наиболее удачных нам представляется перевод стихотворения «Путешествие». Оно переведено также Гульназаром Келди в размере маснави (аа, бб, вв, гг ...). В таджикской литературе этим размером создана большая часть стихотворных произведений. Благодаря опыту талантливых таджикских переводчиков этот размер закрепил за собой право на соответствие русскому размеру. Но, тем

не менее, размер стиха является как бы канвой, и от правильности его выбора нередко зависит судьба произведения.

Вместе с тем, нам известно, что некоторые таджикские переводчики руководствуются только собственной интуицией при выполнении своих задач. Без сомнения, это дает им возможность проводить эксперименты и заниматься творчеством. Они могут самостоятельно выбирать слова и структуры, чтобы найти наилучший вариант.

Приведём перевод стихотворения Н.С. Гумилёва на таджикский язык:

Душина ман бо афсаре

Бинишста даври согаре

Хотирпарешу хастадил,

Чашмам ба раҳи дилбаре.

Гуфто: чаро чашмат ба роҳ,

Эй гурдмарди некрӯ,

Бо дӯстони худ видоъ

Нанмудай ҳоло, бигӯ?

Если провести версификацию содержания и формы таджикского перевода с текстом оригинала, то в обоих текстах обнаруживаются специфические особенности, которых нет в противоположном тексте. Сюда относятся, как детали описания автора и переводчика, так и применённые ими художественные средства. Поэтому, на наш взгляд, при анализе двух текстов было бы целесообразно представить некую схему или таблицу сопоставляемых верификационных систем. До настоящего времени не существует руководства, которое бы предоставило сравнительный анализ национальных систем стихотворного искусства с другими языками. Это обусловлено тем, что вопросы передачи метрической формы, тематики при переводе русской литературной продукции на узбекский язык были рассмотрены М.М. Расули во время работы над переводами произведений русских поэтов на языки народов Средней Азии [176; 172]. Однако

таджикское стихотворение имеет свой особый характер, отличный от русского классического стиха, такой как стихотворение Н.С. Гумилева. Поэтому его основы и установки являются совершенно различными.

Следует подчеркнуть, что Н.С. Гумилёвым написано большое количество художественных произведений, которые отличаются оригинальностью не только тематической канвы, но и формы, в особенности рифмовки и размера. К примеру, слоги внутри стихотворений, посвящённых восточной теме, объединяются в определенные группы, которые последовательно повторяются в стихотворении. После каждой из них обязательна пауза-цезура, после главной группы – большая пауза (большая цезура). Последовательное повторение размеров в группе в таджикском языке называется «вазн» (условно – размер). Стихотворения русского поэта являются также отличными ритмическими определителями. В таджикской литературе мы встречаем различные формы художественного перевода этих размеров, часть из которых стала удачной находкой для отечественной переводной поэзии.

Однако следует отметить, что большинство переводчиков игнорируют ритмику стихотворения, в результате чего их переводы дают лишь самое общее и поверхностное представление о творчестве Н.С. Гумилёва. Следует отметить, что при этом в тени остаётся роль нововведения, осуществлённого автором при написании своего стихотворения.

Анализ перевода произведений Н.С. Гумилева на таджикский язык показал важность правильного размера и ритма при переводах. Ритм играет важную роль в создании атмосферы произведения и его эмоционального звучания вместе с другими факторами стиха. Однако механично восстановленные ямбы не будут вызывать тех же эмоций, что и исходная версия на русском языке. Поэтому необходимым условием является достижение естественного звучания перевода и соответствие ему контексту оригинала. В этом случае говорится о достаточном (адекватном) ритме.

Уникальный синтез между метром и содержанием поэзии Н.С. Гумилева поражает многих исследователей. Невозможно полностью восстановить этот синтез средствами таджикского стиха и это не обязательно нужно делать так. Лучше всего воспроизводить функцию и характер различных размеров метров. Это позволит таджикскому читателю лучше понимать связь Н.С. Гумилева с его содержанием, интонациями и особенностями его творчества. Надо отметить, что в творчестве русского писателя образ русского народа проходит красной нитью по всему его творчеству Н.С. Гумилёва. Художественное решение этого глобального образа приводит писателя к пониманию того, что преобладавшая до революции форма сентиментально-приключенческого повествования не может в новых –послеоктябрьских условиях оставаться основным, единственным жанром художественной поэзии.

В произведениях русского писателя имеется главное, динамика развития образа, история формирования личности, и это понимал Н.С. Гумилёв, который является глубоким психологом, Конечно, в поисках новых путей выражения реальных проблем нового общества, в способах показа новых условий жизни переводчиками Н.С. Гумилёва не мог обойдён вниманием опыт классической литературы, накопленный не только в прозаических жанрах, но и в поэзии за тысячелетия существования таджикского стихах.

Первые художественные поэтические произведения Н.С. Гумилёва были как бы прямым продолжением старых традиций – это стихи «Девушки», «Сон», «Ночь в Персии». Но обращение к новому материалу, к фактам обновленной революционными переменами жизни общества все острее наталкивало Н.С. Гумилёва на мысль о необходимости создания такого жанра литературы, который бы синтезировал опыт прошлого и на основе социально-исторического и философского осмысления этого опыта помог запечатлеть судьбы народа, постичь сложные, зачастую

противоречивые характеры людей из разных слоев общества, ввергнутых революцией в коренную перестройку классов.

Необходимо отметить, что перевод русской литературы вызван потребностями русского языка как средства межнационального общения, и эта потребность остается великой и в настоящее время: литературные связи Таджикистана с Россией не утратили своей динамики, что делает необходимым предъявления высоких требований к уровню изучения художественного перевода произведений великого русского поэта.

Общепризнано, что одной из основных задач по изучению перевода произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык является «создание различных серий словарей нарастающей трудности».

Переводы художественных произведений русского писателя вызваны различными факторами, которые оказывают действующее влияние на расширение принимаемого литературоведческого материала. Это указывает на возможность обработки переводных текстов, отбора материала, его структуры, лингвистического и методического освещения. Словарь по отношению к изучаемым языкам, который является вторым языком, в определенной степени выступает в роли учителя.

Итак, разработка основных методов создания перевода вообще и в системе художественного перевода в частности, выявление наиболее рациональных принципов построения были и находятся постоянно в центре внимания лексикографов и литературоведов.

Во всех переводах размер стихотворений выбран правильно.

Проанализируем перевод стихотворения «Девушки» «Духтарон» с позиции его реалистического соответствия оригиналу. Стихотворение написано реалистическим методом. Стих жив и гибок, что просматривается и в переводе. В переводе стихотворения удлинение слов проявляется в словах «нависондан» – писать, «расм кашидан» – рисовать, переводчик вместо «давидан» – бежать использует глагол «паридан» – летать и т. д.

Сжатое стихотворение требует воспроизведения на другом языке в легкой, энергичной, короткой форме. Очевидно, что длина строки в стихотворении, как один из основных элементов, играет значительную роль в общем звучании произведения, и её сохранение позволяет переводчику наиболее точно передать оригинал.

Текст перевода данного стихотворения Н.С. Гумилёва близок к оригиналу не только по длине строки. Он имеет одну цезуру после первого компонента, т. е. ритмическая пауза его стиха совпадает с паузой оригинала, проходящей после второй части, что максимально приближает перевод к тексту стихотворения русского поэта.

Самым высоким по степени художественности представляется перевод Гулназара Келди в стихотворении «Ночь в Персии». Создаётся впечатление, что и сам переводчик отдаёт себе отчет всей ответственности перевода данного произведения. Ранее в нашем исследовании мы обстоятельно рассматривали это великолепное стихотворение с точки зрения его формы и содержания. Здесь же хотелось бы только отметить, что перевод Гулназара, опубликованный в 2014 году в газете «Адабиёт ва санъат», на сегодняшний день считается одним из наиболее успешных в таджикской переводной поэзии.

При создании стихотворений использовано очень большое количество слов, потому что русский поэт экспериментировал также и над использованием различных жанров литературы, стремясь сделать стиль изложения выразительным. Можно утверждать, что в настоящее время такой стиль написания стихов успешно используется современными поэтами.

Надо сказать, что восточная тематика ещё в средние века привлекала внимание западноевропейского и русского читателя. Достаточно вспомнить о «путешествии» с контента на континент и из века в век лирического стихотворения Гейне о пальме на восточный (арабский) сюжет, до того как оно стало достоянием русской литературы в переводах Лермонтова, Тютчева, Фета, а в впоследствии осуществилось в таджикском переводе Юсуфи с

русского, как оригинального творения Лермонтова. Систематическое исследование восточной тематики в творчестве русских писателей прошлого и современности содействовало бы определению специфики и природы е таджикско-русских и русско-таджикских связей, имеющих столь глубокие исторические корни, пока освещённые в науке о литературе в фрагментарной форме.

Восточная тематика оказывала значительное влияние на литературу западной Европы и России ещё в средние века. Сюжеты, пронизанные восточным колоритом, привлекали внимание читателей и становились объектами творчества известных писателей. Примером этому служит «путешествие» с контента на континент, когда литературные произведения переносят читателей в восточные края. Лирическое стихотворение Гейне о пальме на восточном (арабском) сюжете является отличным представителем этого интереса.

Русская литература также не осталась в стороне от восточного влияния. Переводы произведений, начиная от Лермонтова и Тютчева, до Фета, расширили кругозор читателей и внесли вклад в формирование таджикско-русских литературных связей. Интересно отметить, что тема востока продолжила свой путь в таджикской литературной среде, как в переводах с русского, так и в виде оригинальных произведений, таких как таджикский перевод Юсуфи произведения Лермонтова.

Систематическое исследование восточной тематики в творчестве русских писателей прошлого и настоящего способствовало бы более глубокому пониманию природы таджикско-русских и русско-таджикских литературных связей. Несмотря на их историческую глубину, эти связи остаются недостаточно освещёнными в литературной науке и требуют более систематического изучения.

Выводы по II главе:

Н.С. Гумилёв широко пользовался почти всеми размерами русского стихотворения. Им создано поразительное разнообразие ритмов – от

плавного, тягучего до стремительного, безостановочного. Такое разнообразие форм стихотворения получило в его творчестве исключительное развитие. Большая часть его поэтических произведений написана именно в экспериментальных формах и размерах, поэтому его смело можно назвать основоположником не практикующихся на момент его жизни жанров и размеров поэзии.

По итогам анализов переводов произведений Н.С. Гумилева на таджикский язык мы можем сделать следующие выводы.

Проза Н.С. Гумилёва, несмотря на последнее увеличение интереса к ней, требует всестороннего и системного исследования. Отделенность произведений Гумилёва от общего культурного процесса, вызванная нелитературными факторами, заставляет исследователей пересматривать его творчество, подчеркивая их зависимость от устоявшихся в зарубежной науке стереотипов, связанных с различными аспектами «преодоления символизма».

Отметим ряд удачных находок таджикских переводчиков прозы Н.С. Гумилева. Так, в переводе романа «Черный генерал» Р. Хошим удачно передает использованный Н.С. Гумилёвым эффективный прозаический прием противопоставления образов протагониста и антагониста.

В свою очередь, Р. Джалил мастерски использовал стилистические возможности таджикского языка для описания персонажей в том же произведении. Также переводчику удалось качественно передать языковые особенности текста в переводе архаизмов.

Наиболее высоких успехов в передаче стилевой специфики прозы Н.С. Гумилева достиг Ш. Собир, сохранив в таджикском переводе торжественно-эпическую манеру повествования автора.

Исходя из этого, можно с уверенностью утверждать, что все три переводчика добились определённых успехов в передаче смысла произведения, его жанровых, сюжетных и стилистических особенностей.

Однако, при всем при этом, приходится констатировать, что общее звучание переводов таджикских переводчиков всё ещё весьма далеко от

оригиналов произведений Гумилёва, о чём мы не однократно упоминали в своём диссертационном исследовании.

Мы считаем, что это связано с недостаточным пониманием внутреннего мира русского литератора, недостаточной степенью изученности его творчества таджикскими литературоведами и недостаточным донесением его идей до внимания наших читателей, что также мы считаем связанным с таким фактором, как отчуждённость литературы советского периода от мировоззрений и миропонимания Н.С. Гумилёва.

Также в рамках нашего диссертационного исследования были проанализированы поэтические произведения Н.С. Гумилева, и мы пришли к выводу, что таджикские поэты-переводчики, такие как Х. Гоиб и Г. Келди добились определённых успехов в переводе стихов Н.С. Гумилёва на таджикский язык.

Переводы таджикских поэтов-переводчиков отличаются достаточно ответственным подходом к решению задачи, большим лиризмом и выразительностью, соответствующим стилю Н.С. Гумилёва. В процессе осуществления своих переводов таджикские поэты придерживаются как канонических требований метрической системы аруз, столь характерной для всей персидско-таджикской поэзии классического периода, так и широко применяют вольные интерпретации, так называемые «белые стихи», которые в современной таджикской поэзии пользуются большой популярностью. Тем неимение, отдельные переводы иногда содержат и ряд неточностей, которые приводят к искажению содержания, и как следствие, к понижению степени воздействия на читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении данной диссертации можно подчеркнуть значимость исследования особенностей перевода произведений Н.С. Гумилёва на таджикский язык. Анализируя переводческий процесс, мы обнаружили, что переводчики сталкиваются с рядом сложностей, связанных не только с лингвистическими особенностями обоих языков, но и с особым стилем и метафорикой самого автора.

Исследование выявило, что переводчики активно использовали различные стратегии адаптации для передачи глубокого смысла и художественной ценности произведений Гумилёва. При этом особое внимание уделялось сохранению культурных и исторических нюансов, что способствует более полному восприятию таджикской аудиторией творчества поэта.

Таким образом, суммировав выводы, сделанные в ходе настоящего диссертационной работы, можно подвести итоги поставленной перед ней цели исследования переводов произведений Н.С. Гумилева на таджикский язык. По результатам двух глав настоящего исследования были сделаны следующие заключения:

1) Выявлено, что искусство литературы является формой общения через письменную речь с использованием средств художественной выразительности и благодаря переводу литературных произведений одной страны или языковой группы на другую, больше людей могут узнать о других культурах и литературе других народов. Это делает возможным более глубокое понимание и согласование разных культур.

2) Определено, что переводчики художественной литературы играют важную роль, выступая посредниками между этими культурами и носителями разных языков, создавая принципиально новую среду для общения и сотрудничества между народами.

3) Установлены конкретные черты художественного перевода: а) взаимодействие не только языковых систем, но и культурных ценностей; б) взаимодействие личностей автора текста и переводчика текста; в) интерпретационный характер, при этом число интерпретаций практически неограниченно; г) особый подход в передаче образности лексики и общего стиля текста; д) особый подход в передаче культурных реалий; е) выражение национально-культурной окраски, авторского стиля, смысловая емкость; ё) разработка стратегии переводческих трансформаций, исходя из целей перевода.

4) Выявлена закономерность между количеством символов, уровнем смыслового анализа и трудоемкостью художественного перевода. Чем больше символов и уровень смысловых интерпретаций в исходном произведении, тем меньше вероятность полностью успешного перевода. Это связано с различными культурами автора и переводчика, которые могут иметь разные значения слова или же использовать те же самые слова с разными контекстами.

5) Определена главная цель переводчика художественных текстов – создать новый текст, который будет эквивалентом первого, включающий все его качества, но преобразованный для другого языкового сообщества. Он должен уловить культурные особенности оригинального текста и найти соответствующие термины для перевода. Кроме того, он может столкнуться с необходимостью изменить структуру текста или даже стиль написания, чтобы достичь более высокого уровня искусства.

6) Установлено, что переводы русской литературы на таджикский язык стали своего рода школой мастерства для таджикских поэтов и писателей своего времени. Поэтому важно соблюдать основные правила художественного перевода, такие как единство формы и содержания, сохранение национальных и культурных особенностей, а также учитывать технические и философские аспекты этого процесса.

7) Проведена и охарактеризована периодизация истории таджикского художественного перевода, которая включила шесть отрезков времени. Пятый период развития истории художественного перевода в Таджикистане стал наиболее ярким, плодотворным и продуктивным. Результаты такой активной работы выразились в накоплении огромного количества материала по переводу, что дало возможность создать серьезную базу для теории перевода.

8) Установлено, что Н.С. Гумилёв широко пользовался почти всеми размерами русского стихотворения. Им создано поразительное разнообразие ритмов- от плавного, тягучего до стремительного, безостановочного. Такое разнообразие форм стихотворения получило в его творчестве исключительное развитие. Большая часть его поэтических произведений написана именно в экспериментальных формах и размерах, поэтому его смело можно назвать основоположником не практикующихся на момент его жизни жанров и размеров поэзии.

9) Был выявлен ряд удачных находок таджикских переводчиков прозы Н.С. Гумилева. Так, в переводе романа «Черный генерал» Р. Хошим удачно передает использованный Н.С. Гумилёвым эффективный прозаический прием противопоставления образов протагониста и антагониста.

В свою очередь Р. Джалил мастерски использовал стилистические возможности таджикского языка для описания персонажей в том же произведении. Также переводчику удалось качественно передать языковые особенности текста в переводе архаизмов.

Наиболее высоких успехов в передаче стилевой специфики прозы Н.С. Гумилева достиг Ш. Собир, сумевший сохранить в таджикском переводе торжественно-эпическую манеру повествования автора.

10) Общее звучание переводов таджикских переводчиков всё ещё, к сожалению, весьма далеко от оригиналов произведений Н.С. Гумилёва. На наш взгляд, это связано с недостаточным пониманием внутреннего мира русского литератора, недостаточной степенью изученности его творчества

таджикскими литературоведами и недостаточным донесением его идей до внимания таджикского читателя, что также мы считаем связанным с таким фактором, как отчуждённость литературы советского периода от мировоззрений и миропонимания Н.С. Гумилёва.

В ходе анализа поэтических произведений Н.С. Гумилева, было установлено, что таджикские поэты-переводчики, такие как Х. Гоиб и Г. Келди добились определённых успехов в переводе стихов Н.С. Гумилёва на таджикский язык.

Переводы таджикских поэтов-переводчиков отличаются достаточно ответственным подходом к решению задачи, большим лиризмом и выразительностью, соответствующим стилю Н.С. Гумилёва. В процессе осуществления своих переводов таджикские поэты придерживаются как канонических требований метрической системы аруз, столь характерной для всей персидско-таджикской поэзии классического периода, так и широко применяют вольные интерпретации, так называемые «белые стихи», которые в современной таджикской поэзии пользуются большой популярностью. Однако тексты переводов порой содержат и ряд неточностей, которые приводят к искажению содержания, и как следствие, к понижению степени воздействия на читателя.

На современном этапе высокоразвитых коммуникационных и культурологических связей с целью их дальнейшего развития и совершенствования таджикском ученым следует активизировать исследования в такой интересной и актуальной отрасли как правоведение.

Список источников и литературы:

1. Абдусаломова, М.А. Художественный перевод в призме культурных и литературных традиций [Электронный ресурс] / М.А. Абдусаломова. – 2022. – №105.
2. Абдуллоева, У.Б. Художественный билингвизм в творчестве Садриддина Айни: автореф. дис. ...филолог. наук: 10. 01. 03 / Абдуллоева Умедахон Бекмуродовна [Таджикский национальный университет]. – Душанбе, 2010. – 22 с.
3. Адамович, Г.В.Н.С. Гумилёв / Г.В. Адамович // Одиночество и свобода. – М.: Республика, 1966. – С. 37-52.
4. Адамович, Г.В. Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Г.В. Адамович. –М., 1994. – 453 с.
5. Адамович, Г. Критическая проза / Г. Адамович. – М.: Изд-во: Лит. ин-та им. А.М. Горького, 1996. – 384с.
6. Айни, С. Воспоминания (Бухара) (1878-1954) / С. Айни. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. – 308с.
7. Айхенвальд, Ю.И.Н.С. Гумилёв / Ю.И. Айхенвальд // Избранная проза. Книга для ученика и учителя / под ред. А.С. Гуровой. –М.: Олимп, 1996. – С. 579-609.
8. Айхенвальд, Ю.И.Н.С. Гумилёв / Ю.И. Айхенвальд // Силуэты русских писателей. – М.: Республика, 1998. – С. 115-132.
9. Альберт, Д.И. Проблема памяти в системе этико-философских и эстетических взглядов Н.С. Гумилёва / Д.И. Альберт // Вопросы русской литературы. – Львов: Изд-во при ЛГУ издательского объединения «Высшая школа», 1983. – Вып. 1(41). – С. 113-120.
10. Антонов, С.П.Н.С. Гумилёв / С.П. Антонов // От первого лица. –М.: Советский писатель, 1973. – С. 42-89.

11. Архангельский, А.Н. Последний классик / А.Н. Архангельский // Н.С. Гумилёв. Избранная проза. Книга для ученика и учителя / под ред. А.С. Гуровой. – М.: Олимп, 1996. – С. 5-19.
12. Афанасьев, В.Н. Н.С. Гумилёв / В.Н. Афанасьев. – М.: Просвещение, 1966. – 385 с.
13. Афонин, Л. Н. Н.С. Гумилёв. Памятка читателю / Л.Н. Афонин. – Орёл, 1958. – 50 с.
14. Авас Х. Творческая работа или просто обычное ремесло /. 1720. – 164 с. 85.
15. Ахматова, А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Стихотворения 1904-1941 гг. – М.: Эллис-Лак, 1998. – 284с.
16. Ахрори, Х. И в сердце, и на устах / Х. Ахрори. – Душанбе, 1984. – 158 с.
17. Ахунова, Н.Н. Перевод художественной литературы / Н.Н. Ахунова // Наука и образование сегодня. – 2020. – №12. – С. 59-64.
18. Бабореко, А.К. Примечания к первому тому «Собрания сочинений Н.С. Гумилёва» / А.К. Бабореко // Гумилёв Н.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. – М.: Худож. Литература, 1965. – С. 520-577.
19. Бабореко, А.К. Тень Птицы / А.К. Бабореко, О.Н. Михайлов, В.М. Смирин // Гумилёв Н.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. – М.: Худож. лит-ра, 1965. – С. 483-501.
20. Бабореко, А.К. Н.С. Гумилёв. Материалы для биографии с 1870 по 1917 год / А.К. Бабореко. – М.: Худож. лит-ра, 1983. – 352 с.
21. Бадалов, Б.К. История переводов произведений Н.В. Гоголя: опыт сравнительно-типологического исследования в таджикской литературе: дис... канд. филол. наук: 10. 01. 03 / Бадалов Бадал Каримович. – Душанбе, 2004. – 167с.
22. Базылев, В.Н. Художественный перевод / В.Н. Базылев // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): Терминологический словарь-справочник. – М., 2010. – С. 92-98.

23. Байэшанов, М. Западно-восточный синтез в творчестве Н. Гумилева / М. Байэшанов // Academic research in educational sciences. – 2022. – №3. – С. 863-873.
24. Баялинов, К. Русское братство / К. Баялинов. – М.: Изд-во: Сов. Писатель, 1972. – 344с.
25. Белавина, Е.М. Французские стихи Николая Гумилева / Е.М. Белавина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. «Филология. Журналистика». – 2022. – Т. 22, вып. 4. – С. 428-433.
26. Белинский, В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5 / В.Г. Белинский. – М.: АН СССР, 1953-1959. – 860 с.
27. Белинский, В.Г. О классиках русской литературы / В.Г. Белинский; сост. А.Н. Дубовиков. – М.; Л.: Детгиз, 1948. – 360 с. То же: М.; Л.: Детгиз, 1950. – 360с.
28. Белый, А., Свасьян, К.А. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / А. Белый, К.А. Свасьян; пред. науч. -ред. совета В.С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – 2816с.
29. Бердяев, Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском / Н.А. Бердяев. – СПб.: Электрическая типография, 1901. – 268с.
30. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета / в русском переводе. – Chicago, Box 516, IL 60690-0516 USA, 1989. – 300 с.
31. Блок, А. «Без божества, без вдохновенья» (Цех акмеистов) – А. Блок // Гумилев Н. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – С. 398-407.
32. Блок, А. Записные книжки / А. Блок. – М.: Вагриус, 2000. – 157с.
33. Блюм, А.В. Литературный источник «Грамматики любви» / А.В. Блюм // Наука и жизнь. – 1970. – №9. – С. 60-63.
34. Блюм, А.В. «Под серпом и молотом» (Гумилёв в советской цензуре) / А.В. Блюм // Звезда. – 1995. – №10. – С. 131-137.

35. Бобоев, М.А. Гумилёв и восточная литература / М.А. Бобоев // Памир. – 1994. – №3. – С. 68-70.
36. Бобокулов, Дж.А. Художественно-стилистические особенности перевода произведений Ивана Бунина на таджикский язык: дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 03 / Бобокулов Джумахон Алиевич [Таджикский национальный университет]. – Душанбе, 2016. – 152 с.
37. Брагинский, И.С. Проблемы востоковедения: Актуальные вопросы восточного литературоведения / И.С. Брагинский. – М.: Наука, 1974. – 493с.
38. Бронгулеев, В.В. Посредине странствия земного / В.В. Бронгулеев. – М.: Мысль, 1995. – 351 с.
39. Брюсов, В. Биография писателя / В. Брюсов. – М.: Просвещение, 1992. – 160с.
40. Брюсов, В. Из моей жизни. Автобиографическая и мемуарная проза / В. Брюсов. – М.: Изд. центр «Терра», 1994. – 269 с.
41. Брюсов, В. О Гумилеве // Печать и революция. – 1923. – № 3. – С. 96-100.
42. Булгаков, С.С. Хоружий // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч. -ред. совета В.В. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – 816с.
43. Бунинский сборник: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Н.С. Гумилёва. 19-22 окт. 1970 г. / Орловский гос. пед. ин-т; Курский гос. пед. ин-т; отв. ред. А.И. Гаврилов. – Орёл, 1974. – 362 с.
44. Бурова, Г.П. «Земля зовёт: спешите любить, творить». О стихотворении Н.С. Гумилёва «Ночные цикады» / Г.П. Бурова // Русская речь. – 1989. – №6. – С. 102-104.
45. Васильев, Р.С. Поэтический перевод школа мастерства / Р.С. Васильев. – М.: Наука, 1998. – 265 с.
46. Васильев, Р.С. Штабс-капитан «Русский Легион Чести» / Р.С. Васильев // Лит. Россия. – 1994. – № 12 (1624).

47. Васильева, М.Ю. Вечный мир / М.Ю. Васильева // Сборник Международный энциклопедический словарь «Глобалистика». – М.; СПб.; Нью Йорк: Изд-во Центр ЕЛИМА; Изд. дом «Питер», 2006. – С. 101-102.
48. Виноградов, В.О. Поэзия Анны Ахматовой: Стилистические наброски / В.О. Виноградов. – Л.: Изд-во Фонетического ин-та яз., 1925. – 164 с.
49. Верховский, Ю. Путь поэта. О поэзии Н.С. Гумилёва / Ю. Верховский // Совр. лит-ра. – Л., 1925. – С. 93-143.
50. Верховский, Ю. Струны: Собрание сочинений / Ю. Верховский; сост., подгот. текста, статья и коммент. В. Калмыковой. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 928 с. (Серия «Серебряный век. Паралипоменон»).
51. Владиславлев, И.В. Литература великого десятилетия [1917-1927]. Т. I / И.В. Владиславлев. – М.: Гос. изд., 1928. – 300с.
52. Волков, А.А. Проза Николая Гумилёва / А.А. Волков. – М.: Московский рабочий, 1969. – 448 с.
53. Волошин, М.А. Лики творчества / М.А. Волошин. – Л.: Наука, 1989. – 848с.
54. Выготский, Л.С. «Лёгкое дыхание» / Л.С. Выготский // Психология искусства. – М., 1968. – С. 187-208.
55. Галимова, М. Восточная литература и эпоха величественного взаимопроникновения русской и таджикской литературы / М. Галимова // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С. Айни, 2019. – №4 (81). – С. 160-164.
56. Гачечиладзе, Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г.Р. Гачечиладзе. – М.: Сов. писатель, 1972. – 637 с.
57. Гачечиладзе, Г.Р. Введение в теорию художественного перевода / Г.Р. Гачечиладзе. – Тбилиси, 1970. – 116 с.
58. Гейдеко, В.А.А. Чехов и Н. Гумилёв / В.А. Гейдеко. – М.: Сов. писатель, 1987. – 370 с.

59. Гершензон, М.О. Николай Гумилёв. Т. 4 / М.О. Гершензон // Вестник Европы. – 1908. – №6. – С. 841-844.
60. Гиппиус, З.Н. Литературный дневник / З.Н. Гиппиус // Русская мысль. – 1911. – №6. – С. 15-16.
61. Голотина, Г.А. Эволюция темы природы в лирике Н. Гумилёва 1900-х годов / Г.А. Голотина // Николай Гумилёв и литературный процесс начала XX века (до 1917 года). – Л.: ЛГПИ, 1985. – С. 82-100.
62. Гольдциер, И. Избранные сочинения / И. Гольдциер. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. V. – 564 с.
63. Горбачёв, Г. Очерки современной русской литературы / Г. Горбачёв. – М., 1924. – 182с.
64. Гончаров, Ю.Д. Воспоминания Паустовского. Предки Гумилёва / Ю.Д. Гончаров. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1972. – С. 79-173.
65. Горелов, А.Е. Звезда одинокая. Н. Гумилёв / А.Е. Горелов // Три судьбы. – Л., 1980. – С. 275-622.
66. Горький, А.М. Примечания к пятому тому «Собрания сочинений Н.С. Гумилёва» / А.М. Горький. – М.: Худож. лит-ра, 1966. – С.21.
67. Гранин, Д.А. Один из рассказов Гумилёва / Д.А. Гранин // Тринадцать ступенек. – Л.: Сов. писатель, 1984. – С. 140-143.
68. Гречнев, В.Я. Публикации и сообщения. Рассказ Гумилёва «Далёкое» / В.Я. Гречнев // Русская литература. – 2003. – №3. – С. 133-137.
69. Гумилёв, Н.С. Pro et contra / сост. и вступ. прим. Ю.В. Зобнина. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 2000. – 672с.
70. Гумилёвские чтения: Материалы международной конференции филологов-славистов / С. -Петербургский гуманитар. ун-т профсоюзов и Музей А. Ахматовой в Фонтанном доме (15-17 апреля 1996 г.). – СПб.: Изд-во С. -Петербургского гуманитар. ун-та профсоюзов, 1996. – 285с.
71. Гумилёв, Н.С. Собрание сочинений: в 6 т. [Электронный ресурс] / Н.С. Гумилёв. – М.: Худож. лит-ра, 1991.

72. Гумилёв, Н.С. Избранные сочинения / Н.С. Гумилёв. – М.: Худож. литра, 1984. – 750 с.
73. Гумилёв, Н.С. Избранные письма / Н.С. Гумилёв: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилёва в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология / под ред. Д.К. Бурлака. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 30-82.
74. Гумилёв, Н.С. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Н.С. Гумилёв. – М.: Сов. писатель, 1990. – 390 с.
75. Гумилёв, Н. Стихотворения и поэмы / Н. Гумилёв. – М.: Современник, 1989. – 217с.
76. Гумилёв, Н.С. Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилёва в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология / Н.С. Гумилёв; под ред. Д.К. Бурлака. – СПб.: РХГИ, 2001. – 1016 с.
77. Гумилёв, Н.С. Принцесса Зарра: повести и рассказы / Н.С. Гумилёв; пер. на тадж. яз. Ш. Собира. – Душанбе: Адиб, 1991. – 192 с.
78. Гумилёв, Н.С. Жизнь и творчество / Н.С. Гумилёв; пер. с фр. Л. Аллена при участии С. Носова. – СПб.: Logos, 1995 (Сер. «Судьбы. Оценки. Воспоминания XIX-XX вв. »). – 200с.
79. Гумилёв, Н.С. Исследования и материалы. Библиография / Н.С. Гумилёв; сост. М.Д. Эльзон, Н.А. Грознова. – СПб.: Наука, 1994. – 684с.
80. Гумилёв Н. и русский Парнас: Материалы научной конференции (17-19 сентября 1991 г.) / сост. И.Г. Кравцова, М.Д. Эльзон. – СПб., 1992. – 135с.
81. Давидсон, А.Б. Муза странствий Николая Гумилёва / А.Б. Давидсон. – М.: Наука; изд. фирма «Вост. литература», 1992. – 319 с.
82. Денисов, П.Н., Морковкин, В.В. Проблемы учебной лексикографии / П.Н. Денисов, В.В. Морковкин. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 192 с.

83. Ермилов, В. Поэзия войны (К вопросу о месте Гумилёва в современности) / В. Ермилов // За живого человека в литературе. – М., 1928. – 311с.
84. Жиреншин, А.Х. Юсуфи и его русские друзья / А.Х. Жиреншин. – Душанбе: Дониш, 1979. – 126с.
85. Жирмунский, В. Преодолевшие символизм // Гумилёв Н.С.: Pro et contra / сост., вступ. ст. Ю.В. Зобнина. – СПб.: РХГИ, 2000. – 672 с.
86. Заграничные путешествия Ахматовой и Гумилёва. 1910-е годы. // Ерыкалова И. Публикации. – Л.: Петрополь, 1991. – С. 30.
87. Жизнь Николая Гумилёва. Воспоминания современников / сост. Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович. – Л.: Изд-во Международ. фонда истории науки, 1991. – 332с.
88. Зобнин, Ю.Н. Гумилёв – поэт православия / Ю. Зобнин. – СПб., 2000. – Вып. 7. (Сер. «Новое в гуманитарных науках»). – 383с.
89. Иванова, Н. «Познать тоску всех стран и всех времён. » (Н.С. Гумилёв) / Н. Иванова // «Они питали мою музу. ». Книги в жизни и творчестве писателей. – М.: Книга, 1986. – С. 154-173.
90. Иванов, Г.В. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3; Мемуары. Литературная критика / коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. – М.: АО «Согласие», 1993. – 7820с.
91. Иванова, Л. Воспоминания. Книга об отце / Л. Иванова. – М.: РИК «Культура», 1992. – 431с.
92. Иванов, Г. О поэзии Н. Гумилёва / Г. Иванов // Летопись Дома литераторов. – 1921. – №1. – С. 5-32.
93. Иезуитова, Л.А. Роль семантико-композиционных повторов в создании символического строя повести-поэмы Н.С. Гумилёва «Золотой рыцарь» / Л.А. Иезуитова // Николай Гумилёв и литературный процесс начала XX века (до 1917 года). – Л.: ЛГПИ, 1985. – С. 38-59.
94. Ильин, И.А. Творчество Н.С. Гумилёва / И.А. Ильин // О Тьме и Просветлении. – М.: Скифы, 1991. – С. 27-72.

95. Ильин, И.А. Историко-биографический очерк / И.А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. – М.: Русская книга, 1993. – С. 5-36.
96. История русской литературы конца XIX – начала XX века. Библиографич. указатель / под ред. К.Д. Муратовой. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 520с.
97. Иоаннисян, Д.В. Природа, время, человек у А.П. Чехова и Гумилёва / Д.В. Иоаннисян // Русская литература XX века. – Калуга, 1973. – С. 60-73.
98. Искусство художественного перевода. Немецкая классическая поэзия на уроках литературы. Книга для учителя / под ред Г.Н. Тараносовой. – Тольятти: Изд-во Фонда «Развитие через образование», 2000. – 187 с.
99. История России XX век. – М.: Изд-во «Астрель», 2009. – Т. 1-2. – 1023с.
100. Казакова, Т.А. Художественный перевод: учеб. Пособие / Т.А. Казакова. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – 112 с.
101. Кашкин, И.А. Для читателя-современника / И.А. Кашкин. – М.: Сов. писатель, 1977. – 560с.
102. Калмановский Е.С. Николай Гумилев. Эскиз к портрету / Е.С. Калмановский // Путник запоздалый. Рассказы и разборы. – Л.: Сов. писатель, 1985. – С. 226-253.
103. Карденко, Г.Ю. Творчество И.А. Бунина в контексте религиозно-философских и антропологических идей конца XIX начала XX века: (концепция человека): дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01 / Карденко Геннадий Юрьевич. – Самара, 1992. – 231с.
104. Карденко, Г.Ю. Творчество И.А. Бунина в контексте религиозно-философских и антропологических идей конца XIX – начала XX века: (концепция человека): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 03 / Карденко Геннадий Юрьевич. – СПб., 1992. – 19 с.
105. Карпов, И.П. Проза Николая Гумилёва: учеб. пособие / И.П. Карпов. – М.: Флинта; Наука, 1999. – 336 с.

106. Килганова, Г.В. Ориентализм в прозе Н.С. Гумилёва: дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 03 / Килганова Гилана Викторовна. – М.: МГПУ, 1996. – 199с.
107. Килганова, Г.В. Ориентализм в прозе Н. Гумилёва: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 03 / Килганова Гилана Викторовна. – М.: МГПУ, 1997. – 17 с.
108. Ким, Кён Тэ. Мир Востока в рассказе Гумилёва «Дитя Аллаха» / Ким Кён Тэ // Русская литература. – 2002. – №3. – С. 19-36.
109. Климович, Л.А. Характеристика перевода русской поэзии / Л.А. Климович. – М.: Наука, 1987. – 298 с.
110. Кожемякина, Л.И. Сюжетостроение рассказа Н.С. Гумилёва «Туман» / Л.И. Кожемякина // Вопросы поэтики художественного произведения. – Алма-Ата, 1980. – С. 22-29.
111. Комиссаров, В.Н. «Естественность» художественного перевода // Литература и перевод: проблемы теории / В.Н. Комиссаров. – М., 1992. – С. 101-113.
112. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
113. Корецкая, И. Над страницами русской поэзии и прозы начала века / И. Корецкая. – М.: Радикс, 1995. – 377с.
114. Кузмин, М. Поэзия Серебряного века (сборник) / М. Кузмин. – М.: Изд-во «Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»», 2018. –с. 42.
115. Курбанмамадов, А. Эстетическая доктрина суфизма: опыт критического анализа / А. Курбанмамадов. – Душанбе: Дониш, 1987. – 108 с.
116. Короткова, М.С. Каждый человек – это целый мир. Повесть Н.С. Гумилёва «Радости земной любви» в 11 классе / М.С. Короткова // Н. Гумилёв. Избранная проза. Книга для ученика и учителя. – М.: Олимп, 1996. – С. 626-639.

117. Котляр, Л. В. Примечания к шестому тому «Собрания сочинений Н.С. Гумилёва» / Л.В. Котляр // Гумилёв И.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. – М.: Худож. лит-ра, 1966. – С. 324-339.
118. Кранихфельд, В.П. Литературные отклики. И.А. Гумилёв / В.П. Кранихфельд // Современный мир. – СПб., 1912. – №11. – С. 350-351.
119. Крапивин, В.В. Штудии. Окно на Восток. «Кушитство» и «иранство» в русской прозе 1910-1930 годов / В.В. Крапивин // Литературная учёба. – 2000. – №1. – С. 120-147.
120. Крапивин, В.В. Штудии. Между Синаем и Цейлоном. Восток в прозе Николая Гумилёва / В.В. Крапивин // Литературная учёба. – 2000. – №5. – С. 145-169.
121. Крутикова, Л.В. В мире художественных исканий Гумилёва (Как создавались рассказы 1911-1916 годов / Л.В. Крутикова // Литературное наследство. Н. Гумилёв. Т. 84: в 2 ч. – М.: Наука, 1973. – Ч. 2. – С. 90-120.
122. Крутикова, Л.В. «В этом злом и прекрасном мире» / Л.В. Крутикова // Гумилёв И.А. Суходол. Рассказы. – Воронеж, 1978. – С. 5-31.
123. Кузнецова, Г.Н. Граасский дневник / Г.Н. Кузнецова. – М.: Московский рабочий, 1995. – 409 с.
124. Кузнецова, Г.Н. Памяти Гумилёва / Г.Н. Кузнецова // Вопросы литературы и фольклора. – Воронеж, 1972. – С. 187-189.
125. Кучеровский, Н.М.И.А. Гумилёв в «Знании». «Чернозём» / Н.М. Кучеровский // Русская литература XX века (дооктябрьский период). – Калуга, 1968. – С. 107-123.
126. Кучеровский, Н.М. О концепции жизни в лирической прозе Гумилёва (вторая половина 90-х – начало 900-х годов) / Н.М. Кучеровский // Русская литература XX века (дооктябрьский период). – Калуга, 1968. – С. 80-107.

127. Кучеровский, Н.М. Рассказы Гумилёва в критике 1910-х годов и эстетическая концепция жизни в его прозе / Н.М. Кучеровский // Страницы истории русской литературы. – Калуга, 1969. – С. 50-67.
128. Кучеровский, Н.М. Эстетическая сущность философских исканий Н.С. Гумилёва (1906-1911 гг.) / Н.М. Кучеровский // Научные доклады Высшей школы. Филологические науки. Вып. 6. – М., 1969. – С. 25-35.
129. Лавров, В.В. «Я обречён познать тоску всех стран и всех времён». Николай Гумилёв: история трёх автографов / В.В. Лавров // Литературная учёба. – 1987. – №5. – С. 129-137.
130. Лавров, В.В. Холодная осень: Н.С. Гумилёв в эмиграции (1920-1953) / В.В. Лавров. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 500 с.
131. Ланге-Вайнерт, М. Девичьи годы / М. Ланге-Вайнерт. – М., 1959. – 224с.
132. Латухина, А.Л. Цикл «путевых поэм» Н.С. Гумилёв «Дитя Аллаха»: проблема жанра; автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 03 / Латухина Анна Леонидовна. – Нижний Новгород, 2004. – 22 с.
133. Ломидзе, Г. Характеристика литературные связи / Г. Ломидзе. – М.: Наука, 1996. – 254 с.
134. Литературные манифесты от символизма до наших дней. – М.: Изд. дом «XXI век – согласие», 2000. – 600с.
135. Литературно-педагогические взгляды Т.Г. Шевченко в контексте современной цивилизации: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию Т.Г. Шевченко. – Душанбе, 2015. – 245с.
136. Лукницкий, П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925 гг. – Париж: Имка-Пресс, 1991. – 347с.
137. Лукницкий, П.Н. Встречи с Анной Ахматовой [Электронный ресурс]. – Париж; М.: ТМСА-РКЕ36 – русский путь, 1997. – Т. 2 (1926-1927).
138. Лукницкий, С.П. «Дело» Гумилёва / С.П. Лукницкий. – М.: Спас, 1997. – 59с.

139. Маковский, С. На Парнасе Серебряного века / С. Маковский. – М.: Изд. дом «XXI век – согласие», 2000. – 557с.
140. Маковский, С. К Портреты современников Текст. / С.К. Маковский. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 153 е.; переизд.: М.: XXI век - Согласие, 2000. - 448 с.
141. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
142. Мещеряков, Н. Волна мистики / Н. Мещеряков // «Печ. и рев. ». – 1922. – Кн. 2. – С. 32-44.
143. Мирзоева, С.А. Марина Цветаева и таджикская литература (Особенности переводов поэзии М. Цветаевой на таджикский язык): дис... канд. филол. наук: 10. 01. 03 / Мирзоева Сакина Амируллоевна [Тадж. гос. пед. ун-т им. С. Айни], 2019. – 140 с.
144. Митрофанов, А.Х. Юсуфи и Лермонтов / А.Х. Митрофанов // Памир. – 1995. – №8.
145. Муллоджанова, З.А. Стиль оригинала и перевод / З.А. Муллоджанова. – Душанбе, 2014. – 192 с.
146. Муллокандов, Э.Е. Язык и время / Э. Муллокандов. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 143 с.
147. Мурувватиён, Дж. Дж. «Борис Годунов» А.С. Пушкина на таджикском языке / Дж. Дж. Мурувватиён // Ученые записки Худжандского государственного университета им. акад. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – Худжанд, 2020. – №3 (64). – С. 104-109.
148. Мурувватиён, Дж. Дж. Особенности становления художественного перевода в Таджикистане: 30-80-е годы XX века / Дж. Дж. Мурувватиён // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С. Айни, 2020. – №4 (87). – С. 103-112.
149. Мусафина, О. Где храм стоял – базар шумит... На месте венчания Ахматовой с Гумилёвым нынче торгуют клубникой с лотков / О. Мусафина // Комсомольская правда. – 1999. – 3 июня.

150. Мухтор, А.О. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / А.О. Мухтар; гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978. – 631с.
151. Нагзибекова, М.Б., Муллоджанова, З.А. Об истории художественного перевода в Таджикистане / М.Б. Нагзибекова, З.А. Муллоджанова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – М., 2015. – №11 (722). – С. 88-95.
152. Назарова, Р.С. Проблемы воссоздания произведений М.Ю. Лермонтова в таджикских переводах: дис... канд. филол. наук: 10. 01. 03 / Назарова Рамзия Саъдуллоевна [Институт языка и литературы им. Рудаки АН РТ]. – Душанбе, 2019. – 161 с.
153. Назарова, Р.С. Хабиб Юсуфи – переводчик русской литературы / Р.С. Назарова // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С. Айни, 2018. – №1 (73). – С. 158-160.
154. Никитин, А. Неизвестный Николай Гумилёв: исследования и стихи / А. Никитин. – М.: Интерграф Сервис, 1996. – 96с.
155. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Ф. Ницше; пер. с нем. В.М. Бакусева, Ю.М. Антоновского, Я.Э. Голосовкера и др.; ред. совет: А.А. Гусейнов и др.; Ин-т философии РАН. – М.: Культурная революция, 2005-2014.
156. Новикова, М.Г. Особенности перевода художественной литературы / М.Г. Новикова. – М.: Наука, 1997. – 276 с.
157. Новиков, Л.А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. – М.: Наука, 2003. – 304 с.
158. Норова, Г. Литературные мысли Абдусалама Дехоти / Г. Норова // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С. Айни, 2021. – №2 (91). – С. 171-180.
159. Носик, Б. Анна и Амедео. История тайной любви Ахматовой и Модильяни / Б. Носик. – М.: Радуга, 1997. – 240с.

160. Нью, Янь. Рецепция традиционной китайской культуры в стихотворении Н.С. Гумилева «Китайская девушка» / Янь Нью // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – №1 (92). – С. 329-332.
161. Ожегов, С.И. Развитие литературного языка. Лексика / С.И. Ожегов // Русский язык и советское общество. – Алма-Ата, 1962. –С. 5-22.
162. Ольшанская, Е. Анна Ахматова в Киеве / Е. Ольшанская // Серебряный век: Приложение к журналу «Ренессанс». – Киев, 1994. – 296с.
163. Оцуп, Н. Николай Гумилёв. Жизнь и творчество / Н. Оцуп; пер. с фр. Л. Аллена при участии С. Носова. – СПб.: Logos. (Сер. «Судьбы. Оценки. Воспоминания XIX-XX вв.»), 1995. – 198 с.
164. Панкеев, И. Николай Гумилёв: биография писателя / И. Панкеев. – М.: Просвещение, 1995. – 159 с.
165. Петрарка, Франческо. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке / сост. В.Т. Данченко. – М., 1986. – 237с.
166. Писатели современной эпохи Т. I. – М., 1918. – 256с.
167. Полушин, В.Л. В лабиринтах Серебряного века / В.Л. Полушин. – Кишинев: Хиперион, 1991. – 255с.
168. Полушин, В.Л. Рыцарь русского ренессанса: размышления о жизни и творчестве (вступ. статья) / В.Л. Полушин // Гумилёв Н.С. В огненном столпе / сост., вступ. статья и коммент. В.Л. Полушина. – М.: Сов. Россия, 1991. (Сер. «Русские дневники»). – С. 5-50.
169. Полушин, В.Л. Основатель лучизма / В.Л. Полушин // Тирасполь на грани столетий. Т. 2. – Тирасполь, 1997. – С. 168-175.
170. Полушин, В.Л. О происхождении Гумилёва / В.Л. Полушин // Литературная Россия. – 2001. – №28(2004). – 13 июня. – С. 16.
171. Полушин, В.Л. Гумилёвы. 1720-2000: семейная хроника. Летопись жизни и творчества Н.С. Гумилёва: XX столетие. Родословное древо / В.Л. Полушин. – М.: ТЕРРА; Книжный клуб, 2004. – 528с.

172. Полушин, В.Л. Два солнца русской поэзии, или Русское противостояние (Блок – Гумилёв) / В.Л. Полушин // Альманах Академии поэзии. – М.: Моск. писатель, 2005. – 229с.
173. Разумов, А.Л. Гумилёв о «деле» Н. Гумилёва / А.Л. Разумов // Вечерний Петербург, 1994. – №15 (1230).
174. Рапорт прапорщика Н. Гумилёва // Наше наследие. – 1991. – №1. –С. 36.
175. Расули, М.М. К проблеме взаимовлияния и взаимообогащения русской и узбекской литератур / М.М. Расули. – М., 1889. – 172с.
176. Расули, М.М. Постижение Востока: (Наблюдения над яз. и стилем современ. рус. ориентал. прозы) / М.М. Расули. – Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1989. – 172 с.
177. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964. — 243 с. (совм. с И. И. Ревзиным); Языковые контакты. Л.: Наука, ЛО, 1972.
178. Розенфельд, А.З. Сборники таджикского народного творчества / А.З. Розенфельд // Советская этнография. – 1951. – №1. – С. 221-223.
179. Саянов, В. К вопросу о судьбах акмеизма / В. Саянов // На литературном посту. – 1927. – №17-18, сент.
180. Саидходжаева, М.Н. Сравнительный анализ фразеологических единиц таджикского и русского языков (на материале русского перевода романа Рахима Джалила «Шураб»: дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 03 /
181. Сайфуллоев А проблемы взаимодействия литератур-Д 1976 В единстве и родстве Центральный институт усовершенствования учителей РТ г Худжанд 1976. – 194 с.
182. Сдобников, В.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ, 2007. – 448 с.
183. Тименчик, Р.Д. Неизвестная статья Н.С. Гумилёва «Театр Александра Блока» / Р.Д. Тименчик // Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. – М., 1993. – Т. 92, вып. 5. – С. 23-34.

184. Тараносова. А. – Красноярск: ИПК «Платина», 2001. с14- (Сер. «Поэты свинцового века».)
185. Тумповская, М. «Колчан» Н. Гумилёва / М. Тумповская // Н.С. Гумилёв: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 435-448.
186. Турсунов Ф.М., М. Очеркхо / М. Турсунзода. – Душанбе, 1975. – 211 с.
187. Тураев, Б.А. История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. / Б.А. Тураев. – М., 1997. – 536с.
188. Устиновская, А.А. Перевод как диалог традиций и культур («Анакреонтическая песенка» Н.С. Гумилева) / А.А. Устиновская // Проблемы исторической поэтики. – 2020. –Т., №4. – С. 288-304.
189. Фламарион, К. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.) / К. Фламариан. – СПб., 1890-1907. –
190. Фарзона. Двадцать лепестков / Фарзона. – М.: Сов. писатель, 1990. – 176с.
191. Федоров, А.В. Введение в теорию перевода / А.В. Федоров. – М.: Высш. шк., 1953. – 334 с.
192. Фиш, Р., Хашим, Р. Глазами совести / Р. Фиш, Р. Хашим. – М.: Сов. писатель, 1980. – 319с.
193. Франс, Анатолий. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Анатолий Франс; под ред. А.М. Прохорова. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – Т. 28: Франкфурт-Чага.
194. Хади-заде, Расул. Запахи Мульян-ручья: Рассказы и ист. повести / Расул Хади-заде. –Душанбе: Ирфон, 1986. – 269с.
195. Хамидова, Н.Ш. Некоторые вопросы художественного перевода поэзии в современной таджикской литературе: на примере переводческой деятельности Лоика Шерали и переводов его поэзии на русский язык: дис... канд. филол. наук: 10. 01. 03 / Хамидова Наргис Шарифджонова [Худжан. гос. ун-т им. Б.Г. Гафурова]. – Худжанд, 2009. – 167 с.

196. Халиков, А.Г. Общая характеристика Авесты как источника зороастрийского права / А.Г. Халиков // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2013. – №6. – С. 9-14.
197. Хамробоев, Н.А. Этапы формирования и развития переводческого движения в VIII-XIV веках (с пехлевийского на арабский и с арабского на персидско-таджикский): автореф. дис... д-ра филол. наук: 10. 02. 14 / Хамробоев Насимджон Абдуллоджонович [Худжандский гос. ун-т им. акад. Б. Гафурова]. – Худжанд, 2019. – 51 с.
198. Холов, Х.Р. История и проблемы перевода лирических стихотворений и прозы А.С. Пушкина на таджикский и персидский языки: дис... д-ра филол. наук: 10. 01. 03 / Холов Хол Раджабович [Таджикский национальный университет]. – Душанбе, 2014. – 291 с.
199. Холов, Х.Р. Пушкин в таджикской литературе / Х.Р. Холов // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С. Айни, 2014. – №1-1 (56). – С. 308-311. (на тадж.)
200. Холов, Х. Таърих ва хусусиятҳои тарҷумаи шеърҳои А.С. Пушкин ба забони тоҷикӣ (1899-1949): монография / Х. Холов. – Душанбе: Деваштич, 2007. – 221 с.
201. Холботурова, С.С. Особенности перевода поэзии Александра Блока на таджикский язык: дис... канд. филол. наук: 10. 01. 10 / Холботурова Суфия Субхонкуловна [Ин-т языка и лит-ры им. Рудаки АН РТ], 2019. – 200с.
202. Хошим, Р. Яке аз аввалин тарҷумонҳои адабиёти рус ва китоби ӯ / Р. Хошим // Шарки Сурх. – 1959. – №11, нояб.
203. Хошим, Р. Солҳо дар саҳифаҳо. Мақолаҳо ва ёддоштҳо / Р. Хошим. – Душанбе: Адиб, 1988. – 212 с.
204. Хошим, Р. Ҷамсоли республика / Р. Хошим // Садои шарқ. – 1989. – №10. – С. 119-121.

205. Худойдодов, А. Мирзо Турсунзаде и литературный процесс / А. Худойдодов // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С. Айни, 2017. – №5 (72). – С. 130-136.
206. Хусейни, Сухайло. Влияние русской поэзии на творчество Фарзоны Худжанди / Сухайло Хусейни // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2013. – №1. – С. 63-67.
207. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. -М: Изд. «Международные отношения», 1976.
208. Чайковский, Р.Р. Основы художественного перевода / Р.Р. Чайковский. – Магадан: СВГУ, 2008. – 182 с.
209. Черных, В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. 1889-1917 / В. Черных. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 750с.
210. Чуковский, К.И. Дневник (1901-1929) / К.И. Чуковский. – М., 1991. – 583с.
211. Шамси, Собир. Н. Гумилёв. Генерали сиёҳ / Шамси. Собир – Душанбе: Ирфон, 1987. – 165 с.
212. Шанский, Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом: Кн. для внекл. чтения учащихся 8-10-х кл. сред. шк. / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1986. – 160 с.
213. Шилейко, В.К. Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой, и другие материалы / В.К. Шилейко; сост., предис., примеч., указ. имён и названий Алексей и Тамара Шилейко. – М.: Вагриус, 2003. – 317с.
214. Шодикулов, Х. Первые переводы стихотворений Н.С. Гумилева на таджикский язык, появившиеся в 50-годы / Х. Шодикулов. Москва 1969. с 248-249
215. Шодикулов, Х. Таронасарои Ватан / Х. Шодикулов // Хабиб Юсуфи. Сатрхои нотаом. Китоби 2. – Душанбе: Адиб, 1987. – 250 с.
216. Шукуров, М. Обновление / М. Шукуров. – М.: Наука, 1985. – 354 с.

217. Щерба, Л.В. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Л.В. Щерба; гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969-1978.
218. Эльзон, М. Последнее «прости» поэта / М. Эльзон // Вечерний Петербург. – 1994. – 8 июля.
219. Эльназар, К. Проблемы перевода и воспроизведения стиля, ритмико-интонационные особенности поэзии А.А. Ахматовой на таджикском языке: дис... канд. филол. наук: 10. 01. 03 / Эльназар К Киматби [Ин-т языка и литературы им. Рудаки АН РТ]. – Душанбе, 2017. – 67 с.
220. Эткинд, Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина / Е.Г. Эткинд. – Л.: Наука, 1973. – 250 с.
221. Юсуфи, Х. Сборник стихов / Х. Юсуфи. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1962. – 350 с.
222. Savory, Th. Threat of Translation. / Th. Savory. – London, 1957. – 120 p.

Источники:

223. Гумилёв, Н.С. Вверх по Нилу / Н.С. Гумилёв // Рассказы, очерки, повести. 1907-1918. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 234 с. – С. 32-87.
224. Гумилёв, Н.С. Дитя Аллаха / Н.С. Гумилёв // Аполлон. – 1916. – № 4-5. – С. 3-91.
225. Гумилёв, Н.С. Записки кавалериста / Н.С. Гумилёв // Рассказы, очерки, повести. 1907-1918. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 234 с. – С. 88-131.
226. Гумилёв, Н.С. Карты / Н.С. Гумилёв // Рассказы, очерки, повести. 1907-1918. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 234 с. – С. 5-31.
227. Гумилев, Н. Полное собрание сочинений: в 10 т. / Н. Гумилёв. – М.: Воскресенье, 2007. – 640с.
228. Гумилёв, Н.С. Принцесса Зарра / Н.С. Гумилёв // Рассказы, очерки, повести. 1907-1918. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 234 с. – С. 88-165.

229. Гумилёв, Н.С. Стихотворения и поэмы / Н.С. Гумилёв. – М.: Современник, 1989. – 461с.
230. Гумилёв, Н.С. Чёрный генерал / Н.С. Гумилёв. – М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. – 155с.
231. Есенин, С. Полное собрание сочинений: в 7 т. / С. Есенин. – М.: Наука-Голос, 1995-2005. – 5763с.
232. Лермонтов, М. Полное собрание сочинений: в 10 т. / М. Лермонтов. – М.: Воскресенье, 2001. – 335с.
233. Пушкин, А. Полное собрание сочинений: в 6 т. / А. Пушкин. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907-1915.
234. Фет, Афанасий. Полное собрание сочинений: в 20 т. / Афанасий Фет. – СПб.: Фолио-Пресс, 2007.
235. Фирдоуси. Книга царей Шахнамэ / Фирдоуси; пер. М.Л. Лозинский, ред., коммент. статья: Ф.А. Розенберг. Иллюстрации, заставки, переплет и суперобложка Л.А. Бруни. – М.; Л.: Academia, 1934. – 157 с.

Источники на таджикском языке

236. Ашъори Н. Гумилёв // Адабиёт ва санъат. – 2014. – №9 (1720). – С. 10.
237. Ашъори Н. Гумилёв // Шарқи Сурх. – 1957. – №19,
238. Гулназар Келди. Духтарон. [Электронный ресурс] // Адабиёт ва санъат. – 2014. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/languages/1799/>
239. Гулназар Келди. Моҳ дар баҳр [Электронный ресурс] // Садои Шарқ. – 1990. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/languages/1800/>
240. Гулназар Келди. Пайравӣ аз шеъри форси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/languages/1798/ë>
241. Гулназар Келди. Шумо бисер хубу дилрабоед. . . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/languages/1797/>
242. Гумилёв Н.С. Генерали сиёҳ (перевод Р. Хашима)
243. Гумилёв Н.С. Генерали сиёҳ (перевод Э. Муллокандова)
244. Гумилёв Н.С. Генерали сиёҳ (перевод ...)
245. Гумилев Н.С. Генерали сиёҳ. – Душанбе: Афсона, 1999. – 68 с.

246. Гумилёв Н.С. Дар болооби Нил (перевод Шамси Собира).
247. Гумилёв Н.С. Картаҳо (перевод Э. Муллокандова)
248. Гумилёв Н.С. Картаҳо (перевод Ш. Собира)
249. Гумилёв Н.С. Мактуби сарбоз (перевод Э. Муллокандова).
250. Гумилёв Н.С. Фарзанди Оллоҳ (перевод Э. Муллокандова).
251. Гумилёв Н.С. Шохдухтар Зарра (перевод М. Ахмедова).
252. Хакназар Гоиб. Мухаббат. Рохи Ленин, 28 августа 1987 года.
[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/languages/1801/> Гулназар Келди. Гузаштем аз раҳи гулгашти равшан...
[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/languages/1796/>

Приложения

Тарчумаи Гулназар Келди

Девушке

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.

Героиня романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В Вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листья.

Никогда ничему не поверите,
Прежде чем не сочтете, не смерите,
Никуда никогда не пойдете.
Коль на карте путей не найдете.

И вам чужд тот безумный охотник,
Что, взойдя на нагую скалу,
В пьяном счастье ,в тоске безотчетной
Прямо в солнце пускает стрелу.

Духтарон

Духтаронро рупия хуш омада,
Баски дорад сурати мурғи хумо
Мераванд аз пушти мардони фаранг.

Волидонро монда дар доми ҷафо.

Маҳ мебарояд дар шоми ором
Чун ошиқони хушбахту хушком.
По мениҳад бод бо мавчи ларзон,
Меҳезад аз кӯл оҳанги ҳассон.

Ваҳ! Беназир аст васли ду ҳамзод,
Фазли илоҳист васли ту озод.
Дардо, ки одам бо ҳам наояд.
Гар мебиеяд, кам мебиеяд...

Кадом оҳанг ҷонамро ба шӯр овард?
Кадом ораз ду чашмамро ба нур овард?
Дилам сарду вале як лутфу эҳсонат
Бикард эҳё маро дар роҳи паймонат.

Дилам ҳадде надорад чун уфуқ дар субҳ,
Навозиш кун ғамамро чун гуле ҳар субҳ.

Подражание персидскому

Из-за слов твоих, как соловьи,
Из-за слов твоих, как жемчуга,
Звери дикие - слова мои,
Шерсть на них, клыки у них, рога

Я ведь безумным стал, красавица.

Ради щёк твоих, ширазских роз,

Краску щёк моих утратил я,

Ради золотых твоих волос

Золото моё рассыпал я.

Нагим и голым стал, красавица.

Для того чтоб посмотреть хоть раз,

Бирюза – твой взор, или берилл,

Семь ночей не закрывал я глаз,

От дверей твоих не отходил.

С глазами, полными крови красавица.

Оттого, что дома ты всегда,

Я не выхожу из кабака,

Оттого, что честью ты горда,

Тянется к ножу моя рука.

Площадным негодяем стал, красавица

Если солнце есть и вечен Бог,

То перешагнешь ты мой порог.

Пайрав аз шеърҳои форси

Суханҳои ту чун овози булбул.
Суханҳои ту чун сӯ-сӯи марҷон.
Вале монанди ҳайвонҳои ваҳшӣ
Суханҳои маро шох асту дандон,
Адоям ман, адои ту.паричон.

Гули рӯи ту, эй садбарги Шероз,
Баҳори рӯзгорамро табаҳ кард,
Тилои мӯи афшонат ба як бор
Ҳама нақдинаамро хоки раҳ кард,
Гадоям ман, гадои ту паричон.

Чу подоши гароне то бубинам
Даме фирӯзае дилхоҳи чашмат,
Нарафтам аз дари кӯят ба ҷое.
Набастам чашми худ аз роҳи чашмат,
Ду чашмам косаи хун, эй паричон.

Намеоӣ бурун аз манзили хеш
Намеоям бурун манн аз харобат.
Зи домонат наметонам гирифтан.
Бигирам дасти теге чун мукофот,
Илоҷам нест акнун, эй паричон.

Агар мехр асту Яздони ягона,
Ту меоӣ маро бар остона.

Сон

Вы сегодня так красивы.

Что вы видели во сне?

- Берёг, ивы –

При луне –

А ещё? К ночному склону

Не приходят, не любя.

-Дездемону

И себя -

Вы смотрите так несмело:

Кто там был за купой ив?

-Был Отелло.

Он красив -

Был ли он вас двух достоин?

Был ли он как лунный свет?

-Да, он воин

И поэт -

О какой же пел он ныне

Неоткрытой красоте?

- О пустыне

И мечте.-

И вы слушали влюблено,

Нежной грусти не тая?

- Дездемона,

Но не я -

Хоб

Шумо бисёр хубу дилрабод,
Магар рӯй хуше дидед дар хоб?

- Бидидам сохилу гулбед

Ба зери партави маҳтоб.

Дигар чӣ? Дар шаби ором бе ишк

Магар чӯянд хилватгоҳи бекас?

- Ва дездемонаро дидам,

Бидидам хешро вопас.

Шумо ки носабуреду мушавваш,

Кӣ буд дар паҳлуи гулбеди танҳо?

- Отелло буд дар хилват,

Чавони дилбару зебо.

Ба сони нури маҳӯ буд нозук?

Ба ҳар дуи шумоӯ буд лоиқ?

-Бале, буд афсаре нотарс,

Бале, буд шоире ошиқ!

Сурудиӯ киро афсона мекард ?

Чамоли кӣ варо девона мекард?

- Сурудаш васфи саҳро буд

Суруди орзуҳо буд.

Шумо бо меҳру шавқи ошиқона

Сурудашро гуҳар кардед дар гӯш?

- Дездемона бишуд мафтун
Валекин ман будам хомӯш.

Песенка

Ты одна благоухаешь,
Ты одна;
Ты проходишь и сияешь,
Как луна.
Вещь, которой ты коснулась,
Вдруг свята,
В ней таинственно проснулась
Красота.
Неужель не бросит каждый
Всех забот,
За тобой со сладкой жаждой
Не пойдёт?
В небо, чистое, как горе
Глаз твоих,
В пену сказочного моря
Рук твоих?
Много женщин есть на свете
И мужчин,
Но пришёл к заветной мете
Я один.

Тарона

Фақат ту мисли гул хандону атрафшон,

Фақат ту.
Фақат ту мисли мах озодаву рахшон,
Фақат ту.
Муқаддас мешавад чизе, ки бардорӣ
Ба дастат.
Муборак мешавад чизе, ки бигзорӣ
Зи дастат.
Магар фарде намонад меҳнату тардид
Карона,
Ки аз дунболу ту бошад ба сад уммед
Равона?
Магар фарде начӯяд некии кайҳон
Ба чашмат?
Ва ё мавҷи сафеди баҳри бепоён
Ба дастат?
Набуда қаҳтии марду зани оқил
Ба олам,
Вале дидам нишони ормони дил
Фақат ман.

Любовь

Надменный, как юноша, лирик
Вошёл, не стучась, в мой дом
И просто заметил, что в мире
Я должен грустит лишь о нём.

С капризной ужимкой захлопнул
Открытую книгу мою,
Туфлём лакированной топнул,
Едва проронив: «не любовь».

Как смел он так пахнуть духами!
Так дерзко перстнями играть!
Как смел он засыпать цветами
Мой письменный стол и кровать!

Я из дому вышел со злостью,
Но он увязался за мной.
Стучит изумительной тростью
По звонким камням мостовой.

И стал я с тех пор сумасшедшим,
Не смею вернуться в свой дом
И всё говорю о пришедшем
Бесстыдный его языком.

Мухаббат

Ёд дорам, ки дар фазои хазон
Пораи абр буд чу пораи мис.
Гуфтиям, ки «дар ин чаҳон хуштар
Мурдану орамиданам беҳис»
«Ҳақ най, - гуфтамаат, - ҳар он чӣ буд,

Бигзарад то сахар чу хоби гарон.
Ту биё, бар худо намоз кунем,
Ки шаби мо сахар шавад осон»
«Эй худо! Эй худо! - яке гуфтӣ,-
Шаби моро ба рӯз, зинҳор»
Ногаҳат боз бар забон омад:
«Не, худо ҳам дигар бувад ночор!»

Сияҳбеде сияҳ метофт аз дур
Ва мурге нола мекард аз баландӣ.
Ба дашти сабзи гардунҳо сахобе
Чаро мекард мисли гӯсфанде.

Ту бо чашми ризову қалби моил
Бигуфтӣ: «Додаам ман дил шуморо»
Ғуруббе пеши роҳаш дошт хуршед,
Гиёҳе тар чӯ баҳре буд моро.

К ***

Если встретишь меня, не узнаешь.
Назовут – едва ли припомнишь.
Только раз говорил я с тобою,
Только раз целовал твои руки.

Но, клянусь, - ты будешь моею,
Даже если ты любишь другого,

Даже если долгие годы
Не удаётся тебя мне встретить.

Я клянусь тебе белым храмом,
Что мы вместе видели на рассвете,
В этом храме венчал нас незримо
Серафим с пылающим взором.

Я клянусь тебе теми снами,
Что я вижу теперь каждой ночью,
И моей великой тоскою
О тебе в великой пустыне,-

В той пустыне, где горы вставали,
Как твои молодые груди,
И закаты в небе пылали,
Как твои кровавые губы.

Барои К...

Гар бубинӣ маро, ту нашносӣ,
Накунад номи ман туро хушёр.
Бо ту як бор ҳамнишин будаам,
Дастбӯси ту будаам як бор.

Ба худо, ёри ман шавӣ рӯзе,

Гарчи бо дигаре ҳавас дорӣ,
Гарчи дар рӯзгори бетадбир
Аз манат дури абас дорӣ.

Ман қасам меҳурам ба он маъбад,
Ки саҳаргаҳ ба манзари мо буд.
Дар паноҳаш фариштаи омин
Аз нигоҳи ману ту ого(ҳ) буд.

Ман қасам меҳурам ба он хобе,
Ки шабонаш ба хоб мебинам.
Ман қасам меҳурам ба он дарде,
Ки чу нораи ба сина бигзинам,

Ман қасам меҳурам ба он даште –
Кӯҳсораш бувад чу пистонат
Ва шафақ, дар фарози гардунхо
Ҳамчу лаъли лабони сӯзонат...

Тарҷумаи Толиби Лукмон

Сон

Застонал я от сна дурного
И проснулся, тяжело скорбя:
Снилось мне - ты любишь другого
И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели.
Как убийца от плахи своей,
И смотрел, как тускло блестели
Фонари глазами зверей.

Ах, наверно, таким бездомным
Не блуждал ни один человек
В эту ночь по улицам тёмным.
Как по руслам высохших рек.

Вот стою перед дверью,
Не дано мне иного пути.
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.

Он обидел тебе, я знаю,
Хоть и было это лишь сном,
Но я всё-таки умираю
Пред твоим закрытым окном.

Хоб

Нолишкунон бимнок аз бистари кобус
Бархостам ошуфтаавзову дилафзурда
Дар хоб дидам. дигареро дўст медорй,

Қалби туро ӯ бо чафои хеш озурда.

Бигрехтам аз бистарам бо изтироби беш,
Чун қотиле аз кундаву занциру завлона.
Дидам, ки сӯ-сӯ мезанад бо тобише хира
Фонусҳои қадди раҳ бо чашми гургона.

Шояд дар ин шаб, оҳ, дар ин кучаҳои тор
Ҳамчун ба маҷрои яке дарёи хушкида
Мисли мани оворау бехонумон фарде
Саргаштаву танҳову сардаргум нагардида.

Пеши дари кошонаат истодам инак.
Охир, чуз инам нест роҳу чораи дигар.
Ҳарчанд медонам, ман ҳаргиз нахоҳам дошт
Ёрои по бигзошта бар остони дар.

Қалби туро озурдкааст ӯ, оҳ, медонам.
Ҳарчанд танҳо хоб буду ваҳшату кобус.
Аммо ҳароина ман аз андӯҳ мемирам
Имшаб паси тирезаи пӯшидаат, афсӯс.

Перчатка

На руке моей перчатка,
И её я не сниму,

Под перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко
И которая уводит мысль во тьму.

На руке прикосновение
Тонких пальцев милых рук,
И как слух мой помнить пенье,
Так хранит их впечатленье
Эластичная перчатка, верный друг.

Если у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня - моя перчатка,
И о ней мне вспомнить сладко,
И её до новой встречи не сниму.

Дастпуш

Ба дастам дастпӯши нодире дорам,
Ки онро дарнамеёрам.
Таҳи ин дастпӯши ман муаммои ниҳоне ҳаст,
Ки ширинӣ бубахшад хотироти хушнавоямро,
Барад бар жарфнои тирагӣ андешаҳоямро.

Ба дастам нақши ангуштони дасти дилбаре боқист
Ва он соне ки оҳанги хушero ёд дорад гӯши ҳуши ман,
Ҳамон сон гавҳари ёди варо дар дурчи дил маҳфуз медорад

Рафиқи содиқи ман, дастпӯши ман.

Ҳама дорад муаммое, ки сӯи шаб барад ўро,

Ва ман ҳам дастпӯши рамзноки нодире дорад,

Ки ширинӣ бубахшад хотиротамро,

Ва то дидори нав онро зи дастам дарнамеёрам